

ВЕСТНИК

МГУ им. М.А.Шолохова

Sholokhov Moscow State University
for the Humanities

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Москва
2011

УДК 93/94
ISSN 2219-3987

2.2011

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. Шолохова**

Издается с 2010 г.

Серия «ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ»

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Московский
государственный
гуманитарный
университет
им. М.А. Шолохова

**ПИ № ФС 77–19007
от 15.12.2004 г.**

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18

Интернет-адрес:
www.mgou.ru

Редакционная коллегия
И.Г. Жиряков (*гл. редактор*),
А.И. Юрьев (*зам. гл. редактора*),
А.А. Орлов (*отв. секретарь*),
В.Д. Нечаев, В.И. Шерemet,
В.В. Панферова, А.В. Миронов

Электронная версия журнала:
www.mgou.ru

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Добровольский В.В.

История участия казачьих объединений в защите общественного порядка и региональной безопасности на Северном Кавказе 5

Затравкина Т.Ю.

Дислокация 890-го авиационного полка дальнего действия на аэродроме Летно-исследовательского института в поселке Стаханово 10

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Калмыков В.С.

Сражение под Адрианополем 378 г.: закономерное поражение римской армии или ошибка императора Валента? 15

Орлов А.А.

Влияние экономических факторов на политические отношения Великобритании и России в 1830–1840-е гг. 24

Шмелева О.И.

Боснийско-герцеговинское восстание 1875–1876 гг.: начало Восточного кризиса 70-х гг. XIX века. 38

ПОЛИТОЛОГИЯ

Дождиков А.В.

Политическая и социальная активность среднего класса в России как основной критерий идентификации его представителей 57

Никифоров Ю.А.

История как технология социального проектирования. 75

Казаков Х.Х.

Интеграция национально-культурных общественных объединений в региональную политическую систему (на примере Карачаево-Черкессии) 87

Масалов А.Г.

Правовые и социально-политические аспекты противодействия деятельности экстремистских организаций на Северном Кавказе. 92

Сайдарханов А.М.

Участие местных сообществ в развитии межкультурных коммуникаций 100

<i>Тарасов Л.В.</i> События культурной революции 1968 г. во Франции как модель анимационного преобразования общества.	107
НАШИ АВТОРЫ.	115
CONTENTS	117
ПАМЯТКА АВТОРУ	122

В.В. Добровольский

История участия казачьих объединений в защите общественного порядка и региональной безопасности на Северном Кавказе

В статье рассматриваются условия и факторы формирования и развития казачьих объединений на Юге России, их участия в охране общественного порядка и региональной безопасности в условиях Северного Кавказа.

Ключевые слова: казаки, казачьи общества, терское казачество, Терское казацье войско, Кавказское линейное казачье войско, общественный порядок, региональная безопасность, Северный Кавказ.

Понимание проблем восстановления в социально-политической системе Северного Кавказа казачьих общественных объединений, их участия в деятельности государства по защите общественного порядка и региональной безопасности возможно только с учетом конкретных исторических условий, на формирование которых, в свою очередь, оказали большое влияние общегосударственные, региональные и местные социальные, политические, экономические и иные факторы.

Среди основных причин активного формирования, развития и политизации общественных объединений на Северном Кавказе во второй половине 1980-х – первой половине 1990-х гг. выделяется долгосрочный системный кризис советской политической системы, вызвавший лавинообразное нарастание защитных реакций в национальном сознании, проявляющееся в их стремление к суверенизации – выходу из состава ослабшего унитарного Советского Союза для создания самостоятельных национальных государств, способных обеспечивать решение актуальные

социально-экономических и других проблем коренных народов. При этом на Северном Кавказе термин «коренные народы» неправомерно использовался для обозначения лишь титульных этнических групп, что обосновывало их территориальные и другие претензии к другим народам, проживающим в регионе более 100 лет и закономерно ставших «коренными». Легко определяемые этнические признаки «коренных» и «некоренных» народов в национальных республиках применялись национальными общественными объединениями для идентификации и сепарации сограждан на «своих» и «чужих», что вызывало рост напряженности в межэтнических отношениях, усиливало противоборство этнических групп и выражающих их интересы общественных объединений. Противоправные действия радикальных националистических организаций имели признаки экстремизма [10].

Наглядные примеры экстремистской противоправной деятельности в 1990-х гг. демонстрировали в республиках Северного Кавказа националистические организации, пропагандировавшие сепаратизм. Они претендовали на полную политическую власть в регионе, проводили «этнические мобилизации» для вытеснения из региона «инородцев» и «иноверцев», которые выступали против сепаратистских замыслов отделения Северного Кавказа от России и развала Российской Федерации на множество мелких национальных государств. Деятельность таких организаций была возможна из-за слабой государственной власти, допустившей «парад суверенитетов». Для сохранения единства Российской Федерации объективно требовались консолидирующие действия гражданского общества. Среди его акторов в конце 1980-х гг. стали выделяться казачьи общества, организованные по инициативе потомков казаков в местах их традиционного проживания.

Духовное и организационное возрождение казачества во второй половине 1980-х – первой половине 1990-х гг. стало закономерной реакцией наиболее активной части русскоязычного населения (не только этнических русских, но и иных представителей нетитульных народов, использовавших русский язык в качестве основного средства межэтнических коммуникаций) на деструктивные действия националистов и сепаратистов, которые в начале 1990-х гг. оформлялись в незаконные вооруженные формирования. Казачество стало своеобразным буфером, который значительно смягчил удары националистов и сепаратистов по основам российской государственности. В такой обстановке в марте 1990 г. была учреждена общественная организация «Терское казачество», которая провозгласила своей целью объединение всех терских казаков Северного Кавказа для защиты конституционных

прав законопослушного населения региона. К началу 1991 г. казачьи организации Терека и Сунжи насчитывали около 500 тыс. членов. Совместно с правоохранительными органами они формировали военизированные отряды местной самообороны для защиты казачьих станиц и иных поселений от посягательства бандитских группировок и иных незаконных вооруженных формирований местных националистов, агрессивные действия которых против казаков и других представителей «некоренных народов» приобретали характер террора и геноцида на территориях Чечни, Ингушетии и других республик. Конфедерация горских народов объявляла казаков своими основными врагами и принимала репрессивные меры по отношению к ним. Так, 7 апреля 1991 г. в пос. Карабулак Чечено-Ингушской АССР был убит один из наиболее активных организаторов терского казачества атаман Сунженского отдела А.И. Подколзин, а в ночь с 28 на 29 апреля 1991 г. многочисленная банда хорошо вооруженных националистов напала на станицу Троицкую. За время десятичасового погрома были убиты 5 человек, ранены 53 человека, сожжены 4 жилых дома, автомашины, разграблено имущество, совершены акты насилия над гражданами.

Террор националистов вызвал массовый исход русскоязычного населения из республик Северного Кавказа. Так, из Сунженского района Чечни до конца 1991 г. выехало около 500 семей. В последующие годы количество беженцев и вынужденных переселенцев из Чечни и Ингушетии увеличивалось, в результате чего количество русских в этих республиках уменьшилась в 10 раз – с 400 до 40 тыс. человек.

«Негорское» население притеснялось и в других республиках, вследствие чего только через Ставропольский край мигрировало около 1 млн. беженцев и вынужденных переселенцев, было зарегистрировано прибытие в край на постоянное жительство 280 тыс. беженцев и вынужденных переселенцев [5, с. 62].

Усилению консолидации казачьих обществ и их влияния на региональный политический процесс способствовала реорганизация в феврале 1992 г. общественного объединения «Терское казачество» в межрегиональную организацию «Терское казачье войско». Его целью провозглашалось возрождение терского казачества в исторических местах его жизнедеятельности. Но относительная малочисленность казачьих объединений, в которых насчитывалось менее 5% от общей численности населения региона, не позволяла казакам самостоятельно противостоять разгулу националистов. Поэтому в 1993 г. терцы поддержали объединение казачьих обществ Северного Кавказа в межрегиональную общественно-политическую организацию «Кавказское линейное казачество»

(впоследствии переименована в «Кавказское линейное казачье войско» – КЛКВ), уставной целью которой было «объединение казачьих организаций Северного Кавказа в единую общественно-политическую и экономическую структуру для совместной деятельности, восстановления и сохранения казачества как этнической формации, имеющей равные права на самовыражение, наряду с другими народами в этом регионе. Восстановление казачьих традиций, культуры, истории с учетом современных условий, пропаганда обычаев, праздников, обрядов казачества, их традиционного быта... реализация и защита гражданских (политических, экономических, культурных) прав и свобод казаков» [9].

В КЛКВ входили казачьи общества Ставропольского края, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии-Алании, Чечни, насчитывавшие около 300 тыс. членов, что создавало предпосылки для усиления влияния КЛКВ на общественно-политический процесс в регионе. Однако реформа государственно-казачьих отношений, проводившаяся во исполнение Указа Президента России от 9.08.1995 г. № 835 «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации» [7] и других политико-правовых документов [8], ослабила межрегиональные связи казачьих обществ Северного Кавказа и привела к роспуску КЛКВ. При этом нарастала зависимость казачьих объединений от характера отношения к ним региональной и местной политической элиты. Так, казачьи общества Ростовской области и Краснодарского края получают от государственных органов поддержку, которая во много раз больше, чем в других регионах Юга России.

Несмотря на эти обстоятельства, значительная часть казачьих обществ Северного Кавказа провела реорганизацию и была включена в государственный реестр казачьих обществ Российской Федерации в составе Терского войскового казачьего общества, Кубанского войскового казачьего общества и войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское».

Реализуя возможности, предоставленные законодательством «реестровым» казачьим обществам, в 1996 г. казаки сформировали 694-й отдельный мотострелковый казачий батальон им. генерала А.П. Ермолова, который участвовал в восстановлении конституционного порядка в Чечне. Кроме того, казаки Терского войскового казачьего общества сформировали две комендантские роты Внутренних войск МВД России и две отдельные мотострелковые роты Министерства обороны РФ, выполнявшие комендантские функции в Наурском и Шелковском районах Чечни. После прекращения активных боевых действий эти воинские части были расформированы.

Положительный опыт участия казаков в стабилизации социальных отношений, охране правопорядка накоплен в Краснодарском крае, Ростовской и Волгоградской областях, где созданы муниципальные казачьи дружины, которые получили от органов местного самоуправления полномочия и ресурсы для охраны общественного порядка [1–3]. В Ростовской области, например, правоохранительную работу ведут 54 муниципальные казачьи дружины численностью более 1100 человек. Их деятельность положительно сказывается на оперативной обстановке в области. Но в других регионах казачьи общества занимаются правоохранительной деятельностью только эпизодически, как правило, в дни церковных праздников. Так, несмотря на то, что согласно закону Ставропольского края от 18.12.2007 г. № 69-КЗ «Об участии граждан в обеспечении общественного порядка» [4] для казачьих обществ предоставлены дополнительные права и полномочия на участие в правоохранительной деятельности, не все казачьи общества заключили с правоохранительными органами и органами местного самоуправления договоры о сотрудничестве в охране правопорядка.

Очевидно, дальнейшее изучение опыта и перспектив участия казаков в охране региональной безопасности и общественного порядка позволит точнее определять реальный правоохранительный потенциал казачества, перспективы его использования для решения проблем охраны общественного порядка, региональной безопасности, противодействия различным противоправным действиям экстремистских организаций. Для этого правоохранительные и иные государственные органы должны налаживать взаимовыгодное сотрудничество с казачьими формированиями в соответствии с Концепцией государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества [6], активнее и эффективнее решать весь комплекс задач материально-технического оснащения муниципальных казачьих дружин, реально обеспечить социальные гарантии казакам, участвующим в правоохранительной деятельности.

Библиографический список

1. Закон Волгоградской области от 25.09.2000 г. № 41-ОД «О муниципальных казачьих дружинах на территории Волгоградской области» // Волгоградская правда. 2000. № 188. 10 окт.
2. Закон Краснодарского края от 5.11.2002 г. № 539-КЗ «О привлечении к государственной и иной службе членов казачьих обществ Кубанского казачьего войска в Краснодарском крае» // Кубанские новости. 2002. № 258. 4 дек.

3. Закон Ростовской области от 16.09.1999 г. № 47-ЗС «О муниципальных казачьих дружинах» // Наше время. 1999. № 188–189. 8 окт.
4. Закон Ставропольского края от 18.12.2007 г. № 69-КЗ «Об участии граждан в обеспечении охраны общественного порядка». URL: <http://www.dumask/ledislation/regional/zakony/2007/12200> (дата обращения: 15.03.2011).
5. Изменение основных демографических характеристик Ставропольского края за 1989–1999 гг.: Стат. сб. Ставрополь, 2000.
6. Концепция государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества. Утверждена Президентом Российской Федерации 2.07.2008 г. Пр-1355. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 20.03.2011).
7. Указ Президента Российской Федерации от 9.08.1995 г. № 835 «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3559.
8. Указ Президента Российской Федерации от 16.04.1996 г. № 563 «О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной или иной службе» // Российская газета. 1996. 24 апр.
9. Устав межрегиональной общественно-политической организации «Кавказское линейное казачество» // Ведомственный архив правительства Ставропольского края (ВАПСК). Оп. 1. Д. 154. Л. 2–3.
10. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. 2002. 30 июля.

Т.Ю. Затравкина

Дислокация 890-го авиационного полка дальнего действия на аэродроме Летно-исследовательского института в поселке Стаханово

В данной статье автор рассказывает о боевом пути периода 1942–1944 гг. 890-го авиационного полка дальнего действия, который в это время базировался на аэродроме Летно-исследовательского института в подмосковном поселке Стаханово (ныне г. Жуковский).

Ключевые слова: авиация дальнего действия, 890-й авиационный полк дальнего действия, Летно-исследовательский институт.

В период с 21 мая по 15 июня 1942 г. по приказу Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина в составе 45-й авиационной дивизии дальнего действия сформирован 890-й авиационный полк дальнего действия с дислокацией на аэродроме Летно-исследовательского института в подмосковном поселке Стаханово [2]. Именно в этот период фашистская армия, прорвав фронт на юге, устремились к Воронежу и Сталинграду. И советской армии как никогда была необходима наибольшая поддержка с воздуха. Материальной частью 890-го авиационного полка были самолеты Пе-8. Формирование полка было поручено майору Илюхину, начальнику штаба майору Фещенко и комиссару полка батальонному комиссару Ассонову. Инженером полка был назначен инженер-майор Корнилов. Основные кадры для формирования полка прибыли из 746-го авиационного полка дальнего действия, а остальной летный состав прибывал из других частей ВВС Красной Армии, которые хоть и имели летную практику, но никогда не летали на самолете Пе-8.

Таким образом, вместе с формированием полка одной из первоочередных задач было обучение летного состава летать на Пе-8 днем и ночью в сложных метеоусловиях. Чтобы обучение происходило быстрее, весь состав был сведен в две авиационные эскадрильи, т.к. инструкторов было недостаточно, а это не давало возможности одновременно обучать летчиков и выполнять боевые задания тремя эскадрильями. Все обучение проходило по следующей схеме: перед вывозными полетами состав проходил наземную подготовку по изучению материальной части и эксплуатации Пе-8, далее сдавал зачеты, а уже потом допускался к практическим полетам. Одновременно проходило обучение штурманского и другого летно-технического состава. Экипаж самолета назначался приказом по полку еще до самостоятельного вылета летчика. Именно это позволяло сформировать сплоченный экипаж, готовый приступить к боевой работе.

В задачи наземной подготовки входило «готовить такие экипажи, которые могли бы при плохих метеоусловиях ночью прийти к цели, находясь от аэродрома дальше, чем 1000 км, и грамотно выполнить поставленную задачу» [1]. На занятиях с летчиками и штурманами рассматривались следующие вопросы:

- самолетовождение в сложных условиях (особенно осенью, зимой и весной);
- подробное изучение самолета Пе-8 и моторов АМ-35а и М-82;
- изучение объектов дальних целей;
- компасная навигация, радионавигация, астрономия;

- изучение тактико-технических данных самолетов и тактика действий ВВС противника;
- тактическая подготовка;
- метеослужба.

Материальная часть в полк поступала очень медленно, поэтому большое внимание уделялось тщательным осмотрам и при необходимости – немедленному ремонту, несмотря на погодные условия и время суток. А ввиду того, что пребывающий летный состав не летал на Пе-8, самолетный парк использовался только на 60–80% от имеющегося на вооружении. В среднем по годам материальная часть Пе-8 использовалась так: в 1942 г. – 66%, в 1943 г. – 84,5%, в 1944 г. – 54% [1].

890-й авиационный полк дальнего действия непосредственно в состав фронтов не входил, а выполнял задания в интересах наземных войск всех фронтов и по особому заданию командующего авиацией дальнего действия в составе 45-й авиационной дивизии дальнего действия, действуя по целям, отдаленным от линии фронта.

Полк к концу начального этапа своего формирования, имея в своем составе 5 боевых экипажей, четырем из них 15 июня 1942 г. совершил свой первый боевой вылет с аэродрома Летно-исследовательского института в подмосковном поселке Стаханово, который в годы войны был засекречен. Главной задачей данного вылета было уничтожение материальной части противника и разрушение летного поля на аэродроме Боровское. Данная задача была успешно выполнена, и полк продолжил свое доформирование, участвуя в боях.

К 1 февраля 1943 г. полк уже имел 25 подготовленных летчиков, 17 из которых летали ночью в тяжелых метеоусловиях. С этого времени полк начал выполнять боевые задания в составе 3-х авиационных эскадрилий.

С 18 по 25 сентября 1942 г. полк принимал участие в разгроме немцев под Сталинградом. Также 890-й авиационный полк дальнего действия участвовал в Орловской операции. С 18 июня по 30 декабря 1942 г. полк принимал участие в освобождении Белоруссии, а с 25 января по 29 сентября 1943 г. совершал боевые вылеты в интересах Белорусских фронтов. С 26 июня по 26 сентября 1942 г. и с 25 января по 20 июля 1943 г. полк громил врага на полях Украины. С 1 июля по 20 сентября 1943 г. – участвовал в борьбе за освобождение Ленинграда. С 9 марта по 22 декабря 1944 г. полк совершал боевые вылеты, участвуя в освобождении Прибалтийских республик.

890-й авиационный полк дальнего действия также принимал активное участие в разрушении железнодорожных узлов и военно-

промышленных объектов фашистской Германии и ее союзников. Так, 30 августа 1942 г. силами полка был произведен боевой вылет на Берлин. И, несмотря на интенсивный зенитный огонь со стороны противника, экипажи выполнили свою задачу и без потерь вернулись на свой аэродром. Также полк совершал вылеты на Будапешт, Бухарест, Кенигсберг, Данциг, Тильзит, Инстербург, Бридланд, важные промышленные объекты Варшавы, портовые сооружения и военные объекты Хельсинки, произвел 2 вылета по уничтожению транспорта, живой силы и железнодорожных узлов Резекне и Двинска, бомбил портовые сооружения, подъездные пути и транспорт противника в портах Констанца и Сулино.

Свою боевую работу, за исключением двух вылетов за все время существования, полк производил в ночных условиях. Часто на отдельных участках летные экипажи полка летели в сложной метеообстановке, т.к. полеты были на большие расстояния, и это затрудняло получение точного прогноза погоды на время полета.

Хотя полк не имел непосредственного взаимодействия с наземными войсками, он действовал в их интересах, и результаты бомбардировки целей оказывали влияние на общую обстановку на фронте.

Библиографический список

1. Исторический материал полка // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 90 АПДД. О. 435394с. Д. 13. Л. 16 об.
2. Постановление ГКО № 1694. Приказ НКО СССР № 0097 от 21 мая 1942 г. // МУК «Жуковский музей истории покорения неба».

В.С. Калмыков

Сражение под Адрианополем 378 г.: закономерное поражение римской армии или ошибка императора Валента?

Статья посвящена поражению римской армии в Адрианопольском сражении. В ней рассматривается состояние римской армии в IV в., ее тактика и вооружение. Определяются причины и последствия поражения, а также его влияние на развитие римской армии.

Ключевые слова: вестготы, император Валент, Адрианополь, римская конница, римская пехота.

9 августа 378 г. под Адрианополем армия Восточной Римской империи под командованием императора Валента была полностью разбита восставшими вестготами. В военной истории эта битва считается определенным водоразделом, после которого римская армия уже не смогла восстановить свою боеспособность, а в вооружении и тактике боевых действий тяжелая пехота уступила свое место тяжелой коннице. Как пишет военный историк и исследователь оружия Эварт Окшотт, «былые дни абсолютного превосходства легионеров над любыми другими родами войск ушли безвозвратно, и в течение следующей тысячи лет кавалерист в тяжелой броне, сражавшейся копьем и мечом, решал исход войны» [8, с. 96]. По мнению исследователя, основной причиной, которая позволила готам одержать столь впечатляющую победу, было наличие у них тяжелой конницы и, самое главное, наличие у готских всадников стремян [Там же, с. 98]. Данное заявление можно считать слишком смелым утверждением, поскольку наличие стремян у готских всадников не доказано, а наличие тяжелой конницы не является необходимым атрибутом победоносной армии.

Однако именно такое представление о битве под Адрианополем и причинах поражения римской армии имеет место и в других научных трудах. Питер Конноли, известный исследователь военного дела античности, также обращает внимание на тот факт, что «Адрианопольская битва считалась победой конницы над пехотой и революцией в военном деле» [5, с. 257]. Большинство историков ссылаются при этом на римского писателя Аммиана Марцеллина, являвшегося современником этих событий. Однако остается несколько вопросов, ответы на которые позволят определить причины поражения римской армии и гибели императора Валента.

Во-первых, как на боеспособности римской армии отразилось командование императора и принятые им решения? Во-вторых, почему римская пехота оказалась неспособна противостоять готской коннице, хотя римская армия имела опыт войны с Парфией и Сасанидским Ираном, где тяжелая конница была основой армии? В-третьих, насколько разгром под Адрианополем характеризует общее состояние римской армии и как он повлиял на ее дальнейшее развитие?

При ответе на эти вопросы можно определить, является ли данная битва новой вехой в развитии военного дела, или же поражение римской армии носит чисто субъективный характер. Следует отметить, что римская армия в IV в. переживала не лучшие времена, она так и не смогла полностью оправиться от последствий экономического, социального и политического кризиса, поразившего империю в III в. После реформ Диоклетиана и Константина была бесповоротно утрачена связь с традиционным делением на легионы. Армия окончательно разделилась на две части: более профессиональная, хорошо обученная и вооруженная мобильная, или походная, и войска в пограничных крепостях, практически посаженные на землю и не имеющие должной выучки и вооружения. Постепенно римские императоры начинают отдавать предпочтение тяжелой коннице (катафракты или клибанарии), а не пехоте, поскольку стремятся усилить мобильность и ударную мощь полевой армии. Однако в римской армии не было традиций для формирования тяжелой конницы высокого класса, поэтому императоры были вынуждены набирать в нее варваров и тратить большие средства на ее развитие. Из-за тяжелой экономической ситуации быстро и качественно перестроить армию было невозможно, поэтому выучка тяжелой конницы все равно была не на высоте, а состояние пехоты стало стремительно ухудшаться.

Римская пехота IV в. была многочисленна и еще сохраняла традиции старых легионов эпохи принципата, но качество ее вооружения и выучка

катастрофически падали. Как пишет Питер Конноли, главная проблема была связана с пополнением армии качественным составом, особенно из коренных жителей империи [5, с. 255]. Также он дает достаточно высокую оценку римской пехоте того времени, которая «была по-прежнему надежной, но более гибкой», отмечая ее дисциплинированность [Там же, с. 257]. Фактически римская армия IV в. представляла собой некий усредненный и варваризированный вариант традиционных легионов, подготовленный для пограничных войн с варварами, но не имеющей запаса прочности в виде резервов. С другой стороны, состояние римской кавалерии было не таким идеальным, как у пехоты. Именно слабость конницы привела к поражению армии императора Юлиана во время персидского похода [9, с. 29].

В эпоху принципата римская кавалерия также не отличалась высоким качеством и набиралась из союзных племен, но ее слабость компенсировалась силой и выучкой пехоты легионов, а также профессиональным командованием и гибкой тактикой. Римская пехота в IV в. уже не могла компенсировать слабость конницы, поэтому любая ошибка командования могла стать фатальной для армии.

Возникает вопрос, насколько римская пехота была готова к противостоянию тяжелой коннице и как происходила ее эволюция в I–II вв. Исследователи военного дела античности отмечают, что уже во II в. основную тяжесть сражений на границах Римской империи несли вспомогательные части, так называемые «ауксиларии». Это было связано с тем, что тяжелая пехота легионов потеряла свою универсальность: для прикрытия границы, вспомогательной службы и стычек с германцами легионеры уже не годились. Их комплект вооружения и выучка были ориентированы на бой в тесном строю на более или менее ровной местности при поддержке легкой пехоты. Для германских лесов это было неудобно и плохо реализуемо в тактическом плане. Поэтому римская пехота все больше вооружалась и использовала тактику солдат вспомогательных войск, набираемых из германцев. Вооружение и тактика новой пехоты были направлены, прежде всего, против рассыпного строя германцев в лесу и на пересеченной местности.

Как отмечает Я.И. Зверев, комплекс вооружения также был направлен на эти задачи. В него входило новое копьё – «ланцеа», которое можно было применять как для удара, так и для метания. Оно также было удобно и для боя в строю фаланги. Вводятся новые типы метательных копий: тяжелый спикулум и легкий ерута. Вместо старого гладиуса солдаты начинают использовать длинный меч спату, удобный как для боя в строю, так и на средней дистанции. В защитном вооружении остается

щит, часто овальной формы, но исчезает тяжелый панцирь «лорика сегментата», основной доспех легионера в I–II вв. На вооружении остается кольчуга, чешуйчатый панцирь и новый ламеллярный доспех. Однако только воины первых двух шеренг и офицеры имели полный комплект вооружения. Связано это было с общим упадком ремесленного производства и дороговизной доспехов [4, с. 34]. В принципе, даже в таком виде римская пехота была вполне боеспособна и в сомкнутом строю могла противостоять катафрактам, для этого требовалось умелое командование и поддержка со стороны своей конницы и легкой пехоты. Для военных действий против германцев данный комплекс вооружения был вполне достаточен. Практически римский пехотинец в IV в. превратился из тяжеловооруженного в средневооруженного и по своему уровню приблизился к германским воинам. Римская тяжелая кавалерия копировала парфянских и сарматских катафрактов, но для достижения высокого качества этого рода войск требовалось дорогостоящее защитное вооружение, боевые кони и умелые всадники. Вследствие этого тяжелая конница в римской армии была дорогим и немногочисленным родом войск.

Определенные проблемы были у римской армии во взаимодействии родов войск, которые усугублялись большими потерями профессиональных офицерских кадров во время гражданских войн. Как отмечает П.В. Шувалов, такие войны были наиболее тяжелыми и кровопролитными. Так, в битве около города Мурса 28 сентября 351 г. во время войны между императором Констанцием II и узурпатором Магненцием участвовало 80 тыс. и 36 тыс. солдат соответственно, из которых на поле боя осталось около 54 тыс. [9, с. 28]. Такие потери были практически невосполнимы, при этом римская армия теряла наиболее подготовленных солдат и офицеров. Набрать и подготовить новых солдат не было ни времени, ни ресурсов, поэтому римским императорам приходилось все больше нанимать варваров, в основном германцев, слабо связанных с римской военной традицией. Из этого следует, что практически весь IV в. римская армия находилась в состоянии изменения и перестройки под новые экономические и социально-политические условия. К этому следует добавить практически непрерывные войны, в том числе и гражданские, поэтому к 378 г. римская армия была далеко не в лучшем состоянии, но из этого не следует, что вестготы были для римлян непобедимым противником.

Римская армия и ее офицеры имела громадный опыт войны с германскими племенами, в том числе и с готами. В этой войне римляне могли добиваться решительных побед, например, как в сражении при Аргенторате в 357 г., когда римская армия разбила племя аллеманов. Как пишет

военный историк Хофман Никерсон, всю тяжесть боя вынесла на себе римская пехота. Он также отмечает падение выучки и дисциплины у римской кавалерии [7, с. 69]. С готскими племенами римляне также воевали уже с III в., поэтому ни их тактика, ни вооружение не были секретом для римских солдат и офицеров.

Противостояние с варварскими племенами вышло на новый уровень в 370-х гг., когда в степях Северного Причерноморья появляются гунны. Они разбили готскую державу и около 200 тыс. готов бежали к границам Восточной Римской империи. Готские вожди просили императора Валента дать им землю для поселения в качестве федератов империи. Разрешение императора было получено осенью 376 г. и визиготы, а также часть остроготовов стали переправляться через Дунай на территорию провинции Фракия. Однако голодная зима и злоупотребления римских чиновников заставили готов восстать. Под предводительством своего вождя Фритигерна они начали грабить Фракию. Следует учесть, что основные силы римской армии находились на Востоке и были заняты войной с персами. Поэтому против готов был послан небольшой отряд, к которому присоединились войска императора Запада Грациана. Битва с готами произошла у города Салиций в конце лета 377 г. Численность готов составляла около 12 тыс. человек, римские силы были малочисленнее. Битва продолжалась достаточно долго и закончилась ничейным результатом.

Исследователь тактики готов А.К. Нефедкин отмечает достаточную стойкость римской пехоты, а также использование готами телег в виде укрепления на холме. Во время сражения готы даже смогли прорвать строй римлян, но резерв пехоты спас положение и отбил готов [6, с. 10–11]. Из этого ясно, что римская армия, даже уступая в численности, могла успешно противостоять готам. Следует обратить внимание и на тот факт, что в битве при Салиции у готов не было кавалерии. Вождь готов Фритигерн, понимая, что без кавалерии его войско обречено на пассивную оборону, сумел договориться с вождями гревтунгов, гуннов и аланов о их присоединении к готам. Историк Х. Вольфрам считает данный союз основным успехом Фритигерна [3].

Однако среди них не могло быть много тяжеловооруженных всадников, скорее всего, это были личные дружины вождей, остальные конники, скорее всего, были стрелками из лука. Постепенно император Валент осознал опасность, грозящую балканским провинциям империи, и собрал все боеспособные части для подавления готского мятежа. С другой стороны, император и его окружение проявили определенную недооценку противника. Как пишет Х. Вольфрам, это было связано с тем, что в первую готскую войну 367–369 гг. противник в основном спасался бегством,

а в сражении при Салиции римская армия билась очень хорошо и практически разбила готов. Император и его офицеры считали, что готы не смогут противостоять римской армии, чья численность достигла 30–40 тыс. человек [3]. Также на помощь императору Валенту двигалась армия императора Запада Грациана, которая еще больше усилила бы силы римлян.

Основным источником, описывающим битву под Адрианополем, является исторический труд римского писателя Аммиана Марцеллина, бывшего современником данных событий. Как сообщает римский историк, император Валент получил письмо от императора Запада Грациана, в котором тот «просил его в своем письме немного подождать соратника по опасности и не кидаться одному наобум в жестокие опасности» [1, кн. 31.12.5]. Валент собрал военный совет для обсуждения этого письма, мнения придворных и офицеров разделились. Одни настаивали на немедленном сражении, другие, например, магистр конницы Виктор, считали, что следует подождать подкрепления. Позиция командующего конницей основывалась, скорее всего, на том, что он сознавал определенную слабость римской кавалерии и не хотел рисковать. Однако победило «злосчастное упрямство императора и льстивое мнение некоторых придворных, которые советовали действовать с возможной быстротой, чтобы не допустить к участию в победе, – как они себе это представляли, – Грациана» [Там же, кн. 31.12.6, 7].

Это была главная стратегическая ошибка императора Валента, поскольку время работало на римлян, а не на готов. Понимал это и вождь готов Фритигерн, затеявший тайные переговоры с римлянами [Там же, кн. 31.12.8, 9]. На рассвете 9 августа 378 г. римская армия быстрым маршем подошла к Адрианополю, солдаты были утомлены зноем и каменистой дорогой. Готы укрепились на холме в Вагенбурге, а их конница под предводительством Алафея и Сафрака находилась на фуражировке. Римская армия начала выстраиваться в боевой порядок: «правое крыло конницы было выдвинуто вперед, а большая часть пехоты была поставлена позади в резерве. Левое крыло конницы строили с большими затруднениями, так как большая часть предназначенных для него отрядов была еще рассеяна по дорогам» [Там же, кн. 31.12.10, 12]. Из этого описания можно сделать вывод о плохой координации римских соединений, большой спешке и недооценке противника.

Также обращает на себя внимание плохая организация разведки. Это были несомненные тактические ошибки офицеров римской армии. Вождь готов Фритигерн опять прислал послов для мирных переговоров, но, как считает Аммиан Марцеллин, «готы нарочно медлили, чтобы за время этого обманного перемирия могла вернуться их конница, которая, как

они надеялись, должна была сейчас явиться» [1, кн. 31.12.12, 13]. Так ли это было на самом деле, сказать трудно, скорее всего, Фритигерн старался использовать любые ошибки римского командования. Сражение началось спонтанно, когда «стрелки и skutарии, которыми тогда командовали ибер Бакурий и Кассиан, в горячем натиске прошли слишком далеко вперед и завязали бой с противником» [Там же, кн. 31.12.16, 17]. Фактически авангард римской армии самостоятельно начал сражение, когда сам император еще вел переговоры с послами готов. Это говорит о полном отсутствии централизованного управления римской армией. Римляне начали штурм Вагенбурга, но оказались не готовы к внезапной атаке готской и аланской конницы. Как пишет Аммиан Марцеллин, «готская конница между тем вернулась с Алафеем и Сафраком во главе вместе с отрядом аланов. Как молния, появилась она с крутых гор и пронеслась в стремительной атаке, сметая все на своем пути» [Там же, кн. 31.12.17].

Римская армия была атакована внезапно, что лишний раз доказывает полное отсутствие разведки. П.В. Шувалов, реконструируя ход сражения, считает, что текст Аммиана Марцеллина следует понимать так: «готско-аланская конница, вооруженная преимущественно длинными пиками, мечами и, возможно, щитами, атаковала выдвинувшийся правый фланг римлян, уже вступивший в бой с готами. Опрокинув или отрезав его от остальных сил, она, скорее всего, прошла вдоль фронта римлян, расчищая от легкой пехоты противника место для атаки своей пехоты. После этого готская и аланская конница должна была укрыться на правом фланге готов и, совершив разворот, изготовиться к следующей атаке, в ходе которой должна была разгромить левый фланг римлян» [9, с. 32]. Данная реконструкция сражения достаточно реалистична, и из нее видно, что римская кавалерия и легкая пехота были полностью разбиты. Произошло это из-за ошибок, допущенных командованием римской армии. Основная часть римской пехоты оказалась в окружении: «Пехота оказалась, таким образом, без прикрытия, и манипулы были так близко один от другого, что трудно было пустить в ход меч и отвести руку» [1, кн. 31.13.2]. Однако это не свидетельство превосходства конницы над пехотой, а, скорее всего, демонстрация слабости римского командования, а также плохой выучки римской конницы и легкой пехоты.

Одновременно, по свидетельству Аммиана Марцеллина, отдельные части римской тяжелой пехоты продолжали стойко сопротивляться: «В этой страшной сумятице пехотинцы, истощенные от напряжения и опасностей, копья у большинства были разбиты от постоянных ударов, стали бросаться лишь с мечами на густые отряды врагов, не помышляя уже больше о спасении жизни» [Там же, кн. 31.13.5].

Из этого следует, что римская пехота пыталась построиться в плотное каре, поставив в первые ряды копьеносцев. Данная тактика была вполне эффективной, но для ее исполнения требовалось прикрытие из легкой пехоты и конницы, а также время на построение. Отборные части римской пехоты, ланциарии и маттиарии «стояли несокрушимой стеной, пока можно было выдержать численное превосходство врага» [1, кн. 31.13.8]. Это заявление римского историка лишний раз доказывает, что в римской армии была хорошо обученная и дисциплинированная пехота, только ее было слишком мало, чтобы переломить ход сражения, поэтому она была смята и уничтожена. Можно согласиться с П.В. Шуваловым, что главной причиной поражения была стратегическая ошибка императора Валента, а также тактическое превосходство конницы готов и аланов над римской кавалерией [9, с. 33]. Тактическое превосходство вражеской конницы было реализовано из-за ошибок римских офицеров, которые не организовали разведку и начали сражение без четкого плана действий. Качество римской армии в IV в. значительно ухудшилось по сравнению с римскими легионами I–II вв. Тяжелая пехота при поддержке конницы и легкой пехоты и правильном управлении вполне способна отразить атаки тяжелой конницы. Именно этого была лишена римская пехота под Адрианополем. Было ли поражение римской армии закономерным и неизбежным? В конкретной ситуации все зависело от императора Валента и его офицеров, которые не смогли адекватно оценить противника и организовать разведку. Если бы Валент дождался армии императора Запада Грациана, а его офицеры организовали разведку и узнали бы о готской и аланской коннице, то весь ход войны с готами мог пойти по другому сценарию. С другой стороны, это сражение продемонстрировало тот факт, что качество римской армии стремительно падает. На исправление этого у римлян уже не было ни времени, ни ресурсов. В этом случае любое поражение римской армии оборачивалось катастрофой, поскольку восстановить армию было очень сложно.

Адрианопольское поражение произвело определенное впечатление на военную элиту Римской империи и привело к пересмотру военной доктрины. В трактате военного теоретика Вегеция было написано следующее: «Хотя (до последнего времени) вооружение всадников улучшилось по примеру готов и алан, пехотинцы продолжают быть обнаженными» [2, кн. 1.2]. Римские военные бросили все силы на подготовку качественной тяжелой конницы и конных стрелков, не занимаясь развитием тяжелой пехоты. В условиях тяжелого экономического и социального кризиса воссоздать качественную тяжелую пехоту было невозможно:

постепенно исчезал тот социальный слой, из которого можно было сформировать эту пехоту.

Также Римской империи требовались мобильные и хорошо вооруженные части, таким требованиям отвечала тяжелая конница и конные стрелки, пехоте же отводилась вспомогательная роль. В заключение следует сказать, что военное дело Римской империи в это время находилось в состоянии изменения и перестройки под новые социально-экономические условия. На Западе этот процесс не завершился, но на Востоке он закончился в VI–VII вв., когда была сформирована новая византийская армия.

Библиографический список

1. Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб., 2000.
2. Вегетий Флавий Ренат. Краткое изложение военного дела // Военная мысль античности. СПб., 2002.
3. Вольфрам Х. Вторжение готов 376–378 гг. URL: <http://www.roman-glory.com> (дата обращения: 03.08.2002).
4. Зверев Я.И. Развитие и исчезновение римской пехоты // Воин. 2002. № 8.
5. Конноли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории: эволюция военного искусства на протяжении 12 веков. М., 2000.
6. Нефедкин А.К. Тактика готов IV века на примере битвы при Салиции (377 год) // Воин. 2002. № 9.
7. Никерсон Х. Войны в эпоху Римской империи и средние века. М., 2008.
8. Окшотт Э. Археология оружия. М., 2006.
9. Шувалов П.В. Секрет армии Юстиниана. Восточноримская армия в 491–641 гг. // Петербургское Востоковедение. СПб., 2006.

А.А. Орлов

Влияние экономических факторов на политические отношения Великобритании и России в 1830–1840-е гг.

В статье поставлена следующая проблема: как в 1830–1840-х гг. российско-британские экономические связи влияли на политические отношения двух стран? В 1830-х гг. британское купечество было крайне заинтересовано в том, чтобы сохранить российский рынок. Тем не менее, в торговле с Россией для британцев существовало серьезное затруднение – протекционизм русской таможенной политики. Его «отцом» был министр финансов гр. Е.Ф. Канкрин. После отставки министра в 1844 г. император Николай I стремился доступными ему экономическими средствами содействовать Великобритании и Франции в преодолении трудностей их внутреннего развития для предотвращения потрясений, способных нанести непоправимый вред венской системе международных отношений.

Ключевые слова: экономика Великобритании и России в 1830–1840-х гг., российско-британские отношения, венская система международных отношений, гр. Е.Ф. Канкрин, гр. К.В. Нессельроде, премьер-министр Р. Пиль, министр иностранных дел Дж.Г. Гордон лорд Эбердин.

В 1830–1840-х гг. финансовое и коммерческое благополучие России по-прежнему в значительной степени зависело от состояния отношений с Великобританией.

Для того чтобы играть самостоятельную роль в «европейском концерте» держав и на равных взаимодействовать с Лондоном (сохранить статус партнера Британии в венской системе международных отношений), Россия стремилась, с одной стороны, защитить свою экономику протекционистскими таможенными тарифами, а с другой – развивать торговлю балтийских и черноморских портов. Продолжались попытки изменения структуры внешней торговли. Для российских промышленников было выгодно, чтобы из Англии поступали необходимые для их предприятий усовершенствованные механизмы и сырье. В то же время они хотели обезопасить отечественный рынок от проникновения на него однотипных с российскими, но более качественных и дешевых британских товаров. Убежденным защитником и проводником этой линии был российский министр финансов гр. Е.Ф. Канкрин, которому удавалось

время от времени привлекать на свою сторону министра иностранных дел вице-канцлера гр. К.В. Нессельроде. Вообще Канкрин не стремился иметь влиятельных союзников, предпочитая действовать в одиночку [7, с. 128] при поддержке со стороны императора Николая I. Это, как потом выяснилось, способствовало постепенной утрате достижений министра после его отставки в 1844 г.

На политику правящих кругов Великобритании значительное влияние оказывала полемика, ведущаяся в английской публицистике со времени обострения британо-российских отношений в начале 1830-х гг. В ней, по словам советского историка Л.С. Семёнова, «... отчетливо проявилась борьба двух тенденций в отношении развития экономических связей с Россией» [9, с. 41].

Идеологи манчестерской школы английских фритредеров рассчитывали, что пример Англии побудит другие государства Европы, в т.ч. Россию, принять принципы свободной торговли. Таким путем можно будет добиться расширения рынка сбыта британских товаров. Главным выразителем подобных взглядов был известный борец против «хлебных законов» Р. Кобден. Его деятельность оказала определенное влияние на политику правительства. Е.В. Тарле подчеркивал: «... глава консервативного правительства Роберт Пиль... постепенно склонялся к сближению с Ричардом Кобденом, основные требования которого относительно отмены хлебных законов, как известно, Пиль и осуществил в 1846 г.» [10, с. 101].

Представители другого направления призывали британских предпринимателей переключиться на активное освоение турецкого рынка, поставив его под полный контроль Англии. Эта программа пропагандировалась дипломатом и публицистом Д. Уркартом в отдельных работах и статьях, а также в издаваемых им сериях сборников «Портфель» (The Portfolio). В своих публикациях Уркарт предлагал вести с Россией таможенную войну, чтобы заставить русских дворян-экспортеров оказывать давление на собственное правительство с целью заставить его отказаться от протекционизма. «Помимо таможенной войны, “Portfolio” предлагал и другой путь. Англия могла бы добиться от соседней с Россией Турции “отмены всех ограничений, введение которых стоило России таких усилий”, а Турция статьями своего вывоза могла бы соперничать с Россией и “снабжать нас всякого рода сырьем по более дешевой цене...”» [9, с. 42].

Изучение архивных документов убеждает: в 1830-х гг. британское купечество было крайне заинтересовано в том, чтобы сохранить российский рынок. В обоснование этого приведем, как минимум, три причины. Во-первых, налаженные древние устойчивые связи и выгодные позиции,

завоеванные британцами в России. Во-вторых, политическая стабильность (особенно в сравнении с нарастающим после прихода к власти султана Абдул-Меджида (1839–1861) политическим хаосом в Турции), гарантирующая сохранение их капиталов и предоставляющая возможности для расширения сферы деятельности. В-третьих, наличие у населения России разнообразных материальных потребностей, сходных с потребностями других европейцев, и желания следовать за европейской модой, что пока еще было слабо развито в Турции. Другими словами, если в России британцы находили заинтересованного потребителя их товаров, то в Турции и других странах Востока его требовалось создать, потратив на это время, силы и средства. Тем не менее, в торговле с Россией, особенно когда пост министра финансов занимал Канкрин, для британцев существовало серьезное затруднение – протекционистский характер русской таможенной политики. Поэтому они всеми возможными способами (в ход по-прежнему шла даже контрабанда), боролись с протекционизмом, не пренебрегая возможностью прямого обращения к высшим чиновникам империи, в т.ч. и к Николаю I.

Примером такой борьбы, свидетельствующем о большом желании британцев не только сохранить свои позиции на российском рынке, но и укрепить их, перехватив у других выгодные статьи экспорта, может служить дело, сохранившееся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). Оно посвящено рассмотрению просьбы английских купцов о даровании им права поставлять в Россию мелкоколоченый (луповый) сахар на тех же основаниях, что и доставляемый с о. Куба тростниковый глинерованный (пропущенный через глину) сахар. Дело тянулось с 1830 по 1835 гг.

18/30 июня 1830 г. британский посол У. А'Корт барон Хейтсбери вручил Нессельроде ноту, в которой говорилось, что по поручению своего правительства он обращается к вице-канцлеру за разъяснением: на каком основании «...привоз в Россию некоторого рода сахару, вывозимого из Англии, запрещен, между тем, как таковой же сахар, привозимый из других мест, свободно пропускается» [4, л. 7]. Британцы доказывали: в действующем русском тарифе допущена ошибка, позволяющая запретить привоз в страну лупового сахара как рафинада, готового к употреблению, и разрешающая доставку гаванского глинерованного сахара как полуфабриката, хотя оба вида «...во всех отношениях принимаются в торговле за один и тот же сахар» [Там же, л. 7–7 об.]. Именно это неравенство побудило купечество жаловаться.

Хейтсбери выражал свою убежденность в том, что как только несоответствие будет доведено до сведения российского правительства,

последнее «...охотно примет меры для доставления Британцам, привозящим сахар в Россию, тех прав, коими пользуются их более уважаемые (т.е. те, кому оказано больше уважения. – *А.О.*) соперники» [4, л. 9–9 об.].

В обоснование предъявленного требования посол приводил два обстоятельства. После уничтожения монополии и разрешения доставки в Россию из Англии лумпового сахара, указывал он, цена на этот продукт резко упадет, что будет выгодно для массового российского потребителя. (Поставщики же не потеряют в доходах из-за роста потребления.) «...С исключением Британских купцов от привоза сахара для существующих в России сахарных заводов, цена на Гаванский сахар, который один только дозволен, чрезвычайно возвысилась в С. Петербурге. Британское Правительство имеет точное сведение, что цена за сей товар в С. Петербурге 45 [рублей], а доставленный такой же доброты из Англии будет стоить 36» [Там же, л. 10]. Кроме того, Хейтсбери напоминал: России еще в 1827 г. специальным указом Тайного совета при короле Георге IV от 16 июля (н.ст.) было в одностороннем порядке предоставлено право наибольшего благоприятствования (*placed upon the footing of the most favored Nations*) в торговле с британскими колониями. «Испрашивая согласия Императорского Кабинета на сие представление, Британское Правительство не требует ничего более от России, как токмо некоторого вознаграждения за то, что уже с избытком ей уступлено. Расположение Англии к России очевидно из того, что она простирает вполне на Российскую Торговлю все преимущества, кои дарованы прочим народам, а сие самое, кажется, дает право Англии настоять на взаимство (так в тексте. – *А.О.*) в сем случае» [Там же, л. 10 об. – 11].

Послу тогда не удалось добиться разрешения на ввоз сахара из Англии. Против привоза лумпового сахара выступало «Общество сахароваров», первое в России объединение промышленников, образованное в 1834 г. [9, с. 39]. Протест поддержал Канкрин. Он также не мог не учитывать того, что пошлина на привозной сахарный песок, составлявшая в 1824–1832 гг. 2 руб. 50 коп. с пуда, давала государству в год 2 940 291 руб. дохода [1, с. 173]. Для поддержания производства и для контроля над ценами правительство закупало значительную часть сахара, производимого на отечественных предприятиях.

Знаменитый русский поэт кн. П.А. Вяземский в 1830 г. побывал на сахароваренном заводе Клеменса, управляемом Гартманом, в Ревеле. По словам князя, там вываривалось 25 тыс. пудов в год. Можно было довести производство до 100 и даже 300 тыс. пудов, «...но нет выгоды работать более, нежели количество, требуемое Ревелем, Дерптом, Пернау». Казна обязалась закупить по «привилегированной плате»

140 тыс. пудов в течение 10 лет, обязав владельца получать сырье только из Петербурга. «Гартман говорит, что ему было бы выгоднее получать из Гамбурга, или прямо из Лондона», – записал поэт в своем дневнике. Ограниченность рынка сбыта, а также условия производства и продажи товара, навязанные фабрикантам властями, привели к стремлению арендатора и владельца скрывать доходы, не слишком заботясь о развитии завода. «Производство по-старинному. Гартман не слишком доверяет паровому производству. <...> Он замечает и то, что если паровое производство было бы признано лучшим, то в Англии, в Гамбурге покинули бы старинную методу, а между тем некоторые ее держатся» [7, с. 133–134].

Британцы не оставили попыток настоять на своем. После ухода Канкрин с поста министра и назначения его преемником более покладистого и склонного к компромиссам Ф.П. Вронченко, в 1845, 1846 и 1849 гг. давались временные разрешения (без изменения тарифа) на ввоз в Россию толченого сахара с пошлиной, определенной на сахар-сырец, что официально объяснялось стихийными бедствиями (ураган, неурожай сахарного тростника) на Кубе. Однако при этом импортные пошлины на сахар-сырец были повышены и только после ходатайств петербургских сахарозаводчиков, использовавших привозное сырье, несколько снижены в 1848 г. [9, с. 39]. В таможенном тарифе на 1851 г. (утвержден 13 октября 1850 г.), составленном председателем тарифного комитета Л.В. Тенгоборским, сохранилось запрещение на ввоз морем сахара-рафинада [Там же, с. 36, 38], за исключением Одессы как порто-франко [Там же, с. 76].

Из всех британских торговых фирм самые сильные позиции на русском рынке в 1830–1840 гг. сохраняла «Российская компания». Ее руководители использовали любой подходящий случай для того, чтобы продемонстрировать свою заинтересованность в сохранении и развитии двусторонней торговли.

В начале июня 1834 г., в то время, когда британский и французский послы при дворе султана настаивали на разрыве Ункяр-Искелесийского договора, а эскадры их держав готовились блокировать Константинополь, Канкрин сообщил Нессельроде: правление компании, узнав об учреждении Петербургским биржевым комитетом особого капитала биржи по случаю совершеннолетия наследника престола Вел. кн. Александра Николаевича, посчитало «... за приятнейший и лестный долг принять в оном участие...», препроводив «... в учрежденный по сему случаю Капитал... десять тысяч рублей ассигнациями». Министр просил вице-канцлера «... поручить Лондонской Миссии изъять тамошней Российской Компании благодарность Его ВЕЛИЧЕСТВА» [5, л. 1].

Во время русско-британских переговоров о заключении торгового договора, которые велись в Лондоне и Петербурге с мая 1841 г. по декабрь 1842 г. [3, с. 207–210], «Российская компания» взяла на себя инициативу лоббирования этого важного документа. Банкет по случаю годовщины основания компании, традиционно отмечаемой в начале марта, представлял в 1841 г. «манifestацию дружбы», по выражению русского посланника в Лондоне барона Ф.И. Бруннова. Кроме Ч. Бэгота, бывшего посла в России, на банкете выступил видный дипломат лорд Г.Р. Каули. От лица английских торговцев он особо отметил покровительство, оказываемое британской фактории в Петербурге, и говорил о необходимости дальнейшего развития прямых торговых связей с Россией. Вскоре Бруннову был вручен меморандум о торговле через петербургский порт. Главное внимание в нем уделялось высоким пошлинам в России, положению английского купечества и порядку таможенного досмотра, в частности, системе браковки товаров, вызывавшей недовольство иностранцев [9, с. 21].

В сентябре 1841 г. к власти в Англии пришло торийское правительство во главе с Р. Пилем. Выступавшему тогда (по тактическим соображениям) за улучшение отношений с Петербургом Г.Дж. Темплу виконту Пальмерстону пришлось покинуть Министерство иностранных дел. Но политику экономического сближения с Россией продолжили Пиль и новый министр иностранных дел Дж.Г. Гордон лорд Эбердин. Дело заключения торгового договора находилось в это время «...в таком положении, что при некоторой уступчивости с той и другой стороны оно должно было кончиться полным согласием» [3, с. 207]. Однако участникам переговоров нелегко было проявить уступчивость. Английское правительство настаивало на облегчении допуска в Россию продукции британских мануфактур. Против такого требования высказались Канкрин и Нессельроде. «Оно не могло быть принято в желательном для Англичан объеме» [Там же, с. 208], – писал русский юрист Ф.Ф. Мартенс.

Другим камнем преткновения являлась английская позиция по вопросу о судоходстве. Английские суда в портах России пользовались равными с российскими судами правами. «Русские же суда, посещавшие английские порты, могли пользоваться некоторыми льготами только вследствие секретного предписания английского правительства своим таможенным властям – не применять к ним постановлений Act of Navigation. Императорское правительство настаивало на отмене постановлений этого акта, на что Лондонский кабинет не мог согласиться, ибо уступки, сделанные в пользу России, немедленно распространились бы на другие народы» [Там же]. По сведениям английского историка Г. Темперли,

распоряжение о неприменении к российским судам положений «Навигационного акта» относилось к 1821 г. [12, р. 406]. Как говорилось выше, в 1826 г. Тайный совет предоставил русским купцам статус наиболее благоприятствуемой нации в торговле с британскими колониями.

Нессельроде сообщил Бруннову: английский проект договора был рассмотрен им совместно с Канкриным и отклонен. По английскому проекту право наиболее благоприятствуемой нации распространялось только на те российские суда, на которых три четверти экипажа являлись русскими подданными. Надо пояснить, что в тот период российским судовладельцам приходилось нанимать значительное количество иностранцев для исполнения обязанностей матросов и шкиперов. По Чёрному и Средиземному морям торговля осуществлялась, в основном, греками, получившими право использовать русский коммерческий флаг. Поэтому условие английской стороны оказалось для России неприемлемым. Бруннов известил об этом Эбердина и министра торговли лорда Райпона, но те не смогли в ответ сказать ничего обнадеживающего [9, с. 24].

Нессельроде, получив донесение Бруннова от 6/18 января 1842 г. с изложением всех этих обстоятельств, сделал на нем следующую приписку: «...Мне кажется, что нам предстоит решить следующий вопрос: полезно ли сохранить status quo, или же следует лишить Англичан выгод, которыми они у нас пользуются в отношении судоходных пошлин без взаимности? Было бы глупо заключать с ними контракт без принятия ими нашего определения национальности кораблей. Мы не можем на это согласиться; трактат не предоставляет нам никаких выгод и лишит нас, может быть, тех выгод, которыми мы пользуемся благодаря нынешней терпимости английских властей» [3, с. 208–209].

По словам Мартенса, лондонский кабинет «немедленно отказался от своих претензий» после получения ответа императорского правительства «...оставаться при старом режиме и не делать Англии никаких уступок, несогласных с началами его торговой политики...» [Там же, с. 209]. Семёнов поправляет Мартенса, указывая на следующее обстоятельство: «переговоры зашли в тупик» почти на целый год. В отчете МИД за 1842 г. Нессельроде писал о том, что кабинет Пиля увязывал вопрос о предоставлении России прав наиболее благоприятствуемой нации в торговле с вопросом «...об изменении нашего тарифа, модификации нашей протекционистской системы. Вследствие такой позиции английского кабинета переговоры были отложены...» [13, с. 25].

Внесение в переговоры по экономической проблеме политически окрашенного вопроса об изменении таможенного тарифа привело стороны к тупиковой ситуации. В этой ситуации британское купечество оказало

серьезное давление на свое правительство. «Российская компания» усилила активность. На организованном ее руководством банкете в начале марта 1842 г. присутствовали министры кабинета Эбердин и Райпон, министр финансов Голборн и председатель Совета по делам Индии Фицджеральд. Директор компании член парламента У. Астелл выступил с речью, в которой говорил об успехах компании с воцарением Николая I, внимании к английским купцам в России и важности развития торговли для укрепления политических отношений, существующих между двумя державами [13, с. 24].

Тем не менее, позиция британского правительства не менялась вплоть до июля 1842 г., когда в Петербурге был опубликован указ Николая I Сенату от 19 июля, предоставляющий Пруссии на основе взаимности равенство флага с российскими судами, причем прусские товары не должны были облагаться более высокими пошлинами, чем аналогичные товары какой-либо другой страны. «Изменение ставок тарифа, как видно на примере русско-пруссских переговоров, не было внесено в текст договора, а введено односторонним актом. По такому пути и надеялась пойти английская дипломатия во второй стадии переговоров с Россией. Нессельроде, со своей стороны, не предлагал Англии “изменить в пользу России законы, которые служат обоснованием ее торгового законодательства”, надо полагать, чтобы избежать в таком случае обсуждения тарифного вопроса» [Там же, с. 26].

Эбердин в том же июле 1842 г. в письме британскому посланнику в России Дж.А. Дугласу лорду Блумфилду изложил новую позицию британской стороны. Он предлагал не включать вопрос о тарифе в текст договора, но добиваться изменения тарифной системы России, убеждая российское правительство, что это принесет ему выгоду, «расширив коммерческие отношения с другими странами» [Там же, с. 24–25]. Процесс обсуждения и сближения позиций был ускорен. На ускорение повлияло также введение в действие нового русско-турецкого таможенного тарифа, утвержденного 14 сентября 1842 г. и вступившего в силу 1 октября. Тариф позволял русским предпринимателям расширить сферу экспортно-импортных операций в Турции и вступить в конкуренцию с британцами [Там же, с. 126]. К середине декабря англо-русские переговоры были завершены и 30 декабря 1842 г. / 11 января 1843 г. торговый договор был подписан в Петербурге [3, с. 210–223, № 451]. Он, по оценке Семёнова, «...явился одним из договоров, отразивших переход к принципу наибольшего благоприятствования в практике международных экономических отношений. <...> Договор 1842 г. явился важной вехой в истории русского торгового мореплавания. Не только потому, что русский флаг

получил равные права в торговле с крупнейшей тогда морской державой, но и потому, что этот договор позволил добиться аналогичных прав в торговле с рядом других европейских государств, прежде всего, с Францией». Если до заключения договора Россия имела подобные соглашения только со Швецией, Норвегией, США и ганзейскими городами, то в 1843 г. к ним присоединились Франция, Австрия, Нидерланды, Королевство Обеих Сицилий и Сардинское королевство. До Крымской войны такие договоры заключили с Россией Бразилия, Греция, Бельгия и Португалия [9, с. 26, 27, 28].

Нессельроде в отчете МИДа за 1842 г. писал: договор был благоприятно встречен в Англии [Там же, с. 26]. Однако то, что кабинету Пия не удалось добиться изменения протекционистского характера русской таможенной политики, вызывало недовольство британского купечества и самого Пия. Он «...не упускал случая, чтоб убедить русского посланника в ошибочности финансовой политики Императорского правительства» [3, с. 209]. Суть аргументации заключалась в следующем: Россия самой природой создана быть земледельческой, а не мануфактурной страной. При таких обстоятельствах несогласно с пользой русского народа покровительствовать фабричной промышленности в ущерб земледелию. Пиль говорил Бруннову: «...если вы раз вступили на путь покровительственной системы, то не знаете уже, как далеко вы пойдете в удовлетворении претензий ваших мануфактур. Все желают нажать сколь возможно больше. Никогда вы их вполне не удовлетворите. Нет ничего неблагодарнее, как фабричная промышленность. Она не будет себя считать обязанною вам своими барышами. Но она всегда будет ставить вам в вину свои потери. Таким образом, от уступки к уступке, вы дойдете мало-помалу в вашей покровительственной системе до полнейшего запрещения. Когда вы достигнете этого пункта, вы с удивлением увидите, что, несмотря на исключительное покровительство, оказываемое вами промышленности, она все-таки остается неподвижною и отсталою. Это в природе вещей. Будучи освобождена от всякой конкуренции (так в тексте. – А.О.) и будучи уверена в исключительном владении вашим рынком, туземная промышленность останавливается в своем развитии и падает... Она вам предписывает свой закон. Вы принуждены покупать плохой товар, который она вам дает... Покровительственная система, имеющая целью дать жизнь промышленности, делает ее бесплодною, ибо в области промышленности нет прогресса, если вы не принуждены непрерывно бороться против опасной конкуренции, которая вас заставляет постоянно стремиться вперед». Наконец, Пиль советовал бояться ненасытного властолюбия промышленности. Привыкшая к покровительству, она постоянно

твердит государству: «вы обязаны вечно обеспечивать за мной право на исключительное покровительство, ибо вы это делали в продолжении многих лет» [3, с. 209–210].

Это донесение Бруннова с лекцией Пиля в духе политэконома А. Смита Нессельроде препроводил к Канкрину. В ответном письме министр финансов подробно опроверг мнение главы британского правительства о вреде покровительственной системы. Он в очередной раз доказывал: неразвитая русская промышленность не в состоянии выдержать конкуренции с продукцией английских и других западноевропейских фабрик. Поэтому она нуждается в покровительстве посредством высоких таможенных пошлин, назначаемых на привозимые из-за границы фабричные изделия [Там же, с. 210]. В Британии должны были понять, что пока Канкрин находится на посту министра финансов, система русского протекционизма в своих главных основаниях не изменится. Новые попытки давления на Россию в этом плане последуют после отставки Канкрин в 1844 г.

Но и у российских промышленников и купцов переговоры с британцами вызвали не столько удовлетворение, сколько подозрение в том, что последние сумеют использовать предоставленные им права с пользой исключительно для себя. В отчете III-го Отделения за 1842 г. говорилось: «Внимание нашего правительства, по мнению общему, должна обратить на себя Англия. Ей верить не должно. Мы скоро увидим, что Англия введет монополию и покроет китайское поморье своими таможенями. Она уже сделала распоряжения о съемке берега, на котором лежат торговые гавани, и после последних своих успехов, утвердившись на северном берегу Китая, англичане приблизились к нашим владениям в Камчатке, на Кадьяке, Уналашке и на других Алеутских островах, где им весьма легко будет не только с такою значительною флотилией, какая находится у них теперь в Китайском море, но даже с одним фрегатом – расстроить все заведения нашей беззащитной Американской компании (имеется в виду Российско-Американская компания. – А.О.) и положить там основание своих укреплений. Петербургское купечество думает, что наша торговля задавлена будет *дешевизною* (так в тексте. – А.О.) и достоинством английских мануфактурных произведений, с которыми не выдержат соперничества наши плохие товары, обходящиеся дорого по причине далекого их сухопутного доставления в Кяхту» [8, с. 279].

В этом отношении критике подвергалась деятельность российских властей, не могущих в полной мере отстоять интересы отечественных предпринимателей. «В высшем обществе с особенным удивлением и даже некоторою колкостию отзываются о том, что при последних событиях в Китае и присвоенных англичанами выгодах, угрожающих

стеснением нашей торговле, – правительство наше остается равнодушным зрителем и не принимает никаких мер для успокоения встревоженного русского купечества» [8, с. 302]. В отчете за 1842 г. отмечалось: «...в долголетнее управление Министерством финансов граф Канкрин приобрел уважение публики и доверенность торгового и промышленного сословия в России». Но его тарифная политика, когда высокой пошлиной облагались не только предметы роскоши, но и товары первой необходимости, произвела «неумолкаемый ропот». Мало кто сомневался в том, что «подобная мера произведет... контрабанду... торговля встретит не только препятствие, но и само потрясение, и потеря будет общая, а выигрыш на стороне одних контрабандистов» [Там же, с. 297].

Отчет III-го Отделения за 1843 г. повторяет эти жалобы. «Никогда ведомство таможенное не производило подобного всеобщего ропота, как ныне! <...> ...Шаток тот доход, который основан на ропоте народа, и... такой доход может увеличиться только первые годы, но впоследствии и сам упадет и торговлю расстроит» [Там же, с. 330]. По поводу реакции русского общества на подписание торгового договора говорилось следующее: «...трактат о мореплавании, имеющий целью распространить, усилить и утвердить торговые сношения подданных обоих государств, почитается вообще зрело обдуманным в пользу России. В Англии этот трактат не избежал осуждения партии недовольных, которые в каждом распоряжении правительства видят нарушение прав народных» [Там же, с. 310]. Реакция довольно осторожная, но вновь с уклоном не доверять англичанам, способным изменить свой политический курс под давлением оппозиции. Не добавляло оптимизма россиянам и реальное состояние пассивного торгового баланса страны. «...Внешняя торговля наша не представляет утешительных результатов, и в прошедшем году баланс заграничной торговли склонился в пользу привоза на сумму до 400 тыс. руб. серебром. Причиною тому полагают: избыток товаров за границею и повсеместный неурожай хлеба в России в 1842 году» [Там же, с. 329], – сказано в отчете жандармского ведомства.

Обстоятельства переговоров о заключении торгового трактата 1842 г. должны были поставить Николая I перед сложной дилеммой. С одной стороны, он не собирался отказываться от протекционистской политики. Но, с другой стороны, все яснее становилось то, что ограничение торговли с Великобританией и другими странами больно бьет по финансовой системе его государства. Отчет III-го Отделения за 1842 г. зафиксировал такое мнение публики: «Скудость финансов России не совместна с важностью ее значения: мы не можем обойтись без внешнего займа в случае войны, и не имеем собственных достаточных способов для того,

чтобы возвысить внутреннее наше благосостояние во время мира. Частный кредит наш заметно клонится к упадку; коммерческий – не вполне соответствует размерам нашей торговли и, если еще не ослабел наш государственный кредит, то этим Россия обязана не финансовой системе, но политическому своему весу» [8, с. 297]. Как можно было вырваться из такого заколдованного круга?

Нам представляется, что император решил в своем обычном стиле «разрубания узлов», принятым на вооружение после успехов конца 1820-х – начала 1830-х гг., воспользоваться именно политическим весом России для достижения положения, при котором сферы влияния Петербурга и Лондона на Ближнем Востоке были бы официально разделены. Если бы сторонам удалось договориться о наследстве распадавшейся Турции («больного человека Европы» [*l'homme malade de l'Europe*], по любимому выражению императора), это надолго гарантировало бы российской экономике рынки сбыта товаров, доставку необходимого развивающейся промышленности сырья, рост доходов внешней торговли и, как следствие, восстановление частного и государственного кредита. Именно в таком ключе следует рассматривать обращение Николая I к Великобритании в 1844 г. с предложением раздела наследства «больного человека».

Обратим внимание на еще одно важное обстоятельство. В период нахождения Вронченко на посту министра финансов (1844–1850 гг.), Николай I фактически сам исполнял обязанности главы этого ведомства [13, с. 618]. В эпоху экономического кризиса 1847 г., когда осенью этого года запасы металлической наличности Английского банка снизились почти вдвое (на 6,2 млн. фунтов стерлингов), а учетная ставка поднялась до 8% (неофициальная – до 10–12%) [9, с. 89], император решил поддержать финансовую систему Великобритании, вложив в Английский банк крупные средства в золоте. Ход Николая I был вполне прагматическим. По его личному признанию, кризис, поразивший Англию, сказался и на России. В письме к Паскевичу от 27 октября / 8 ноября 1847 г. он писал: «Английская денежная криза и здесь чувствительна, я послал их банку 4 милл[иона] золотом, дабы хотя несколько оживить торговлю с нами; не знаю, удастся ли?» При этом император признавался: бюджет России на 1848 г. вновь приходилось составлять с дефицитом. «Сколачиваю смету; я крихчу, трудно, всё расходы растут, уменьшений в ценах мало в сравнении других прибавок, и не знаю, как покроем» [6, с. 520, № 4]. Но сохранение торговли с Великобританией в прежнем объеме было для Николая I, как явствует из письма, приоритетной задачей.

Покупку английских процентных бумаг поручили Бруннову. Русское золото доставили в Англию на трех пароходах. Юридическое оформление

сделки возложили на придворный банк «Штиглиц и К^о». Первоначально предполагалось приобрести преимущественно 3%-е консолидированные фонды (консоли), однако в итоге, в ноябре 1847 г., на сумму около 540 тыс. фунтов стерлингов (3,5 млн. руб.) было приобретено билетов британского казначейства, приносящих 4,5% в год. Операция с консолями не удалась, т.к. инструкции о курсе, при котором могли быть приобретены ценные бумаги, поступали от Николая I из Петербурга через курьеров, а тем трудно было угнаться за изменениями на лондонской бирже [9, с. 91–92]. Обычно депеши из Петербурга в Лондон доставляли не менее чем за 10 дней. Бруннов с восхищением писал о курьере, проделавшим этот путь за 9,5 дней: он никогда не видел «такой чрезвычайной быстроты» [3, с. 207]. В худшем случае обращение корреспонденции могло растянуться на месяц [10, с. 197].

Во Франции середины 1840-х гг. существовало еще более тяжелое экономическое положение. Страну поразили поочередно кризис сельского хозяйства, промышленный, биржевой и банковский кризисы, лишившие работы десятки тысяч человек. Для решения этих проблем французское правительство, преодолев политическую антипатию к Николаю I, пошло на широкие закупки в России зерна и на получение крупных займов. Император и здесь проявил заинтересованность в том, чтобы поддержать экономику Франции столь нелюбимого им короля Луи Филиппа на плаву. 4/16 сентября 1846 г. между Францией и Россией был заключен трактат о торговле и мореплавании. Он стал «...основой для развития диалога в области торгово-экономических отношений» двух стран [11, с. 257].

Россия согласилась выкупить у Французского банка по выгодному для него курсу ценные бумаги на сумму в 50 млн. франков. 4/16 марта 1847 г. русский поверенный в делах во Франции Н.Д. Киселёв и управляющий банком гр. А.М.А. д'Аргу подписали соответствующую конвенцию. Агент III-го Отделения в Париже Я.Н. Толстой сообщал: это событие вызвало «невыразимую сенсацию» в столице и, в особенности, на бирже, где о нем никто не знал. «Сам Ротшильд (Джеймс Ротшильд. – *А.О.*), который слышит всемогущим и всезнающим, был поражен и задет за живое». Далее он писал: «Из разговоров с самыми разнообразными людьми, расспрашивавшими меня об этих переговорах, я вывел заключение, что эта сделка считается чрезвычайно выгодной для Франции и рассматривается как один из элементов к заключению в недалеком будущем союза между двумя странами. Некоторые же считают ее ловким шагом со стороны нашего правительства. Их рассуждения основаны на том, что неурожай, постигший Францию, заставит ее сделать в России огромные закупки хлеба, а звонкая монета, предоставленная Франции, не уйдет из России».

Новость о заключении конвенции вызовет огромное впечатление в Лондоне, предполагал Толстой [11, с. 257–258].

Переписка Николая I с Паскевичем показывает: император действительно надеялся покупкой французских облигаций «...дать выход тогдашнему обильному урожаю нашему на французский рынок, где ощущался сильный недостаток в хлебных запасах для продовольствия населения» [2, с. XIV]. Однако политическую составляющую этого шага ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов. Последствия новой смуты во Франции обошлись бы России и венской системе еще дороже. Так и случилось. В конце февраля 1848 г. в Париже произошла революция, которая лишила Луи Филиппа трона и установила в стране республику. Республиканский режим идеологически был еще более чужд российскому самодержавию, чем «фальшивая» Июльская монархия [11, с. 258–259]. Революция спровоцировала очередной кризис венской системы.

По оценке Семёнова, «скупка ренты в Лондоне и Париже... положительно отразилась на лондонском денежном рынке. Покупка министерством финансов России французской ренты приостановила утечку золота из Английского банка на континент Европы». Семёнов приводит высказывание американского историка Л. Дженкса о том, что, приобретая французскую ренту и английские консоли, Николай I золотом своих ресурсов пришел на помощь Западу [9, с. 91].

На наш взгляд, действия российского правительства на лондонском и парижском финансовых рынках в 1847–1848 гг. свидетельствуют: Петербург, кроме желания поддержать свою торговлю, стремился содействовать Британии и Франции в преодолении трудностей их внутреннего развития для предотвращения потрясений, способных нанести непоправимый вред венской системе международных отношений. Русское золото и серебро, депонированное в Английском и Французском банках, должно было спасти созданный в 1814–1815 гг. мировой порядок. Это объясняет, почему Николай I решился на рискованные операции при серьезном дефиците бюджета его империи.

Библиографический список

1. Блюх И.С. Финансы России XIX столетия. История – статистика. Т. I. СПб., 1882.
2. Божерянов И.Н. Граф Егор Францевич Канкрин. Его жизнь, литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления министерством финансов. СПб., МДСССХСVII [1897].
3. Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. XII. Трактаты с Англией, 1832–1895. СПб., 1898.

4. Нота британского посланника У. А'Корта барона Хейтсбери вице-канцлеру гр. К.В. Нессельроде от 18/30 июня 1830 г. // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 161 (Санкт-Петербургский Главный архив). Оп. 718. Д. 247.
5. Отношение министра финансов гр. Е.Ф. Канкринна вице-канцлеру гр. К.В. Нессельроде от 4 июня 1834 г., № 2669 // АВПРИ. Ф. 161, III-1. Оп. 111 (1834 г.). Д. 80.
6. Письма Николая Павловича И.Ф. Паскевичу. 1832–1847 // Николай I. Муж. Отец. Император / Сост., предисл. Н.И. Азаровой; Комментар. Н.И. Азаровой, Л.В. Гладковой; Пер. с фр. Л.В. Гладковой. М., 2000.
7. Полн. собр. соч. Князя П.А. Вяземского. Т. IX. Старая записная книжка. 1813–1852 гг. СПб., 1884.
8. Россия под надзором. Отчеты III Отделения 1827–1869: Сб. документов / Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М., 2006.
9. Семёнов Л.С. Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX века. Л., 1975.
10. Тарле Е.В. Крымская война. Т. I. М., 2003.
11. Черкасов П.П. Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791–1867 гг.). М., 2008.
12. Temperley H.[W.V.] England and the Near East. The Crimea. L., 1936.
13. 1852 год. Из записок сенатора К.Н. Лебедева // Русский архив, 1888. Кн. I, № 4.

О.И. Шмелева

Боснийско-герцеговинское восстание 1875–1876 гг.: начало Восточного кризиса 70-х гг. XIX века

Статья посвящена проблеме влияния боснийско-герцеговинского восстания на национально-освободительное движение народов Балкан против Османской империи. Это восстание стало началом Восточного кризиса 70-х гг. XIX века.

Ключевые слова: Балканы, балканский кризис, военно-политический договор, восстание, национально-освободительное движение, политический нейтралитет, статус-кво.

Восстание в Боснии и Герцеговине стало началом целой цепи национально-освободительных движений, которые охватили все провинции Турции. Развитие восточного кризиса в 1875–1876 гг. имело свою внутреннюю закономерность. В его поступательном движении можно выделить несколько периодов:

1) июль-сентябрь 1875 г. – начало восстания в Боснии и Герцеговине и Старозагорское восстание в Болгарии;

2) конец сентября 1875 г. – 20 апреля 1876 г. – подготовка восстания в Болгарии, изменение политики Сербии и Черногории по отношению к восстанию в Боснии и Герцеговине, дипломатическая и военная подготовка этих государств к войне против Турции;

3) апрельское восстание 1876 г. в Болгарии (апрель-май 1876 г.);

4) сербо-турецкая и черногорско-турецкая война (июнь-июль 1876 г.).

На все события указанных периодов большое влияние оказало боснийско-герцеговинское восстание.

К середине 70-х гг. XIX в. народы, населявшие Балканский полуостров, находились в разной степени зависимости от Османской империи. К этому времени относительную независимость получили Черногория, Сербия, Греция, Румыния. Из них Греция и Черногория стали независимыми государствами, а Сербия и Румыния, получив формальную независимость, находились в вассальной зависимости от Порты. Босния и Герцеговина, Старая Сербия, Албания, Эпир, Фессалия, Македония, Фракия и Румелия входила в состав Османской империи в качестве ее провинций.

Воздействие боснийско-герцеговинского восстания на балканские народы было неодинаковым и зависело от их политических и социальных условий. Первостепенной задачей, вставшей перед зависимыми народами, была ликвидация османского ига. Балканские страны, освободившиеся от него, значительно отличались по общему уровню экономического и социально-политического развития. Но перед каждым из них стояла задача ликвидации феодализма и обретения национальной независимости, и это открывало возможность для совместных выступлений.

Еще одним важным моментом, который следует учитывать, рассматривая отношения балканских народов к восстанию в Боснии и Герцеговине, была реакция на это событие европейских «великих держав». Восточный кризис не стал бы столь важным фактором международных отношений в Европе, если бы острые противоречия внутри Османской империи не были теснейшим образом переплетены с противоречиями между этими государствами. Каждое из них преследовало свои цели,

но в конкретно-исторической обстановке середины 70-х гг. XIX в. они выступили за сохранение империи османов. Поэтому балканские страны и их правительства на первом этапе восточного кризиса оказались перед лицом единой политики европейских держав по локализации конфликтов [4, с. 173–182].

Восстание в Боснийско-герцеговинском вилайете явилось результатом революционной ситуации, которая сложилась на Балканском полуострове в начале 1870-х гг. вследствие политического, экономического и финансового кризисов в Османской империи. По мере ее складывания в провинции все более четко определялись два враждебных лагеря. Протурецкий лагерь составлял меньшинство, но имел реальную экономическую, политическую и военную силу. Антитурецкий лагерь представляло подавляющее большинство населения. В силу аграрной структуры общества основную его массу и главную движущую силу национально-освободительного движения составляло крестьянство. Безуспешность мирных форм протеста привела к осознанию необходимости вооруженной борьбы.

Восстание в Боснии и Герцеговине вспыхнуло стихийно, большей частью как крестьянское. Оно началось 23 июня (5 июля) 1875 г. и к началу августа охватило почти всю северную и большую часть южной Герцеговины. В августе восстало население северной Боснии, в сентябре – юго-западной ее части. Несколько позднее образовался еще один очаг восстания в южной Боснии. Крестьянское, в основном, выступление очень скоро переросло в общее национально-освободительное вооруженное восстание. Возглавили его либеральная буржуазия и революционные демократы.

На Балканах наиболее подготовленными к вооруженному движению против османов были болгары. В турецких провинциях с болгарским населением создались и объективные предпосылки для такой борьбы: был накоплен опыт, выработана программа, заложены организационные основы национально-освободительного движения. Подавляющее большинство болгарского общества были сторонниками ликвидации османского ига. Занимая уже достаточно прочные позиции в экономической жизни, болгарская буржуазия выдвигала требования, которые обеспечивали более благоприятные условия для развития капитализма и политические права. Но ориентировалась она на внешние силы (Россию, Сербию), выступала с проектами политического компромисса с султанской Турцией, которые исключали революционные средства борьбы. Революционная демократия же в своих программах освобождения опиралась на силы народа и считала вооруженные восстания необходимым

и единственным средством для полного успеха национально-освободительного движения.

Самой быстрой была реакция на восстание в Герцеговине у представителей революционно-демократического крыла болгарского национально-освободительного движения, возглавляемого революционером-демократом Христо Ботевым.

Многочисленные источники свидетельствуют о том, что герцеговинско-боснийское восстание ускорило складывание революционной ситуации в Болгарии [6, с. 5].

Восстание готовилось в трех районах страны около месяца. Оно было назначено на 17 сентября, но вынужденно началось раньше. Из-за слабой подготовленности и раскрытия турецкими властями сроков выступления восстание потерпело поражение. Однако оно сыграло определенную политическую роль в углублении восточного кризиса и в дальнейшем обострении противоречий в Османской империи [Там же, с. 8].

Поражение Старозагорского восстания не привело к ослаблению национально-освободительного движения в Болгарии. Началась подготовка к новому восстанию. Возглавил его Гюргевский революционный комитет, состоявший в основном из сторонников Х. Ботева. Будущее Апрельское восстание в планах болгарских революционеров было тесно связано не только с Боснией и Герцеговиной, но и с балканскими событиями в целом, с вступлением Сербии в войну против Турции. Этим объяснялось решение Гюргевского революционного комитета назначить восстание на начало мая 1876 г. [5, с. 178, 192].

Восстание в Болгарии началось 20 апреля 1876 г. и охватило Панагюрский (Пловдивский), в меньшей степени Тырновский, Сливенский округа. Во Врачанском округе, который также входил в сферу подготовительной работы революционеров, восстание не состоялось.

Апрельское восстание потерпела поражение, однако сыграло огромную роль в развитии событий на Балканах во второй половине 1870-х гг. Наиболее дальновидным дипломатам эта роль была ясна уже с самого начала. Так, Н.П. Игнатьев писал царю: «При настоящем положении вещей уже ни реформы, ни частичные улучшения не смогут восстановить спокойствия на Балканском полуострове. Всеобщий взрыв угрожает охватить его полностью, и герцеговинское восстание, так же как и болгарское, вскоре станет лишь эпизодом в великой драме распада Оттоманской империи» [1].

Апрельское восстание стало важной вехой в развитии, углублении и обострении восточного кризиса, фактором, превратившим боснийско-герцеговинский вопрос в балканский. Европейские державы были

вынуждены пересмотреть свою позицию поддержки Порты. Ситуация, сложившаяся на Балканах после разгрома Апрельского восстания, оказала большое влияние на русскую политику.

Наряду с болгарским, живой интерес к восстанию в Боснии и Герцеговине проявили соседние народы, находившиеся под властью Османской империи. Уже в первые дни герцеговинского восстания русский генеральный консул в Рагузе А.С. Ионин доносил управляющему МИД России А.Г. Жomini: «Вчерашние и сегодняшние новости говорят о восстании среди вассоевичей, племени, живущем по ту сторону юго-восточной границы Черногории, и даже среди мирдитов. В Подгорице трое мусульман тоже были убиты в драке с жителями Кучи» [2].

После получения известий о герцеговинском восстании волнения среди албанцев еще больше усилились. В июле 1875 г. в Мати большим отрядом вооруженных албанцев (300 чел.) было совершено нападение на турецких солдат. В районе Шаля горцы захватили турецкого чиновника и держали его в качестве заложника [7, с. 68]. Русский консул в Янине А. Троянский в своих донесениях указывал на прямую связь выступлений албанцев с восстанием в Герцеговине. Так, в августе 1875 г. он писал: «Восстание христиан в Герцеговине, принявшее значительные размеры, сильно занимает общественное мнение жителей Эпиро-Фессалии. Я полагаю, что могут произойти беспорядки в здешнем крае в том случае, если герцеговинское восстание продолжится и если правительство не постарается о предотвращении оных зависящими от него мерами» [Там же, с. 79].

Турецкое правительство пыталось предотвратить возможные волнения в албанских районах путем увеличения контингентов армии, жандармерии, тайной полиции, а также при помощи запретов передвижения по стране без особого на то разрешения.

Национально-освободительное движение начало разворачиваться в Албании только после того, как Сербия и Черногория объявили Турции войну (30 июня – 1 июля 1876 г.). Одной из форм протеста был отказ албанцев служить в турецкой армии. Настроения были такими, что русские дипломаты считали возможным совместное выступление албанцев-немусульман с Сербией и Черногорией. Однако восстание, поднятое мирдитами, началось позднее (декабрь 1876 г.). До этого времени можно говорить лишь о том, что восстание в Боснии и Герцеговине способствовало оживлению вооруженного сопротивления албанцев властям, отвлекало часть турецкой армии и мешало формированию новых войсковых единиц, предназначенных для подавления восстания.

Восстание в Боснии и Герцеговине оказало влияние и на южнославянское население, находившееся в составе Австро-Венгрии: Хорватию, Далмацию и Воеводину.

Из наиболее близкой к восстанию Далмации, имевшей традиционные связи с Боснией, наблюдался массовый уход в повстанцы. На ее территории организовывались четы, во главе некоторых из них встали далматинцы (Степан Боропок, Милан Радовиц). Население помогало добровольцам переходить границу, принимало беглецов с турецкой стороны, укрывало их от жандармов, оказывало помощь продуктами, одеждой, оружием. Хорватская печать информировала о ходе восстания. В Хорватии и Далмации создавалась сеть комитетов помощи семьям повстанцев. Однако движение солидарности с восстанием вызвало отрицательную реакцию сначала со стороны Турции, а затем и со стороны правительства Австро-Венгрии. Порта направила на далматинскую границу войска, чтобы воспрепятствовать переходу добровольцев из Далмации в Герцеговину. Австро-венгерское правительство сделало все, чтобы движение помощи Боснии и Герцеговине удержать в Хорватии на уровне благотворительной деятельности, не допуская действий политического характера. Австро-венгерским властям удалось пресечь успешно развивавшееся движение помощи восставшим турецким областям.

Успешное развитие восстания в Герцеговине, общественное движение в его поддержку, победа сторонников войны Сербии против Турции в сербской скупшине убедили Милетича в том, что освободительное движение на Балканах стало уже делом настоящего, а не будущего.

Важным направлением деятельности Милетича было оказание помощи в подготовке войны Сербии против Турции и последующего объединения Боснии с Сербией, а Герцеговины – с Черногорией. Он развернул агитацию за войну, призывал военных – сербов и хорватов – возглавить неопытных в военном отношении повстанцев. 25–29 мая 1876 г. Милетич посетил Белград. А.Н. Карцов сообщал Н.П. Игнатьеву, что Милетич встречался с князем Миланом, «которого он уверял в сочувствии австрийских сербов делу освобождения христиан от мусульманского ига и обещал денежной помощи от южнославянских комитетов» [5, с. 242].

В Белграде Милетич проводил мысль о необходимости абсолютного предпочтения национального освобождения всем другим вопросам, в том числе и внутренним вопросам жизни сербского общества.

Наконец, третьим направлением деятельности Милетича была парламентская борьба «за справедливое решение восточного вопроса». Это была прогрессивная программа. Однако парламент отклонил предложение Милетича, а сам он был арестован.

Из балканских государств определить свое отношение к герцеговинскому, а затем и к боснийскому восстанию вынуждены были в первую очередь Черногория и Сербия. Восставшие герцеговинцы возлагали большие надежды на Черногорию. Но князь Никола не находил общего языка не только с представителями революционно-демократического течения боснийско-герцеговинского освободительного движения, но и с некоторыми буржуазными идеологами, являвшимися противниками монархии.

Восстание было неожиданным для князя, но он сразу же осознал сложность создавшейся для него ситуации. В донесении А.Г. Жомини А.С. Ионин писал: «Князь очень удивлен, получив первое сообщение о столь внезапном и всеобщем восстании, и был приведен этим в большое замешательство. Морально его положение весьма затруднительно по отношению к своему народу, к его единоверцам из соседних областей, но особенно перед дипломатией». Князь считает, сообщал далее Ионин, что «для него единственным средством избежать несчастья является подчинение своих действий желаниям своих покровителей. Но, с другой стороны, он проникнут убеждением, если бы Черногория утратила свой престиж, то для нее это означало бы полную сдачу на милость туркам» [5, с. 32].

Свою позицию князь Никола пытался отстоять следующим образом: «Князь принял меры, чтобы удвоить наблюдение на границах и довести до сведения повстанцев советы, которые, если бы повстанцы последовали им, смогли бы, вероятно, ограничить движение. Он посоветовал им дожидаться прибытия комиссара, избегать кровопролития, не нападать на мусульман и показать себя как можно менее требовательными перед комиссаром, не протестовать против чрезмерности налогов в пользу правительства, в противном случае князь угрожает им не заботиться об их судьбе» [Там же, с. 33].

Позиция князя определялась несколькими причинами: боязнью эмиграции в Черногорию, что угрожало бы ее финансам; зависимостью его взглядов от ориентации великих держав на сохранение мира на Балканах; боязнью оказаться в одиночестве в случае выступления против Порты; ведением переговоров с Портой об урегулировании границ, от которых князь ожидал больших выгод. Несмотря на отказ князя в помощи восставшим и запрещение своим подданным участвовать в восстании, черногорцы проявили самостоятельность и пренебрегли княжеским запретом. Уже 30 июля (11 августа) 1875 г. советник русского посольства в Константинополе А.И. Нелидов сообщал А.Г. Жомини, что черногорцы массами примыкают к восстанию. Черногория сразу

же откликнулась на восстание и приняла в нем участие. Порта вынуждена была просить Россию оказать давление на князя Николу, чтобы он воспрепятствовал массовому участию черногорцев в герцеговинских событиях.

Турция принимала все меры к тому, чтобы подавить восстание еще до участия в нем Сербии и Черногории, в противном случае оно превратилось бы в фактор европейского значения. Это понимали правители и дипломаты великих держав. Воспринимая начало герцеговинского восстания как обычный конфликт местного характера и ориентируясь на его быструю ликвидацию, они отдавали себе отчет в том, что возможное участие в движении Черногории и Сербии усложняет положение. Нелидов писал в Петербург, что необходимость европейского посредничества в деле ликвидации очага восстания вдвойне оправдывается в предвидении возможного участия в борьбе против турок сербов и черногорцев [5, с. 56]. В силу ряда причин Россия выступила инициатором переговоров с великими державами, чтобы не допустить углубления кризиса и восстаний на Балканах. Она стремилась добиться «концерта держав» в балканских делах. Однако восстание разрасталось. Даже те военные и дипломаты, которые призывали вначале сохранить осторожность в его оценках, через месяц после восстания оценивали его как серьезное.

Август 1875 г. явился переломным моментом в отношении правящих кругов Черногории к восстанию. А.С. Ионин писал 12 (24) августа о влиянии на разные социальные слои новостей из Герцеговины, Боснии и Сербии, что теперь, «когда всеобщий энтузиазм, успехи восстания, очевидная слабость турок придают движению характер освободительной борьбы, возбуждение Черногории становится почти опасным. Меры, которые князь Николай решил предпринять вследствие запросов, сделанных ему тремя кабинетами, приводят народ в отчаяние, и я боюсь предсказать возможный исход такого положения. Что же касается князя, то, судя по всем сведениям, он стремится остаться верным своим обещаниям, он боится начать жестокую борьбу с небольшими средствами, без покровительства, без денег, но он чувствует, как почва ускользает из-под его ног. Исхода из того, что мне известно, князь находится в величайшем замешательстве. Он почти теряет голову» [Там же, с. 69]. Далее Ионин добавлял, что ко всему этому примешиваются заботы о содержании многих сотен беженцев – семей повстанцев, что для бедной Черногории было крайне трудным делом. В середине августа в Цетине был создан благотворительный комитет для оказания помощи восставшим. Черногория стала одной из самых значительных центров по передаче беженцам и раненым

повстанцам собранных для них пожертвований (главным образом в России и Австро-Венгрии).

Еще более напряженным стало положение в Черногории к концу августа 1875 г. Оно было прямо связано с восстанием в Боснии и Герцеговине. К этому времени определились характер и цели движения, и накал борьбы стал необычайно высоким. Народ был недоволен и своим положением, и бесконечными столкновениями с Портой, переговорами о границах, и позицией князя. Его авторитет падал среди широких слоев славян Далмации, Хорватии и даже Сербии.

Все это в конце августа 1875 г. поставило Черногорию перед дилеммой: «необходимость мира для Европы и невозможность жить в Турции и с Турцией при настоящих условиях». Война становилась все более реальной перспективой. Князь Никола заколебался.

Но и в начале 1876 г. официальной политикой Черногории оставался нейтралитет, который понимался князем как невмешательство в конфликт военной силой при одновременном содействии великим державам в локализации конфликта и умиротворении восставших провинций. Только после значительных колебаний Черногория вслед за Сербией 20 июня 1876 г. объявила войну Турции.

Таким образом, Черногория с самого начала восстания в Герцеговине не только проявила к нему горячее сочувствие, но стремилась принять в нем активное участие. Она оказывала давление на князя, вынудив его, в конце концов, выступить против Порты.

Правительство Сербии пришло к объявлению войны Турции тоже не менее сложным путем. Правящие круги Сербии имели в то время проавстрийскую ориентацию. И они, и князь не считали выгодным для себя вмешиваться во внутренние дела Турции. Консервативная газета «Видовдан» изображала восстание как обычные неурядицы в Османской империи. Но в стране нарастал национально-демократический подъем.

В беседе с А.Н. Карцовым князь Милан говорил, что восстание в Герцеговине добавило ему новые затруднения. «Симпатии народа к восстанию и ожидание всеобщих осложнений, – считал он, – приведут к передышке в междоусобной борьбе партии, но и его принудят к политике, которая лишит его благосклонности Европы» [5, с. 55]. Перед Миланом встал выбор: или подавить национальный подъем, или отречься от престола, если не удастся первое, или возглавить движение. В конце июля князь Милан отправился в Вену на встречу с Андраши, в итоге которой обещал придерживаться строгого нейтралитета по отношению к восстанию. Однако выполнить обещание оказалось невозможно.

Милан вернулся в Белград 31 июля. За несколько дней его отсутствия положение в стране резко изменилось. Под давлением общественного мнения консервативное правительство было вынуждено придерживаться следующего курса: сохранять пока нейтралитет, но тайно всеми средствами помогать восставшим [8, с. 50]. В Белграде был создан комитет помощи, во главе которого встал Митрополит Сербский Михаил. Симпатии к повстанцам были настолько сильны, что раздавались даже требования начать войну.

Характеризуя положение Сербии тех дней, министр иностранных дел сербского княжества М. Богичевич заметил: «Его величество принес мир и нашел здесь войну» [5, с. 58]. Князь официально объявил о нейтралитете Сербии. Правительство запретило формирование добровольческих чет из подданных княжества. Царское правительство, обеспокоенное настроениями в Сербии, приказывало русскому консулу в Белграде дать понять сербскому правительству, что, содействуя восстанию, оно рискует лишиться покровительства и сочувствия Европы [Там же].

А.Н. Карцов в донесении от 7 августа сообщал А.Г. Жомини, что Милан оценил свое положение после возвращения из Вены как «ужасное». Князь рассмотрел все три варианта своей возможной политики и пришел к выводу, что первый из них сделался абсолютно неприемлемым. Стала очевидной «абсолютная невозможность подавить национальное движение в поддержку восстания в Герцеговине» [Там же, с. 59]. Ожидавшееся восстание в Боснии еще больше должно было осложнить положение князя. «Единственное решение, оставшееся для меня, – говорил князь, – уступить всеобщему воодушевлению и стать во главе моего народа», ибо нейтралитет, которого требует Европа, является для сербов «политическим самоубийством». Именно боевое настроение в стране убедило князя, по его словам, в том, что он дал «случайные обязательства», которые «противоречат устремлениям народа его страны» [Там же].

Карцов писал, что перемена в мыслях князя была заметна с 3 августа, когда состоялась их встреча, которая носила политическую цель: Милан хотел узнать, допустит ли Россия оккупацию княжества Австро-Венгрией, если оно начнет войну против Турции.

Конец августа – начало сентября были в Сербии временем активной поддержки восстания. 19 августа к власти пришло новое правительство во главе с либералом Ставчей Михайловичем и министром иностранных дел Йованом Ристичем. Большинство в правительстве составляли сторонники национального освобождения от Турции. Сербская скупщина, собравшаяся 28 августа в Крагуеваце, работала при закрытых дверях.

Дебаты по основному вопросу – сохранение нейтралитета или война – длились неделю. В процессе голосования сторонники немедленных действий потерпели поражение.

В это время Милан предпринял первые шаги для переговоров с черногорским князем относительно войны с Турцией. 2 сентября 1875 г. закончился первый этап политики этих двух государств в период восточного кризиса – политики нейтралитета.

«Тайные постановления» скупщины, принятые 8 сентября, фактически означавшие финансовую подготовку к войне, а до нее – поддержку восстания, были предложены на утверждение князю и представляли собой начало нового политического курса Сербии – активной помощи восстанию в Боснии и Герцеговине, инициатором которой выступила скупщина [5, с. 99].

Правительство начало активную деятельность по подготовке Сербии к войне. 1 сентября Министерским советом было принято решение об усилении военных сил на границах и о помощи повстанцам вооружением. Такие действия привели к конфликту правительства и скупщины, с одной стороны, и князя – с другой. Милану пришлось противостоять правительству из-за недовольства России и других великих держав приготовлениями Сербии к войне. Победу в этом конфликте одержал князь: кабинет Ристича подал в отставку.

20 сентября русский, австро-венгерский и германский консулы получили инструкции договориться о коллективном демарше сербскому правительству. К ним присоединились французский и итальянский консулы. 24 сентября (6 октября) ими было выработано «Коллективное заявление дипломатических представителей европейских держав в Белграде сербскому правительству», врученное на следующий день МИД Сербии. В заявлении говорилось: «Представители Германии, Австро-Венгрии, Франции, Италии и России, держав, подписавших Парижский трактат, гарантов автономии Сербии, уполномочены настойчиво рекомендовать княжескому правительству воздержаться в интересах страны от всех мер, которые могли бы дать Порте предлог объявить, что она атакована; им также поручено заявить, что, если сербское правительство допустит агрессивные действия против Порты, они не смогут использовать трактат 1856 года в целях предохранения княжества от турецкой оккупации» [6, с. 23]. Кроме того, устно были высказаны дополнительные комментарии. Отрицательно оценивались: переход вооруженных отрядов с территории Сербии на территорию Турции; большое скопление войск на границах; приказ о «боевой готовности» [5, с. 122]. После чтения заявления держав Сербия подтвердила

политику нейтралитета, однако под давлением общественности продолжала переговоры с Черногорией.

Новый тур переговоров начался в конце октября и был связан с миссией Филиппа Христича в Цетине. В результате переговоров было решено не начинать военные действия против турок до конца зимы 1875 г., но продолжать оказывать помощь восставшим. Было решено объявить войну Порте весной 1876 г. В конце декабря 1875 г. Сербия и Черногория готовили коллективный ультиматум великим европейским державам, но А.Н. Карцов уговорил Милана отказаться от этой меры.

2 февраля 1876 г. правительство Калевича продолжало переговоры с Черногорией, но соглашение снова не было подписано. В поисках союзников в марте 1876 г. сербское правительство сделало попытку договориться о согласованных действиях с болгарской эмиграцией. Для переговоров в Бухарест был послан майор сербской армии Драгашевич. Он должен был вести переговоры с членами Болгарского комитета, но поездка не была успешной, Сербию поддерживали только Л. Каравелов и его сторонники.

Весной 1876 г. князь Милан продолжал уверять представителей европейских держав в своей миролюбии, но замечал все же, что события принимают тревожный характер. Одновременно с нейтралитетом Сербия активно вооружалась и перестраивала свою армию применительно к будущей войне. С весны 1876 г. общественное мнение настойчиво выступало за войну, против были только консерваторы, доказывая, что страна к ней не готова. Радикалы надеялись во время войны принудить правительство к проведению внутренних реформ. Либералы, от мнения которых зависело окончательное решение вопроса, выступали за войну, надеясь с ее помощью осуществить свою национальную программу [6, с. 25]. Идею войны поддерживал и офицерский корпус.

Новые переговоры с Черногорией завершились подписанием 9 (21) июня в Белграде военно-политического договора, ратифицированного 16 (28) июня. Сербия и Черногория заключили союз о совместной войне против Турции, которую решили начать через 10 дней. 18 (30) июня 1876 г. Сербия объявила о войне.

С этого момента начинается новый этап в развитии восточного кризиса. Восстание в Боснии и Герцеговине втянуло в открытую войну с Турцией Сербию и Черногорию, способствуя дальнейшему развитию национально-освободительного движения на Балканах. Слабая в военном отношении Сербия потерпела поражение в течение двух недель. На Балканах создалась новая расстановка сил. Большие перемены начались и в позициях ведущих европейских держав.

Третье государство на Балканах – Румынское княжество – в 70-е гг. XIX в. оставалось в зависимости от Турции. Это создавало для государства неблагоприятное внешнеполитическое положение. Развитие капиталистических отношений сопровождалось в княжестве усилением национально-освободительных тенденций, борьбы за государственную независимость.

Восстание в Боснии и Герцеговине создало новую обстановку на Балканах, которая не могла не повлиять на Румынию. Нерешенность национального вопроса, тесные связи с болгарским национально-освободительным движением не могли оставить равнодушной румынскую общественность к происходящим событиям. Но поскольку окончательное освобождение от вассальной зависимости и решение национального вопроса разные социальные слои Румынии понимали по-своему, то и реакция их на восстание в южнославянских землях была неодинаковой.

Румынская пресса постоянно публиковала сообщения с театра военных действий. В стране развернулось благотворительное движение. Добровольные пожертвования раненым повстанцам собирались через «Болгарское человеколюбивое настоятельство» по его подписным листам. Однако правящие круги были далеки от того, чтобы возглавить или хотя бы поддержать антиосманские настроения в стране.

Интересы князя Кароля совпадали с позицией консерваторов, правительство которых во главе с Л. Катарджиу стояло у власти до весны 1876 г. Министр иностранных дел правительства В. Боереску 9 августа 1875 г. заявил о том, что Румыния не будет следовать примеру «восставших провинций Османской империи», сохранит по отношению к Турции «вполне миролюбивую и дружественную позицию» и будет проводить политику нейтралитета до тех пор, пока не сможет реализовать свои устремления и обеспечить «национальное существование мирным путем, не вызывая потрясений и беспорядков, в полном согласии с Высокой Портой, интересы которой на Дунае совпадают с нашими» [3, с. 62–63].

Не меньшую заботу для консерваторов представляла задача сохранить благожелательное отношение к ним западноевропейских держав. Державы-гаранты, особенно Англия, требовали от Румынии строгого нейтралитета, т.к. понимали его значение для сохранения статус-кво на Балканах. Всякая помощь Румынии повстанцам наносила удар Турции. Не последнее место в той строгости, с которой западные державы следили за сохранением Румынией нейтралитета, занимали антирусские планы западноевропейских кабинетов. Решительный протест их вызывала даже попытка княжества поставить вопрос о расширении своей автономии [3, с. 53–57, 66–67].

Правящие круги надеялись с помощью западных держав получить уступки от Порты. Все эти соображения обусловили осторожную и выжидательную политику Румынии: не давать повода к недовольству Порте, все делать с оглядкой на западные державы и полностью отмежеваться от событий на Балканах.

Однако с конца декабря 1875 г. в документах появляются сведения о значительном вооружении Румынии. В начале 1876 г. эти тенденции стали еще более ощутимыми. В конце января русский дипломатический агент и генеральный консул в Бухаресте И.А. Зиновьев доносил об активных военных приготовлениях Румынии, развернутых военным министром генералом Флореску. В одной из бесед его с господарем князь Кароль ясно дал понять, что «настоящее положение дел, в результате которого Румыния оказалась связанной с полностью разлагающимся государством, стало невыносимым. Он надеется, что вскоре прекратится такое обидное для национального самолюбия состояние» [5, с. 174–175].

Национальный подъем особенно почувствовался после посещения Бухареста в декабре 1875 г. румынским агентом в Константинополе генералом И. Гикой. Он развернул для румын программу действий применительно к тем условиям, которые следовало использовать. «Генерал Гика представил состояние дел в Турции в самых мрачных тонах, – доносил Зиновьев, – и посоветовал своему правительству ничем не пренебрегать и не отступать ни перед какими жертвами, чтобы можно было использовать затруднения Порты. Он особенно стремился подчеркнуть затруднения, вытекающие из изоляции Румынии, а также настаивал на необходимости совместных действий с христианским населением Востока и установления отныне тесных связей с правительствами Сербии и Черногории. Турки, которые обвиняют Сербию и Черногорию в поддержке восстания в Герцеговине, ... могут попытаться оккупировать одно из этих княжеств, и совсем не в интересах Румынии отдать на разграбление своих близких союзников» [Там же, с. 175].

Генерал Гика выдвигал прогрессивную для интересов румынской нации программу. По сведениям Зиновьева, последняя ее часть была оценена в Бухаресте, но правительство Л. Катарджиу не собиралось ее проводить в жизнь в ближайшем будущем. Румыния осталась верна избранной политике. В румыно-черногорских отношениях все ограничилось обменом новогодними телеграммами между князьями с надеждами на лучшие обстоятельства. Недовольство европейских держав заставило консерваторов отступить от циркуляра 4 января.

Вопрос о внешнеполитической позиции Румынии продолжал играть значительную роль в жизни страны и в первой половине 1876 г. Развитие

восточного кризиса все настойчивее требовало от Румынии отхода от нейтралитета. Этим воспользовались либералы в партийной борьбе против консерваторов. В период их борьбы за власть весной 1876 г. одной из проблем было отношение к Сербии, поскольку князь Милан пытался выяснить позицию Румынии в случае войны Сербии против Турции. Правительство либералов, сформированное 24 апреля 1876 г. во главе с М. Епуряну и И. Брэтиану, показало себя очень умеренным. В области внешней политики оно осталось на прежних позициях. На первых порах своей деятельности либералы столкнулись с антитурецким восстанием, вспыхнувшим у самых границ Румынии. Апрельское восстание в Болгарии доставило правящим кругам Румынии массу хлопот. Либералы приняли строгие меры против провоза оружия и проезда вооруженных болгарских добровольцев через румынскую территорию. Министр внутренних дел Дж. Вернеску в многочисленных распоряжениях окружным начальникам требовал: оказывать содействие правительственным уполномоченным в Брэиле и Галаце в расследовании случаев переправы оружия в Болгарию (29 апреля); принять строгие меры и препятствовать переходу вооруженных болгар через Дунай (11 мая); запретить ездить с оружием, задерживать пассажиров на всех дунайских пристанях и принимать меры (20 мая); префекту бухарестской полиции принять меры к аресту вооруженных пассажиров, следующих к Гюргево (Джурджу); запретить болгарам плавание по Дунаю без паспортов (25 мая) [6, с. 29].

Тем не менее, отказываясь от совместных действий со славянами и не помогая повстанцам, румынское правительство использовало условия, которые были созданы освободительным движением на Балканах и поставили Турцию летом 1876 г. в затруднительное положение. За несколько дней до объявления Сербией войны Турции М. Когэлничану выступил с циркуляром, адресованным румынским представителям за границей. Приложенный к нему меморандум содержал требования установления дипломатических отношений с Турцией, в том числе и признания последней названия «Румыния» [3, с. 107]. Дипломатический шаг, предпринятый Когэлничану для получения суверенных прав, был требованием компенсаций за нейтралитет.

Несмотря на то, что Когэлничану и его сторонники потерпели поражение и, оказавшись в меньшинстве, вынуждены были уйти в отставку, отклонения правящих кругов от прежней политики нейтралитета, проявившиеся летом 1876 г., явились знаменательными моментами в истории восточного кризиса и в развитии страны.

Не осталось равнодушным наблюдателем событий на Балканах и греческое государство. Его зависимость от Османской империи также не

была полностью ликвидирована к началу восточного кризиса 1870-х гг. Частью империи оставался Крит. Не был окончательно решен и вопрос о северных границах Греции. Первая реакция на восстание в Герцеговине была в Греции слабой. Внутренние вопросы и парламентские выборы не позволили ее общественности сразу оценить значение этого события. Но по мере распространения восстания отношение к нему в Греции становилось все более серьезным. Греческий король Георг, подобно всем другим балканским правителям, обещал в Вене великим державам сохранить по отношению к восстанию нейтралитет. Считая страну не подготовленной в военном отношении, правящие круги не были склонны и к активной внешней политике. Отношение с Россией в этот момент было напряженным, что также во многом сдерживало правительство. Господствующим в правительственных кругах было мнение: все вопросы с Портой решать путем переговоров. Премьер-министр Трикупис выступал с заявлениями, что «единственной дорогой для Греции есть политика дружбы и сотрудничества с Турцией» [9, p. 144].

В то же время греческая пресса открыто выражала свои опасения в связи с развитием славянского движения. В официальной печати восстание представлялось как результат деятельности панславистских «подстрекателей». Однако и в Греции были положительные отклики на события в Боснии и Герцеговине. Его приветствовали греки-эмигранты. Они восприняли его как удобный момент для восстания и усилили свою агитацию. В ответ на нее начались волнения среди эпиротов на Корфу, в критских кругах в Афинах и за пределами страны. Власти опасались возмущения на Крите. В конце июля 1875 г. русский дипломат сообщал, что «даже афинские греки проводят демонстрации» в пользу восставших [5, с. 51]. 28 октября 1875 г. Трикуписа сменил Александр Кумундурос. Личность нового главы правительства вызвала большие опасения у великих держав, поскольку он был в прошлом участником восстания на Крите. Но и при нем Греция не отступила от политики нейтралитета. Кумундурос считал, что возможности малой страны ограничены. Но в отличие от многих других греческих политиков, которые в великих державах видели единственную опору Греции, он был убежден, что народы Балкан, если они объединятся, смогут или сами изгнать турок из Европы, или сделать это при помощи великих держав. Кумундурос вел двойную политику. Официально придерживаясь нейтралитета, он в то же время через различных агентов помогал революционному движению в османских провинциях с греческим населением и способствовал установлению тайных связей

с балканским национально-освободительным движением. В ноябре 1875 г. греческое правительство вело переговоры с Турцией, на которых подтвердило свой нейтралитет по отношению к восстаниям на Балканах. Но одновременно оно откликнулось на предложения Сербии о совместной борьбе против османов. В военных планах Сербии Греция как союзник играла большую роль. Оба государства, внешне подтверждая свой нейтралитет, сделали ряд шагов для заключения тайного антиосманского союза.

Идея союза с балканскими народами имела в Греции многих сторонников. Одним из них был Леонидос Вулгарис, имевший тесные связи с сербскими официальными кругами. Он считал, что балканские народы должны объединиться для свержения османского ига. Вулгарис тайно сформировал в Афинах комитет, который должен был поддерживать связи с Сербией. Однако его усилия не увенчались успехом [9, р. 51].

19 марта 1876 г. в Афины прибыл М. Гарашанин. Минувя правительство, он смог установить прямые связи с теми греками, которые готовы были поднять восстание в турецких провинциях. Первая цель миссии Гарашанина не увенчалась успехом. Он пришел к выводу, что общественное мнение Греции враждебно Сербии и греко-сербскому союзу и не поддержит ее в случае выступления против Турции. Гарашанину удалось встретиться с греками из Крита, Фессалии, Эпира, Южной Македонии и обсудить с ними план восстания в греческих провинциях европейской Турции.

Независимо от греческого правительства сербы обязывались обеспечить греков деньгами и оружием. Но в мае правительство Калевича пало, и планы греко-сербского союза не осуществились [9, р. 51–53].

В это же время греки и болгары стремились урегулировать свои церковные вопросы. Но после правительственного переворота в Турции усилилось английское влияние, и греко-болгарские переговоры были прерваны.

В отношении к Апрельскому восстанию Греция также сохраняла нейтралитет. Усиление антиславянских настроений, боязнь того, что восточный вопрос будет решен только в интересах славян, вызвали среди греческих официальных кругов новое мнение, которое заключалось в том, чтобы принять участие в дележе Балканского полуострова, опираясь на западные державы. По этому вопросу начались дебаты в парламенте.

В конце мая 1876 г. была предпринята еще одна попытка заключения греко-сербского союза со стороны Й. Ристича, но и она закончилась неудачей.

Сербия оказала денежную помощь революционным комитетам, которая позволила им вооружить несколько отрядов. Однако, несмотря на желание греков выступить в помощь сербам, одновременных действий не получилось и во время сербско-турецкой войны. Греческое правительство не поддержало Вулгариса, самостоятельно комитеты выступить не решились. Более активной официальная греческая политика становится лишь после сербско-турецкой войны.

Греческое национально-освободительное движение в провинциях Османской империи было слабым, плохо организованным и не обеспеченным средствами. Тем не менее, движения балканских народов оказали воздействие и на Грецию, побудив различные социальные слои активизироваться в борьбе за решение насущных для нации вопросов.

Рассмотрение вопроса об отношении соседних балканских народов и государств к боснийско-герцеговинскому восстанию позволяет сделать вывод, что в целом оно было положительным. На некоторые из этих народов восстание оказало большое воздействие. В течение короткого времени все части Балканского полуострова так или иначе включились в антиосманскую борьбу. Основой для этого послужили объединяющая балканские народы нерешенность буржуазных задач, наличие общего препятствия на пути их развития в лице изжившей себя Османской империи, сложившаяся на значительной части полуострова революционная ситуация.

Восстание в Боснии и Герцеговине стало своеобразным общественным катализатором национально-освободительных движений середины 1870-х гг. на Балканах, а период с середины 1875 г. до середины 1876 г. – самостоятельным этапом в развитии восточного кризиса.

Библиографический список

1. Игнатъев Н.П. – Александру II. Буюкдере, 11 (23) сентября 1875 г. // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1875 г. Д. 28. Л. 49–54 об.
2. Ионин А.С. – Жомини А.Г. Рагуза. 5(17) июля 1875 г. // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. СПб. ГА V–A2. Д. 747. Л. 193–196.
3. Зальшкин М.М. Внешняя политика Румынии и румынско-русские отношения 1875–1878 годов. М., 1974.
4. Никитин С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970.
5. Освобождение Болгарии от турецкого ига / Под. ред. С.А. Никитина и др.: В 3 т. М.: Наука, 1961. Т. 1.

6. Поплыко Д.Ф. Боснийско-герцеговинское восстание 1875–1876 гг. и национально-освободительные движения на Балканах // Балканские исследования. Вып. 3. М., 1978.
7. Сенкевич И.Г. Албания в период восточного кризиса. М., 1965.
8. Струкова К.Л., Хитрова Н.И. Сербия и Черногория в войне с Турцией (1876–1878 гг.) // Балканские исследования. Вып. 4. М., 1978.
9. Kofos E. Greece and the Eastern crisis. 1875–1878. Thessalonici, 1975.

А.В. Дождиков

Политическая и социальная активность среднего класса в России как основной критерий идентификации его представителей

В статье предлагаются нестандартные подходы к идентификации среднего класса в России. Традиционно эту социальную группу определяют с помощью количественных экономических показателей, субъективных индикаторов социального самочувствия, т.н. «самоотнесения» респондента к среднему классу, его образовательного и культурного уровня. В противовес традиционным эконометрическим подходам в социологии предлагается политологический. В основу его положены две гипотезы. Предположение первое, связанное с цивилизационным подходом: средний класс – уникальный для каждого общества передовой социальной слой, имеющий определенные исторически обусловленные источники формирования, иными словами, «генераторы среднего класса». Предположение второе: представители среднего класса максимально политически и социально активны, склонны к инновациям, а все остальные факторы только создают возможности для реализации этой активности. Ключевой объект, подлежащий исследованию, – не статус человека, а его самостоятельная, независимая, непрофессиональная общественная или общественно-политическая деятельность. Параметры этой деятельности уже можно охарактеризовать с помощью количественных методов.

Ключевые слова: средний класс, социальная солидарность, политическая и социальная активность, вертикальная социальная мобильность, модернизация.

Интерес к данной социологической тематике возник у автора после знакомства с архивными материалами о народном ополчении Минина и Пожарского. При абстрагировании от неизбежно возникающего

вопроса о роли личности в истории акцент был сделан на «исторической аналогии», связанной с возможным повторением ситуации, в которой при существенных проблемах в политической системе, в ее центре, возможна практическая реализация инициативы «средних слоев» по восстановлению общественного порядка и законности.

Кузьма Минин, отметим, по своему социальному статусу мог бы претендовать как раз на роль представителя «средних слоев» в позднефеодальном российском обществе.¹ В то же самое время и Дмитрий Пожарский, хоть и считался князем, но был не настолько родовитым, чтобы считаться принадлежащим к «верхам».

Проблема определения среднего класса является актуальной для России и с научной, и с прикладной точек зрения. Ее решение позволит определить специфику современного российского переходного общества, определить методы количественного и качественного исследования, подходы, способные давать максимально достоверный результат.

С практической стороны найденное решение позволит ориентировать государственную политику на благо наиболее инициативной и одновременно стабильной части общества, политическая лояльность которой предполагает внутренний порядок, динамическое равновесие политической системы, устойчивость политического режима, высокую адаптивность общества и сопротивляемость деструктивным воздействиям извне и внутренним локальным кризисам.

Помимо функции *социального стабилизатора*, в развитом обществе средний класс играет роль экономического донора (массовый налогоплательщик, одновременно потребитель и инвестор), а также хранителя и транслятора культурных ценностей, норм, исторических традиций.

Наконец, самая отличительная его функция, обеспечивающая реализацию всех остальных и формирующая «запас прочности» государства и общества, их способность к модернизации и обновлению, – это *функция самоорганизации и саморегуляции*, основанная на политической и социальной активности среднего класса. Именно средний класс поставляет свежие, инновационные управленческие кадры для государства, местного самоуправления и бизнеса в рамках *вертикальной социальной мобильности*.

¹ Споры вокруг биографии Кузьмы Минина долго ведутся историками, т.к. данных о его жизни и деятельности до 1611 г. сравнительно мало. Достоверно известны только его экономический статус (торговец средней руки) и должность в структуре местного самоуправления (земский староста). В те времена совмещение бизнеса и муниципальной службы позволялось. Понятие «конфликт интересов» не использовалось.

Краткая история определения основного объекта теоретического исследования

Впервые понятие «средние слои» применительно к характеристике общества употребил Аристотель. «Среднее состояние, и только оно одно, может благоприятствовать цели государства, каковое есть общение родов и селений ради достижения совершенно самодостаточного существования, состоящего в счастливой и прекрасной жизни и деятельности» [цит. по: 4, с. 396]. Именно от него идет идея, которая повторяется в трудах многих ученых различных школ и направлений: чем больше будет эта средняя часть общества, тем стабильнее будет и само общество.

Необходимо отметить, что древнегреческий мыслитель под «средними слоями» имел в виду представителей класса рабовладельцев древнегреческого общества, обладающих гражданскими правами. Все остальные находятся за рамками его классификации.

К началу XX в. понятие среднего класса получило особенное распространение, даже марксисты изучали средний класс, но относили его к промежуточным социальным группам (подобно ленинским «мелкобуржуазным слоям»). Анализом среднего класса занимался Макс Вебер [4], воспринимавший средний класс как группу людей, которые не занимались физическим трудом и не были богаты. Тогда основным мерилом соотношения со средним классом была категория собственности, его представителями были мелкие собственники и независимые предприниматели.

Обзор классических и новых европейских и американских концепций среднего класса приведен в работе «Средний класс: западные концепции» [15], где одновременно сделан вывод о непродуктивности простого переноса критериев и подходов на российскую почву.

В России Юрий Левада вообще отрицал существование среднего класса, настаивая на абстрактности самого понятия «средний класс», которое соединяет слишком разнородные группы людей, имеющие мало общего друг с другом [16, с. 4].

Такая «двойственная» ситуация была подмечена в лекции Андрея Левинсона 22 января 2009 г. в Высшей школе экономики: «В нашем обществе уже в течение долгого времени идет дискуссия о том, есть ли у нас средний класс или его нет, причем обе эти точки зрения защищают вполне авторитетные специалисты. Могу сослаться на то, что директор нашего Центра Лев Гудков неоднократно заявлял, что среднего класса у нас нет, а, скажем, Татьяна Малеева, директор Независимого института социальной политики, не менее уважаемого учреждения, неоднократно выражала противоположное мнение» [17].

В отношении общей логики эволюции представлений о среднем классе существует определенная тенденция: по мере повышения жизненного уровня квалифицированных работников наемного труда они также стали пополнять ряды представителей среднего класса. В средний класс стали входить интеллигентские слои – менеджеры, адвокаты, бухгалтеры, научные работники, торговые агенты. Хотя, бесспорно, отождествлять средний класс в России с офисными работниками – неправильно.

Не менее опасно отождествлять средний класс с представителем криминала, или бюрократом-взяточником, или, например, игроком на фондовой бирже, рантье, живущим от сдачи недвижимости внаем (последнее актуально для Москвы и в некоторой мере – для Санкт-Петербурга).

По формальным критериям (совокупный доход, владение недвижимостью и транспортными средствами) они могут и попадать в рамки среднего класса, но по социальным ролям и позициям их деятельность кардинально противоположна интересам среднего класса, его идеологии, о которой речь и пойдет впоследствии. Здесь нельзя согласиться, например, с Евгением Гонтмахером и приведенной им цитатой академика А.А. Дынкина о том, что наш средний класс – «служилый, коррупционный и нефтяной» [8]. В его выступлении были указаны три основных источника формирования той социальной прослойки, под которой мы пытаемся увидеть данный феномен.

Источник первый – «служилый». К военному сословию он не имеет никакого отношения. Это в первую очередь высококвалифицированная «обслуга» представителей высших слоев общества – наемные менеджеры, PR-специалисты.

Источник второй – «коррупционный» – региональная бюрократия и представители центральных органов власти, ответственные за распределение государственных средств, выдачу разрешений на тот или иной вид деятельности, правоохранительная сфера.

Нефтяной – менеджмент нефтяных, ресурсодобывающих компаний и предприятий в смежных сферах.

Но все это – ни в коем случае не средний класс. Говорить о том, что информационные работники входят в данную категорию только на основании «интеллектуальности их труда», как отмечается в некоторых публикациях [31, с. 103–111], тоже проблематично.

Проблема формирования среднего класса в России затрагивалась многими исследователями. Так, в 2003 г. Московским центром Карнеги было проведено крупное исследование, результаты которого были опубликованы в книге «Средние классы в России: экономические и социальные стратегии», в том же году был опубликован аналитический доклад «Российский

средний класс: динамика изменений (1999–2003 г.) [27]. Крупное исследование было проведено в 2006 г. исследовательской группой ИС РАН на тему «Городской средний класс в современной России» [9].

Скептический настрой авторов и представления об иллюзорности, прозрачности существования среднего класса в России выражается в ряде публикаций [6, с. 89–99; 12, с. 355–365; 17, с. 53–64; 25, с. 37–49; 26, с. 55–61; 29, с. 26–40; 30, с. 103–111]. А возможные попытки подсчета количества его представителей базируются на некоторых абстрактных моделях и подходах. Всего мы можем выделить 3 основных направления исследований.

1. Нормативистский, или экономико-математический подход. Он основан на некоторой универсальной потребительской модели среднего класса, созданной на базе развитого западного общества. Оценка среднего в России класса в данном случае не превышает 15–25% по российским критериям, и порядка 8–10%, если использовать стандарты потребления развитых стран.

2. Второй подход — релятивистский, или социально-психологический, отражает видение респондентом своего социального места и тех ролей, которые он выполняет. Численность среднего класса при таком подходе предполагается около 30–50%.

3. Третий подход основан на профессиональных и социокультурных компетенциях человека. Он уже ближе к проблеме активной деятельности представителя среднего класса, но все еще находится в плену таких ограничений, как «статус», «социальная роль», «образование». Численность среднего класса в России в соответствии с ним составит порядка 20–25%.

Специфический метод оценки среднего класса путем концентрации признаков дает небольшой показатель [1, с. 28–36; 2, с. 62–73]. Если совместить данные трех подходов, то можно получить и количество представителей среднего класса, удовлетворяющее всем трем условиям. В приведенном ниже примере оно равно приблизительно 7% (рис. 1). Но, по представлению автора данной статьи, даже эта цифра является несколько завышенной.

Синтезный подход, учитывающий различные аспекты среднего класса, впервые был предложен в России в рамках исследований журнала «Эксперт». Вот как характеризует этот подход М.А. Тарусин: «Журнал “Эксперт” определяет средний класс следующим образом – это люди, которые благодаря своему образованию и профессиональным качествам смогли адаптироваться к условиям современной рыночной экономики, обеспечить своим семьям приемлемый уровень потребления и образ

жизни» [28]. Иными словами, типичный представитель среднего класса в России, – это тот, кто приспособился к жизни в новых экономических условиях.

Однако сравнивать средний класс с сурвайверами, т.е. людьми, которые смогли приспособиться, проблематично, т.к. приспособление в ряде случаев могло иметь деградационный характер, связанный с потерями в статусе, в уровне образованности (у последующих поколений).

Есть или нет в России средний класс? Окончательный ответ на этот вопрос не может дать формальное сравнение с другими странами. Причина удивительного разброса различных методик идентификации среднего класса заключается в том, что источники его появления в России носят несколько иной характер, чем в других странах.

В процессе модернизации любого современного общества неизбежно появление агента, проводника этой модернизации. И в этой роли выступают пресловутые «средние слои», которые заинтересованы в определенном оптимальном, свойственном каждому историческому периоду балансе между традициями и инновациями.

Если «традиции» преобладают в обществе и государстве – они становятся консервативными с последующим неизбежным застоєм, деградацией и альтернативой между социальными потрясениями (кризисом) или гибелью.

С другой стороны, при чрезмерном увлечении «инновациями», радикально-революционными преобразованиями общество находится в состоянии перенапряжения, траты невозобновляемых ресурсов и своего «основного ресурса» – инициативных, трезвомыслящих предприимчивых людей. Исчерпание этого «запаса пассионарности» также ни к чему хорошему не приводит: для государства это уход с ведущих позиций мировой арены, для общества (точнее говоря, этноса) – полная утрата или сокращение ареала проживания.

Средний класс обладает тем самым «здравым смыслом», четким пониманием баланса между традициями и инновациями, чтобы пресекать возможные сползания в одну из крайностей.

И именно здесь определенная часть российских исследователей, прежде всего, работающих в области политологии, напрямую подошла к пониманию политической активности как значимой и первостепенной категории, на основании которой возможна идентификация среднего класса в современной России [5, с. 73–88; 10, с. 7–12; 12, с. 145–152; 13, с. 30–48; 14, с. 24–39; 20, с. 136–140; 21, с. 310–313; 22, с. 87–90; 23, с. 85–91; 24, с. 23–35]. В каждой из приведенных работ рассматривались отдельные аспекты транзита российского общества, взаимоотношения

элиты и массы, сопровождающие стадию транзита процессы мифо- и смыслообразования. Ценность данных работ заключается в рассмотрении избранных авторами аспектов функционирования российской политической системы, в которой средний класс, по идее, должен занимать определенное, отведенное ему место.

В данном случае весьма радикальным, но необходимым представляется утверждение о примате политических характеристик нарождающегося среднего класса современной России над социальными, экономическими и национальными.

Казалось бы, стоит только замерить уровень активности некоммерческих организаций, общественно-политических структур, используя как чисто социологические методы (анкетирование, интервью, опросы экспертов), так и данные количественно-статистического анализа массива публикаций в СМИ. Средний класс пойман и определен!

Однако даже результаты подобных «внешних» исследований также не дадут достоверных выводов деятельности среднего класса.

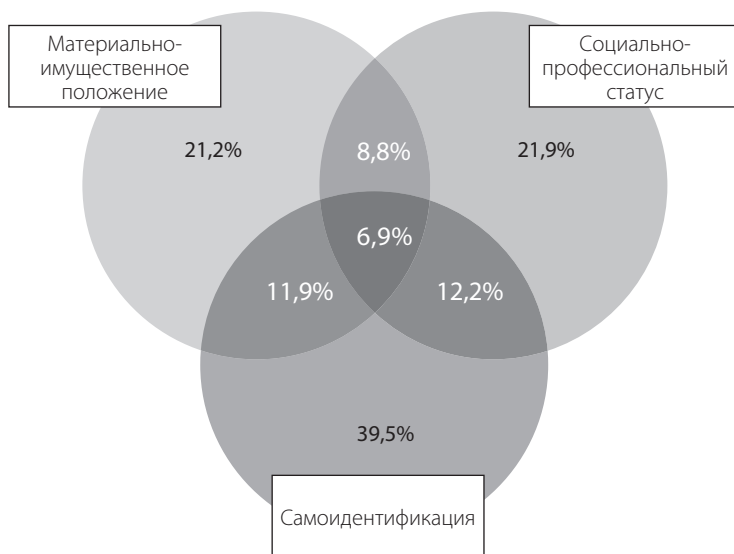

Рисунок 1. Средние классы, эмпирическая структура [19]

Упомянувшийся известный аналитик Евгений Гонтмахер довольно пессимистично высказывается по поводу традиционных, западных «мест генерации среднего класса»: «В настоящее время в России

зарегистрированы сотни тысяч общественных организаций, но преобладающая часть этих НПО либо давно умерли, либо “легли под власть”. А в случае с “новыми неформалами” мы имеем дело с искренним и все более ширящимся желанием отстоять свои и чужие поправные права, что для современной России весьма свежо и, хочется верить, перспективно. В развитых демократических странах, где доля среднего класса в населении достигает 60–70%, стремление к неполитической активности и самоорганизации канализируется, прежде всего, в муниципальной тематике. Это местные выборы и организация жизни своего микрорайона. В России эти клапаны для использования накапливающейся энергии самоорганизации среднего класса фактически перекрыты муниципальной реформой, обескровившей и без того слабые муниципалитеты, а вдобавок открывшей путь к огосударствлению этой ветви публичной власти» [7].

Достаточно критическое отношение к современному государству и обществу со стороны эксперта, достаточно близкого к кремлевским кругам, настораживает. Очевидно, что средний класс нужно искать не в государственных структурах и местном самоуправлении, не в работе общественных организаций, осваивающих бюджет (российский или иностранный), но анализировать, прежде всего, частную инициативу граждан.

Где искать средний класс, и по каким признакам осуществлять его идентификацию в России?

В соответствии с идеей цивилизационного подхода мы не можем говорить об универсальности моделей возникновения среднего класса. В конце концов, российское общество, имеющее свою предысторию, специфические институты и традиции, не может напрямую адекватно интегрировать иностранные модели.

Наоборот, в условиях кризиса и потери доверия (доверие, общие ценности – это тот самый раствор, цементирующий средний класс) к институциональным структурам на первое место выходят социальные связи, доступные в наше время к описанию в формате т.н. «социальных сетей».

Бесспорно, коррупция, базирующаяся как раз в первую очередь на личных связях людей, закрытости каналов коммуникации и вертикальной социальной мобильности, является одной из производных от состояния деградировавших социальных отношений. И, по всей видимости, не стоит искать места сосредоточения среднего класса в традиционных социальных структурах. Роль государственных институтов на первое время в отношении представителей данного слоя общества будет скорее негативная, направленная на создание препятствий к проявлению свободной политической и социальной активности.

По мнению автора, именно в неформальных, первоначально неинституализованных объединениях людей по интересам следует искать «генераторы среднего класса», строящиеся на сетевой основе.

Первое, что приходит в голову в качестве примера – это сообщества автомобилистов, мотоциклистов: байкерские клубы, объединения покрителей бездорожья, а также иные клубы по интересам.

Транспортная тематика неслучайна в данном контексте, т.к. наличие транспортного средства одновременно определяет социальный статус владельца – мобильного, независимого, заинтересованного в передвижении без ограничений и с минимальными издержками. Ну и, самое главное, появляется общность интересов, которые необходимо отстаивать и защищать, в том числе и от произвола органов власти. На современном этапе неинституализованные группы, объединения граждан – наиболее эффективный и удобный формат работы. Но это, в принципе, не означает возможности правового оформления деятельности.

К примеру, организация автомобилистов «Свобода выбора»,¹ созданная без участия профессиональных правозащитников и профильных отделов органов власти, прошла регистрацию в качестве межрегиональной общественной организации.² Изначально организация создавалась по инициативе лиц, связанных с экспортом «праворульных» иномарок в Россию. В настоящее время организация активно работает с органами власти, председатель и координатор МООА «Свобода выбора» – член Экспертного совета при Комитете по транспорту Госдумы РФ и, в принципе, имеет все перспективы оказаться встроенной уже в систему официальных политических отношений на очередном политическом электро-ральном цикле.

Перспективные направления работы общественных организаций, созданных по инициативе «снизу» и не аффилированных с органами власти или иностранными фондами и организациями, сводятся к противодействию коррупции, отстаиванию прав и законных интересов, прежде всего, представителей «средних слоев», борьбу с монополизмом в различных социально-экономических сферах и нишах.

Здесь характерным примером является попытка движения, объединяющего независимых поставщиков автокомпонентов,³ которых иногда

¹ Начало деятельности – 19 мая 2005 г. Официальный сайт <http://www.19may.ru/>.

² Свидетельство о государственной регистрации общественного объединения от 3 апреля 2006 года, номер ЕГРЮЛ 1067799012280.

³ Имеются в виду представители проекта «Монополизму.Нет!». Официальный сайт – <http://www.monopolizmu.net/>.

ошибочно называют «серыми» импортерами, осуществляющими т.н. «параллельный импорт» в России. Последствия монополизма в данной сфере приводят и к более чем двукратному удорожанию автомобилей, как новых, так и подержанных, на рынке России, и к росту цен на автокомплектующие, в среднем в 3–10 раз по сравнению со странами-производителями.

Другим потенциальным «генератором среднего класса» является деятельность товариществ собственников жилья в новостройках и коттеджных поселках в рамках неформальных инициативных групп, особенно в перспективе их борьбы против коммунальщиков-монополистов, навязывающих дополнительные услуги и диктующих огромные цены.

В новостройках и коттеджных поселках верхнего сегмента комфорт-класса и части бизнес-класса достигается максимальная плотность тех самых инициативных людей, обладающих определенными ресурсами, возможностями и навыками, которые вынуждены отстаивать свои общие групповые интересы.

По всей видимости, средний класс в России на данном этапе своего становления будет ориентироваться на решение как локальных местных задач, так и специфических проблем отдельных отраслей экономики без выдвижения политических требований касательно смены или кардинального переустройства политического режима.

Средний класс активно пользуется интернетом, который в качестве средства массовой информации начал ему все больше заменять государственное телевидение. В этом контексте логично предположить, что средний класс в России будет оппозиционен официальной власти, естественно, не настолько, чтобы оставаться «несистемной» оппозицией, скорее, он будет занимать критически-рациональную позицию по отношению к решениям и действиям органов власти. Иными словами, у протестной активности среднего класса и деятельности тех, кто выходит на Триумфальную площадь 31 числа каждого месяца, очень мало общих интересов, несмотря на то, что последние пытаются «подгрести» под себя и вобрать в себя вторых.

Политический режим на определенных условиях своего существования не всегда заинтересован в наличии сильного среднего класса, поскольку он является основной и прямой угрозой монополиям, составляющим основной доход правящих кругов. Выгоден послушный, лояльный средний класс или, по крайней мере, его искусная имитация, та самая «служилая, коррупционная, нефтяная».

Вместе с тем нельзя недооценивать перспективу маргинализации и радикализации значительной части нарождающегося среднего класса и его

«генераторов» в результате заметного ухудшения экономической ситуации или чрезмерного налогового-акцизного и ценового гнета. В конце концов, «бостонское чаепитие» организовали вовсе не простодушные индейцы, но представители тех самых средних слоев, фермеры и промышленники, протестовавшие сначала против монополий Ост-Индской компании на поставку чая, и только впоследствии выдвинувшие политические требования по отделению Североамериканских колоний от метрополии.

Л. Эрхард, заложивший основы современной экономической системы в Германии, в 1954 г. охарактеризовал средний класс как «людей, качественными признаками которых являются чувство собственного достоинства, независимость взглядов, самостоятельность, социальная устойчивость, смелость поставить свое существование в зависимость от результативности собственного труда и желание заявить о себе в свободном обществе и свободном мире» [Цит. по: 26, с. 55]. По всей видимости, это наиболее близкое из материалов иностранных авторов определение среднего класса применительно к современным российским условиям.

Упомянутые социальные качества среднего класса в современной России не укладываются в прокрустово ложе концепции «служилый, коррупционный, нефтяной». «Таким образом, средний класс, в его строгом, классическом содержании, составляют не просто обладатели определенного размера собственности, но носители базовых ценностей гражданского общества – личного достоинства и независимости, основанной на самоуважении, самостоятельности в оценках, общественно-политической активности, иммунитета к социальному манипулированию и многих других, составляющих в совокупности его классовое самосознание, которое и делает средний класс основой гражданского общества» [26, с. 55–56].

Данный вариант определения представляется уточняющим, поскольку в нем делается акцент на механизмы воспроизводства и передачи ценностей, наличие определенного стержня, опоры, позволяющих противодействовать попыткам манипуляции.

Именно осознанная политическая и социальная активность, преследующая модернизационные цели и задачи по улучшению благосостояния, должна являться основным критерием для выделения среднего класса в России. Формально-экономический подход, как уже было отмечено, основанный на оценке уровня доходов респондента, ни в коей мере не является определяющим фактором. Также как не является определяющим принцип «самоотнесения» опрашиваемого человека к «среднему классу». Высокая активность, стремление искать свой «путь наверх», мобильность являются залогом и будущего образования, и возможностей первоначального накопления денежных средств.

К сожалению, в современной России образование (за исключением пары десятков престижных вузов) не является показателем качественных навыков и компетенций человека. Уровень дохода – тем более. Поскольку высокий заработок, как уже было отмечено, может иметь лицо, ведущее асоциальную деятельность, и наемный работник, обслуживающий интересы сверхбогатой части населения. Но, как правило, эти люди не имеют четких и самостоятельных политических интересов.

Базовыми направлениями для индикации среднего класса в рамках «политологического» подхода можно предложить следующее:

- активная самостоятельная, непрофессиональная общественная и политическая деятельность; наличие организационно-управленческих навыков осуществления деятельности, получения результата (опыт успехов и неудач);
- социокультурные и информационные компетенции человека, обеспечивающие возможность подобной деятельности, качества, позволяющие ориентироваться в современной жизни; эмоционально-психологические, прежде всего, волевые качества («воля-к-действию»);
- вхождение, включенность в сообщества с высокой социальной солидарностью, наличие объекта политической и общественной деятельности;
- уровень дохода, обеспечивающий собственные потребности и потребности семьи, воспроизводство «среднего класса», наличие 2–3-х детей и непрофессиональную общественную и политическую деятельность, а именно: наличие достаточного количества ресурсов, чтобы иметь возможность часть жизни посвящать общественной или политической деятельности, наличие достаточного количества свободного времени.

В отличие от представителей «низшего» класса, у представителей среднего класса базовые потребности удовлетворены, и они имеют возможность удовлетворять потребности более высокого уровня – развиваться, направлять «инвестиции» в себя и своих детей (получать образование, заботиться о сохранении здоровья и т.д.), строить перспективные планы.

Активная самостоятельная и непрофессиональная общественная и политическая деятельность представителей среднего класса

Самое важное слово в этой части определения – «непрофессиональная», т.е. не являющаяся основным источником дохода деятельность. Так, например, наемных пиар-менеджера, политтехнолога, обладающих всеми указанными выше компетенциями в полной мере, мы не можем отнести к данной категории: общественная и политическая деятельность для них – профессия, их самостоятельность ограничена заказчиком. Здесь

может быть и исключение, когда, например, представитель этой профессии, проживая в загородном коттедже, является активным участником или председателем местного сообщества, ТСЖ. Здесь появляется два количественных параметра, которые можно измерить социометрическими методами:

- количество времени, которое тратит человек на самостоятельную, непрофессиональную общественную и политическую деятельность, в часах в неделю (в месяц, в год), возможен и относительный показатель – применительно к длительности профессиональной деятельности;
- количество собственных средств, тратимых на непрофессиональную общественную и политическую деятельность в доле трат представителя «среднего класса», этот показатель относителен, т.к. зависит от специфики направления, иногда важен сам факт наличия таких трат.

Известные события вокруг Химкинского леса (организованное сопротивление постройке федеральной трассы) возглавили именно активисты – выходцы из средних слоев – малого и среднего бизнеса. И только впоследствии к ним присоединились лидеры так называемой «несистемной оппозиции», почувствовав выгоду и возможность набрать политические очки.

Социокультурные и информационные компетенции среднего класса

Общий перечень таких компетенций выглядит следующим образом:

- навыки общения и убеждения (определяются по количеству успешно преодоленных кризисных ситуаций в жизни человека, сделанным выводам);
- навыки работы в группе, команде (определяется по количеству реализованных проектов, где человек выступал отдельно в качестве инициатора, руководителя и исполнителя);
- навыки поиска и обработки сравнительно больших объемов информации (определяется по количеству прочитанных книг за период времени – отдельно художественной литературы, отдельно – научной или профессиональной);
- способность к адаптации (также определяется числом успешно преодоленных кризисных событий);
- готовность к перемене места жительства, места деятельности, мобильность (определяется числом переездов, смен места работы);
- знание истории локального сообщества;
- знание истории и следование культурным традициям большого сообщества (города, региона, страны);

– способность к передаче знаний, навыков, компетенций своим детям, знакомым, друзьям.

Наличие социо-культурных и коммуникативных компетенций является важным фактором для отнесения человека к среднему классу. Их отсутствие может означать молодой возраст. Именно поэтому не следует пытаться отнести к среднему классу молодежь. В качестве точки отсчета необходимо брать тот период жизни, когда человек становится полностью независимым от родителей, начинает самостоятельно обеспечивать себя. В России это может происходить в общем случае не ранее 24–25 лет. Естественно, могут быть и исключения, когда социальная и профессиональная зрелость наступает в 20 лет, человек уже является владельцем собственного бизнеса, и, наоборот, когда в 40 лет доминируют инфантильные черты и взрослый человек находится фактически «на шее» у своих престарелых родителей.

Включенность в сообщества с высокой социальной солидарностью, наличие объекта политической и общественной деятельности

С учетом того, что видов деятельности множество и нет ее универсальной модели, уровень социальной солидарности в группе измерить достаточно тяжело. Здесь может иметь место количественный критерий, это в первую очередь временной показатель – количество времени, которое человек может посвятить решению проблем участника своего сообщества. Второй показатель – доля от своего ежемесячного дохода, которую он готов беспроцентно ссудить участнику своего сообщества, и доля, которую он готов пожертвовать безвозмездно.

Другая составляющая социальной солидарности – доверие. Оно может быть изучено на основании разных направлений. Например, количество участников сообщества, которым респондент мог бы доверить своих детей на определенный период времени. Количество участников сообщества, с которыми он бы «пошел в разведку» – осуществил те или иные реальные или предполагаемые мероприятия, действия.

Еще одна составляющая уровня социальной солидарности в сообществе опрашиваемого респондента – это социальная сеть. Логично предположить, что количество друзей и знакомых, находящихся на одной с ним ступени, у представителя среднего класса больше, чем в среднем по территории. Важнейшим индикатором здесь может являться процент, доля общего количества знакомых, вовлеченных в тип деятельности, в котором участвует респондент. Разветвленность социальных сетей, пересечение, вхождение в состав других сообществ, их число также могут быть важными показателями, характеризующими активность представителя среднего класса.

Уровень дохода, обеспечивающий собственные потребности и потребности семьи

Определение уровня дохода – проблемное место в современной российской социологии. Это связано с характерной субъективной чертой российского респондента – занижать или скрывать свой уровень дохода. С другой стороны, существенную путаницу вносит сопоставление российских и иностранных позиций по среднему классу. Уровень заработной платы в России существенно ниже, чем в развитых странах, но при этом цены на продукцию соответствующих рыночных сегментов (жилье, автомобили) – гораздо выше. При этом необходимо учитывать разницу между Москвой, Санкт-Петербургом, другими мегаполисами и остальной частью страны.

Поэтому в качественном исследовании речь должна идти не об абсолютных показателях, а об относительных, свидетельствующих скорее о предпочтениях респондента.

Представитель инновационного среднего класса в Москве может ездить на «Мерседесе» бизнес-класса, а его потенциальный идейный коллега в сельской местности – на «УАЗе».

Соответственно, тип задаваемых вопросов – также иной. Это количество времени, когда автомобиль используется для работы, для общественной деятельности и для личных нужд.

Шансов встретить такого человека в пропорциональном отношении в Москве, Санкт-Петербурге и других крупных городах гораздо больше, чем на остальной территории России. Но это не означает, в принципе, что таких людей там нет.

Естественно, нужно предположить достаточный уровень дохода и специфику деятельности, позволяющей обеспечивать себя, семью и свои увлечения, иметь финансовый резерв на случай непредвиденных обстоятельств. Место работы, как и официальный статус (человек может быть официально безработным, имея доход), – не имеет фундаментального значения, главное – это соотношение затрат, которое может быть указано респондентом в процентах.

Выводы

Возвращаясь к вопросу об исторической аналогии со Смутным временем, приходится констатировать, что, к сожалению, в современных условиях, при неразвитом среднем классе, отсутствии адекватной политической идеологии среднего класса, появление нового Кузьмы Минина проблематично. Даже если брать за основу достаточно оптимистический вывод о наличии в России примерно 7% среднего класса по совокупности

оценок, это количество вовсе не свидетельствует о качестве наполнения данной категории.

Земская система самоуправления, продуктом которой и стал Минин, сложилась в позднефеодальном Московском государстве не одновременно. Как минимум за полвека до упомянутых событий во время т.н. реформ «Избранной рады» при Иване Грозном начал создаваться новый, земский порядок управления территориями. Сложившаяся система предполагала активное использование местных кадров (целовальники, земские старосты иные выборные и назначаемые должности) в управлении территориями, что давало существенные гарантии от произвола назначенного воеводы.

В современной России ситуация с местным самоуправлением – потенциальным «генератором» среднего класса – сложилась двоякая. На низовом уровне сельских поселений административное деление столь мелко, что в отдельных ячейках и самоорганизовываться-то некому, новоиспеченные главы поселений передают свои полномочия на уровень выше – все тем же районным администрациям. С другой стороны, фактическое превращение региональных органов власти и крупных муниципалитетов в продолжение «вертикали власти» также привело к ликвидации вертикальной социальной мобильности и прогрессивного подбора эффективных управленческих кадров. Государственная гражданская и муниципальная службы перестали иметь возможность стать «генератором» среднего класса, стали замкнутой структурой, вхождение в которую диктуется соображениями семейственности, клановости.

С другой стороны, в плане социологических исследований такая ситуация является достаточно показательной: имеющиеся факты и случаи организованного общественного противодействия, легального, общественно приемлемого отстаивания прав и законных интересов местными сообществами против бюрократического произвола, волокиты и коррупционных сговоров могут являться объектом исследования при анализе социальных статусов и социальных ролей протестующих.

К примеру, события в Пикалево и вокруг Химкинского леса, несмотря на то, что преподносятся в официальных СМИ как форма «социального протеста» (с этой позицией соглашается и «несистемная оппозиция», правда, намеренно сгущая краски), являются разноразмерными и по сути, и по содержанию.

Акции гражданского неповиновения в Пикалево, носившие маргинальный, во многом стихийный оттенок (призывы к перекрытию трасс) отражают скорее ситуацию рубежа 1980–90-х гг., напоминая шахтерские выступления. Это во многом «шаг назад». Средний класс в них себя практически не проявлял. Участники событий в Пикалево были пассивны,

ожидая вариантов решений со стороны («главный барин придет – с великим барином рассудит»). За исключением требований по сохранению убыточных производств, они не предлагали на массовом, организованном уровне конструктивных вариантов решения проблем. В данной ситуации представители среднего класса должны были проявить инициативу и самостоятельно предложить власти варианты разрешения ситуации, проявляя готовность к сотрудничеству, компромиссу и терпению.

По всей видимости, главный признак, по которому мы можем однозначно утверждать о деятельности среднего класса, есть способность осознавать себя в качестве не объекта, а субъекта социально-экономических процессов, активного начала, обладающего собственной волей и свободой выбора, и самое главное – осознанием всей меры ответственности за последствия своей деятельности.

Библиографический список

1. Авраимова Е.М. Средний класс эпохи Путина // *Общественные науки и современность*. 2008. № 1. С. 28–36.
2. Авраимова Е., Овчарова Л. Количественные оценки российского среднего класса методом концентрации признаков // *Вопросы экономики*. 2001. № 1. С. 62–73.
3. Асмус В.Ф. *Античная философия*. 3-е изд. М., 1999.
4. Вебер М. Основные понятия стратификации // *Социологические исследования*. 1994. № 5. С. 147–156.
5. Гаман-Голутвина О.В. Власть, политический класс и развитие (размышления о субъекте модернизации в России) // *Россия и современный мир*. 2005. № 3. С. 73–88.
6. Голиусова Ю.В. Молодежь среднего класса: миф или реальность? // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия «Социология». 2008. № 3. С. 89–99.
7. Гонтмахер Е. Новые неформалы. Неполитическая самоорганизация – последний клапан для гражданской активности российского среднего класса // *Независимая газета*. 2007. № 12–14.
8. Гонтмахер Е. Российский средний класс: служилый, коррупционный, нефтяной. URL: rus.ruvr.ru/2010/05/26/8455746.html (дата обращения – 3.05.2011).
9. Городской средний класс в современной России. 2006. Аналитический доклад. URL: www.isras.ru/analytical_report_MiddleClass.html (дата обращения – 3.05.2011).
10. Казакова В.И., Новикова М.Н. Элита в социальном пространстве современной России // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Серия «Социальные науки». 2009. № 1. С. 7–12.
11. Каневский П.С. Политический класс как ключевая категория политического процесса // *Ученые записки Российского государственного социального университета*. 2007. № 4. С. 145–152.

12. Киселев К.В. Миф о среднем классе: основания конструирования и политической функции // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2008. № 8. С. 355–365.
13. Коргунюк Ю.Г. Политическая элита современной России с точки зрения социального представительства (I) // Полис (Политические исследования). 2001. № 1. С. 30–48.
14. Коргунюк Ю.Г. Политическая элита современной России с точки зрения социального представительства (II) // Полис (Политические исследования). 2001. № 2. С. 24–39.
15. Кузнецова Е. Средний класс: западные концепции // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 2. С. 19–28.
16. Левада Ю. «Средний человек»: фикция или реальность? Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены // ВЦИОМ. 1998. № 2.
17. Левинсон А. Лекция 22 января 2009 года в Высшей школе экономики. URL: www.polit.ru/lectures/2009/02/26/levinson.html (дата обращения – 3.05.2011).
18. Левинсон А. О среднем классе в конце прекрасной эпохи // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 6. С. 53–64.
19. Малеева Т. Россия в поисках среднего класса. URL: www.polit.ru/research/2007/09/04/middleclass.html (дата обращения – 3.05.2011).
20. Магаев Г.М., Андиржанова Г.А. Средний класс в условиях транзитного развития государств // Вестник Казанского технологического университета. 2009. № 1. С. 136–140.
21. Моржаков В.С. Образы российского среднего класса и формирование в отечественном медиапространстве нового социального мифа // Вестник Казанского технологического университета. 2006. № 4. С. 310–313.
22. Покатов Д.В. К вопросу о происхождении политической элиты // Власть. 2008. № 7. С. 87–90.
23. Покатов Д. Проблема политической элиты в российской позитивистской социологии // Власть. 2007. № 8. С. 85–91.
24. Сафронов В.В. Поддержка политической системы в России: взгляды элиты и массовой публики // Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 79. С. 23–35.
25. Симонян Р.Х. Средний класс в современной России: миф или реальность? // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 37–49.
26. Симонян Р.Х. Средний класс: социальный мираж или реальность? // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 55–61.
27. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Под ред. Т.М. Малеевой. М, 2003.
28. Тарусин М. Средний класс и стратификация российского общества. URL: www.polit.ru/lectures/2005/02/02/mid.html (дата обращения – 3.05.2011).
29. Умов В.И. Российский средний класс: социальная реальность и политический фантом // Политические исследования. 1993. № 4. С. 26–40.
30. Шанкина А.Ю. Средний класс в России: охота на Несси // Политические исследования. 2003. № 1. С. 103–111.
31. Шкаратан О.И., Инясевский С.А., Любимова Т.С. Российский средний класс и информационные работники на российском рынке труда // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 5–27.

Ю.А. Никифоров

История как технология социального проектирования¹

В статье рассматривается проблема взаимозависимости профессиональной историографии и политики. Характер, форма существования истории в общественном сознании (как представлений, образов, мифов) является объективной предпосылкой для использования истории в целях социального проектирования (конструирования). Сопряжение достижений научной историографии с целями формирования общегражданской и национальной идентичности («политики памяти») не должно сегодня привести к релятивизму в отношении исторической науки.

Ключевые слова: социальная память, историческая политика, «политика памяти».

История присутствует в нашей жизни в двух качествах: с одной стороны, как *знание* о прошлом, представленное в работах профессиональных историков, и, с другой стороны, как образ этого прошлого в *социальной памяти*.

Несмотря на то, что методология исторического познания содержит некоторые слабые места, делающие возможным возникновение псевдонаучных теорий, в профессиональном историческом сообществе сформированы механизмы, которые позволяют значительно снизить опасность субъективистских подходов, порожденных влиянием современных обстоятельств и авторских идеологических пристрастий. Эти механизмы основаны на рефлексии и самоконтроле историков, представлении альтернативных точек зрения, учете достижений других историографических направлений. Важнейшим условием для этого является признание целью исторической науки и исторического образования дать обществу адекватное представление о собственном прошлом, а также понимание, что историки располагают для этого необходимым научным инструментарием.

Нормы современного научно-исторического исследования предполагают такое построение системы аргументов, которое открыто для верификации, т.е. для проверки достоверности базы источников, критического

¹ Статья подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект НК 70 П.

анализа логических связей, выводов и ценностных установок, на которые опирается автор. Нравственной и профессиональной нормой в профессиональном сообществе историков признается стремление к объективности научного поиска, элементами которого являются дискуссии, плюрализм мнений.

Однако было бы наивным полагать, что историческое знание, доступное экспертному сообществу историков-профессионалов, может быть адекватно представлено в общественном сознании. В этом пространстве история существует как некая система образных представлений, мнений, символов и мифов.

Как и память отдельного человека, социальная память сохраняет далеко не все события и эпизоды прошлого. Едва ли вы встретите человека, который сумел бы рассказать вам день за днем свою жизнь хотя бы в течение одного последнего года. Так и народ сохраняет в своей памяти лишь наиболее яркие или трагичные эпизоды: битвы с внешними врагами, походы и завоевания, восстания и революции, крупные социальные преобразования. Череда таких наиболее значимых для народной памяти событий образует тот хребет, к которому крепятся менее значительные события и эпизоды.

Историческая наука лишь опосредованно влияет на социальную память, главным образом, через массовое историческое образование. Литературные произведения на исторические темы, музыкальные произведения, живопись, кинофильмы – вот главные факторы, решающим образом воздействующие на социальную память. Все мы читали об Отечественной войне 1812 г. в учебниках – но образ войны, закрепившийся в социальной памяти, в значительной степени навеян «Войной и миром» Льва Толстого. Кто бы вспоминал сейчас Бориса Годунова, если бы не драма Пушкина и не опера Мусоргского? Князь Игорь так и остался бы бледной тенью в ряду почти неразличимых родственников, если бы не «Слово о полку Игореве» и опера Бородина. В последние же десятилетия все большую роль в формировании социальной памяти играет телевидение. Не будет большим преувеличением сказать, что в настоящее время именно телевидение оказывает решающее влияние на социальную память миллионов людей.

Если учесть, под влиянием каких факторов формируется социальная память, то не покажется удивительным, что тот образ прошлого, который она хранит, далеко расходится с той реальностью, которую воссоздает история. Этот образ проще и беднее реальной истории, но одновременно ярче и полнокровнее. Социальная память способна придавать событиям и людям гораздо большее значение, чем они имели в реальной истории. В то же время она часто не замечает событий, существенных

с точки зрения историка. Но, пожалуй, самое главное заключается в том, что социальная память часто придает событиям и людям символическое значение: она видит в каком-то отдельном событии или в человеке воплощение духа и чаяний целой эпохи, наделяя их чертами, в той или иной степени присущими событиям и людям того времени.

Сам характер, форма существования истории в общественном сознании – как представлений, образов, мифов – является объективной предпосылкой для использования истории в целях социального проектирования (конструирования).

Через актуализацию тех или иных примеров из истории в обществе задается определенная система ценностных координат, происходит ретрансляция социальных норм, нравственных качеств, т.е., шире, – осуществляется воспроизводство культуры. Поскольку без соответствующего образа прошлого невозможно формирование клановой, национальной или общегражданской идентичности, социальное конструирование может подразумевать воздействие на процессы «сборки» и «разборки» народов, легитимации или, наоборот, – подрыва легитимности государственной власти и т.п.

В XX в. как историческая наука, так и популярная историческая литература стали испытывать все нарастающее влияние идеологии и политики. В настоящее время ни в одной стране мира политическая элита не может отказаться от воздействия на социальную память, транслируя через массовое историческое образование и другие каналы определенную систему оценок и представлений относительно исторического прошлого своей страны, тем самым оказывая влияние на ее настоящее и будущее. Поэтому «аргументы от истории» неизбежно включаются сегодня в арсенал текущей внутренней и внешней политики государств.

Для обозначения связи профессиональной историографии и коллективной памяти с политикой все чаще используются такие термины, как «политика памяти» и «историческая политика» [3]. Первый используется как правило, когда речь идет о различных общественных практиках, направленных на формирование и воспроизведение идентичностей, в первую очередь – национальных и этнических. Конкретными способами реализации «политики памяти» могут быть сооружения памятников и музеев, празднование значимых на общегосударственном или региональном уровне исторических событий, знаменательных дат, стимулирование исторических исследований по актуальным для общества вопросам, тематических публикаций исторических источников.

Под «исторической политикой», как правило, понимается сознательное использование истории как инструмента в политической борьбе (как

внутренней, так и внешней). «Историческая политика», таким образом, в первую очередь привязана к актуальному политическому моменту, более сиюминутна по сравнению с «политикой памяти».

В очерченном поле работают все акторы, конструирующие, влияющее на пространство социальной памяти в своих интересах – от политиков и журналистов до писателей и деятелей кино. Анализ создаваемых ими продуктов с точки зрения истинности (соответствия «правде истории») не имеет особого смысла, надо смотреть: зачем, почему из миллиона фактов избран именно этот? Какой смысл приписывается факту? Какова цель его актуализации?

Добросовестные историки и популяризаторы, как правило, не покушались и не покушаются на символы социальной памяти, стремясь лишь обогатить, дополнить, сделать ее точнее и полнокровнее. Социальная память русского народа опиралась на труды Карамзина и Соловьева, Ключевского и Платонова, Забелина и Устрялова, лучших советских историков. Художественная и популярная литература черпала свой материал из работ этих профессиональных ученых. В основе ответственного выбора, так или иначе, лежала парадигма сопричастности, подразумевающая нацеленность на формирование в обществе уважения к собственной стране и ее истории. Следование этой концепции исключало реконструкцию истории России как «истории болезни».

Совершенствование средств и способов воздействия на общественное сознание к настоящему времени привело, однако, к тому, что у обладателей соответствующего информационного или административного «ресурса» не мог не возникнуть соблазн воздействовать на социальную память без всякой опоры на историческую науку, игнорируя накопленный историками-профессионалами багаж знаний и представлений.

Это явление часто описывается с помощью все шире используемого термина *фальсификация истории*. «Фальсификация истории», «фальсификатор» – это не просто бранные слова, используемые в пылу полемики применительно к оппонентам. Говоря о фальсификации истории, специалисты имеют в виду сознательное и целенаправленное искажение исторической правды о прошлых событиях, совершаемое, прежде всего, в политических целях, или, шире, – как инструмент социального проектирования. Для фальсификаторов главными оказываются внеученные цели: внушение обществу каких-то идеологических или политических идей, пропаганда определенного отношения к прошлым событиям или вообще разрушение исторической памяти, а вовсе не поиск истины и объективности.

Одним из наиболее показательных примеров является борьба вокруг интерпретации одной из наиболее политизированных

и мифологизированных страниц отечественной истории, внимание к которой периодически усиливается в переломные моменты развития общества и государства, – массовым репрессиям 1930-х гг.

В псевдоисторической литературе сегодня наиболее распространены поверхностные версии и трактовки, так или иначе воспроизводящие два подхода: с одной стороны, причины репрессий связываются исключительно с «параноидальной» личностью И.В. Сталина, уничтожавшего своих преданных сторонников без всяких рациональных оснований. С другой стороны, утверждается, будто в СССР существовало вредительское подполье («пятая колонна»), целью которого было восстановление капитализма и поражение страны в войне с фашизмом. Представители и той, и другой точки зрения, в конечном счете, решают далекие от объективного изучения и реконструкции задачи: в первую очередь их интересует воздействие на общественное сознание с целью либо осуждения, либо оправдания сталинского режима и лично И.В. Сталина.

Нравственная оценка трагическим событиям этого периода нашей истории дана: преступления тех или иных представителей режима не подлежат оправданию. Однако манипуляция статистикой репрессий не должна сегодня превращаться в средство раскола российского социума. Ведущий специалист по данному вопросу В.Н. Земсков в связи с этим отмечает: «Убийство невинных людей нельзя оправдать – будь то один человек или миллионы. Но исследователь не может ограничиваться нравственной оценкой исторических событий и явлений. Его долг – воскрешение подлинного облика нашего прошлого. Тем более, когда те или иные его аспекты становятся объектом политических спекуляций» [2, с. 89].

Подлинная статистика политических репрессий в СССР до конца 1980-х гг. являлась государственной тайной. Впервые историки получили доступ к этим материалам только в 1989 г., когда Президиумом Академии наук СССР была создана специальная комиссия во главе с Ю.А. Поляковым. Результаты работы комиссии уже в начале 1990-х гг. были представлены общественности в виде ряда статей, однако приводимая учеными статистика была встречена с недоверием. В печати широко использовались другие цифры, заимствованные из эмигрантской публицистики и сочинений западных советологов периода «холодной войны». Так, например, публицисты А.В. Антонов-Овсеенко, Л. Разгон, писатель А.И. Солженицын и многие другие критики сталинского режима утверждали, что за 1921–1953 гг. было уничтожено 40, 60 или даже 110 млн человек.

Однако еще в 1954 г. в МВД СССР были обобщены статистические данные о числе осужденных за контрреволюционные преступления.

В представленных высшему руководству страны (Н.С. Хрущеву) документах говорилось, что в 1921–1953 гг. за контрреволюционные преступления (по 58-й статье) было осуждено Коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особым совещанием, Военной коллегией, судами и военными трибуналами 3 777 380 человек. Еще 282 926 человек было осуждено по приравненным к ней статьям, в первую очередь по пп. 2 и 3 ст. 59 (особо опасный бандитизм) и ст. 193–24 (военный шпионаж)¹. Введение в научный оборот в 1990-х гг. многочисленных рассекреченных документов и их тщательное исследование в целом подтвердило точность данной статистики.

За последние двадцать лет российскими историками, различными государственными и общественными организациями, средствами массовой информации сделано очень много для освещения репрессивной политики советского периода и увековечивания памяти ее жертв. К настоящему времени опубликованы десятки сборников рассекреченных архивных документов и материалов, сотни научных статей и монографий, создано немало тематических интернет-ресурсов, так или иначе посвященных изучению и презентации широкой общественности истории репрессий, системы ГУЛАГа, инакомыслия в СССР и т.д. Соответствующие материалы, в том числе статистические данные, выдержки из документов и воспоминаний, широко представлены, помимо всего прочего, и в учебной литературе, в том числе для средней школы.

Несмотря на это, тема репрессий продолжает использоваться теми политическими и общественными силами, которые выражают заинтересованность в дальнейшей «модернизации сознания» российского социума. Игнорирование ставших известными в последние годы статистических материалов ОГПУ–НКВД–МВД–МГБ, назойливое повторение заведомо преувеличенных цифр жертв репрессивной политики сталинского периода используется ими для демонизации советского режима и обоснования требований признать СССР «преступным государством», осуществлявшим геноцид собственного народа, военные преступления и преступления против человечности. (Содержание этих требований созвучно резолюции Парламентской Ассамблеи ОБСЕ 2009 г. «О воссоединении разделенной Европы», ставящей знак равенства между нацизмом и сталинизмом).

Представляется, что согласие с данной идеологической платформой хотя бы части российского общества (не говоря уже об официальном

¹ В период «архивной революции» 1990-х гг. подлинная статистика политических репрессий неоднократно приводилась в периодической печати.

признании ее со стороны властей) крайне негативно скажется не только на внешнеполитических позициях России, но и приведет к обострению противостояния разных общественных групп внутри страны. На международном уровне это будет означать согласие с концепциями «советской оккупации» и «советского геноцида», сформулированными политиками ряда восточноевропейских стран, и даст дополнительные козыри тем из них, кто делает ставку на русофобию и отторжение от России в рамках собственных проектов «нациестроительства». В итоге это выльется в очередное унижение России, глумление над памятью советских солдат, погибших за освобождение Европы от фашизма, оправдание коллаборационизма, создаст дополнительную «правовую» базу для ущемления гражданских прав русского населения в сопредельных России государствах и выдвижения материальных претензий к нашей стране.

Что касается внутривнутриполитических последствий, то признание «преступности», а значит – нелегитимности советского государства позволяет ставить вопрос о правосубъектности народа России, в силу своей культурной «неполноценности» сначала допустившего установление, а затем содействовавшего укреплению тоталитарного режима. Следующим логичным шагом явится оправдание любых антидемократических практик в отношении российского социума, в том числе, возможно, инициированных из-за рубежа. Не нужно и говорить, что такое развитие событий будет угрожать суверенитету нашей страны, поставит серьезные преграды на пути развития демократических институтов и гражданского общества.

События последних лет убеждают, что мифологизация истории остается одним из важнейших инструментов политической борьбы. При этом мифологизации может подвергаться и совсем недавнее прошлое: технологии конструирования соответствующих представлений и их внедрения в общественное сознание ничем принципиально не отличаются от тех, что используются при «обработке» более отдаленного исторического периода. В силу объективных причин рядовой гражданин России также далек от современной серьезной политико-экономической аналитики, как и от дискуссий ученых-историков. Поэтому для сил, заинтересованных в навязывании обществу той или иной тенденциозной и идеологизированной интерпретации, не имеет принципиального значения, с каким материалом «работать», – идет ли речь о событиях 1917 г., «сталинских» репрессиях или же событиях двух-, трех- или пятилетней давности. Показательным примером в данном случае может служить тема угрозы наступления диктатуры в России, постоянно обсуждаемая с момента

назначения В.В. Путина Председателем Правительства РФ в августе 1999 г. Громкие заявления ряда политиков и общественных деятелей по этому поводу тиражировались не только в российских СМИ, но и на страницах газет и журналов СНГ, Балтии, стран дальнего зарубежья.

Соответствующее истолкование новейшей истории России (1990–2010 гг.) предполагает противопоставление «эпохи Ельцина», «великого демократа и реформатора России» [1], периоду 2000-х гг., когда завоевания «демократической революции» начала 1990-х гг. якобы последовательно сворачивались и происходил возврат к авторитаризму. Внутриполитический курс президента В.В. Путина подвергался постоянной критике со стороны называющих себя либеральными деятелей культуры, бизнесменов и некоторых маргинальных политиков, призывавших к сплочению «демократических сил» с тем, чтобы «бросить вызов диктатуре Путина».

Данная точка зрения, к сожалению, проникла и на страницы учебной литературы. Наиболее политически ангажированным был учебник И. Долуцкого «История России. XX век» (М., 2002), на страницах которого учащимся предлагалось обсудить высказывания ряда «либеральных» деятелей: «В России произошел государственный переворот», следствием чего «явится режим личной власти Путина, авторитарная диктатура» (Буртин), «оформилось полицейское государство» (Явлинский). С методической точки зрения учебник был построен на манипуляции: способ «приглашения учащихся к диалогу» или высказыванию «своего» мнения служил для автора лишь прикрытием для своего вполне конкретного педагогического замысла. Учебник заканчивался пассажем о том, что страна оказалась в «тупиковой ситуации», когда власть не способна справиться с возникающими проблемами.

В основе этой, безусловно, тенденциозной интерпретации лежит ложное утверждение о демократическом характере режима Б. Ельцина, утвердившегося в России в результате распада Советского Союза. Как показали события 1991–1993 гг., наличие широкой общественной поддержки идеалов свободы и демократии совсем не означает, что реализация «демократического проекта» в России является простым и легким делом. Начатое в эти годы реформирование страны привело к созданию конституционного каркаса демократии и парламентаризма в России, однако реальное содержание политической, экономической и общественной деятельности в 1990-е гг. оказалось весьма далеко от демократических идеалов.

Характерной особенностью идеологии пришедших в обстановке кризиса институтов советского государства к власти либералов было

негативное отношение к российской государственности вообще, независимо от ее политической «окраски». Ослабление и разрушение государственных институтов воспринималось ими как важнейшая предпосылка для формирования нового общественно-экономического уклада и гарантирования невозможности реставрации в том или ином объеме социалистической системы хозяйства. Такая позиция в условиях экономического кризиса способствовала нарастанию тенденции деградации во всех сферах экономической и общественной жизни и формированию олигархического режима, который лишь по недоразумению можно было считать демократическим. Его характеризовали нелегитимный контроль частных лиц над органами государственной власти и СМИ, в первую очередь, телевидением, коррупция как принцип взаимодействий государства и бизнеса, правовой нигилизм. Слабое и недееспособное государство, «приватизированное», по сути, небольшим количеством приближенных к Президенту Ельцину лиц, оказывалось не в состоянии защитить права и свободы граждан, разрешать конфликты, обеспечивать сбор налогов и исполнение законов. Установившийся в России в 1990-х гг. режим не соответствовал ключевым характеристикам демократического правления, постоянно попирая принципы народного суверенитета, честной конкуренции, верховенства закона, а проводимая в тот период внутренняя и внешняя политика не отражала интересы основных групп и слоев общества. Те, кто и сегодня продолжает считать ельцинский режим демократическим, попросту подменяют понятия.

Очевидно, что олигархия и демократия – далеко не одно и то же. Если демократия есть «форма управления новым государством», то «без государства новая демократия невозможна» [5, с. 17]. Именно поэтому новый курс, предложенный в 2000 г. Президентом В.В. Путиным, получил поддержку граждан России, заинтересованных в наполнении созданных в начале 1990-х гг. формальных демократических институтов реальным, а не декларативным содержанием. Ключевым направлением внутренней политики стало воссоздание дееспособного российского государства как одного из условий устойчивой демократии и рыночной экономики. Проведенные в 2000-х гг. реформы отнюдь не означали отказ от сделанного в 1991 г. выбора, напротив, меры по укреплению государственной власти проводились параллельно с развитием инструментов гражданского контроля за властью. Достижение в этот период определенной степени идейной и политической консолидации российского общества стало возможным именно потому, что проводимый правительством курс был ориентирован на разделяемые большинством россиян ценности, в основе которых – сильная, единая, демократическая

Россия. Проведенные в 2000-х гг. реформы административного управления и избирательной системы, активизация борьбы с коррупцией означали национализацию государства, возвращение реальной власти легитимным государственным структурам, сформированным на основе демократических процедур.

Не менее важным является и другая задача – восстановление доверия избирателей к самой идее массового политического участия, дискредитированной в 1990-е гг. Тогда вместо системы политического представительства в стране сложилась система манипуляции голосами избирателей и результатами выборов. Переход к пропорциональной избирательной системе позволяет рассчитывать, что выборы в России постепенно будут эволюционировать от соревнования манипулятивных, по сути, избирательных технологий к борьбе идей и политических программ.

Важнейшей составляющей проводимого в 2000-х гг. внутривнутриполитического курса стали меры по реализации принципа конституционализма. Уже в самом начале своей деятельности в качестве главы государства В.В. Путин недвусмысленно обозначил осуществление «диктатуры закона» приоритетным направлением государственной политики. В рамках этой стратегии нормативная база регионов была приведена в соответствие с федеральными законами и Конституцией страны. Через введение института полномочных представителей Президента в федеральных округах и реформирование Совета Федерации удалось в значительной степени подавить растущий сепаратизм региональных элит.

Таким образом, укрепление государства в период президентства В.В. Путина означало усиление силы закона и конституционного строя, а не режима как такового. Неангажированными наблюдателями было сразу замечено: установленный Путиным порядок «не является антитезой демократии, а смысл его заключается в том, чтобы обеспечить уважение к закону и соблюдение Конституции» [4, с. 75].

Преодоление олигархического режима и развитие институтов демократии в современной России стало важным фактором экономического роста, повышения материального благосостояния и безопасности граждан России.

Между тем, конечно, было бы ошибкой идеализировать достижения Путина во главе российского государства. Достигнутая в 2000-х гг. относительная стабилизация экономической и социальной жизни вовсе не означает, что борьба за демократию в России завершена (в равной степени это относится ко многим другим странам, в том числе наиболее развитым). Следует иметь в виду, что подлинная демократия опирается на власть закона, а за соблюдением законов следит государство. Свобода

личности может быть реализована только при наличии сильного государства, охраняющего эту свободу от посягательств олигархов и коррупционеров.

Поэтому следует отличать конструктивную критику, содействующую укреплению в России демократических институтов, от тех политизированных мифов относительно путинского правления, за которыми просматривается неприятие любого стабильного общественно-политического устройства в России, любого сильного суверенного государства. Обвинения в адрес режима Путина нередко звучат из тех же уст, что и обвинения сталинского или царского авторитаризма, и подразумевают идею неполноценности российского общества, его органической неспособности к демократии и самоуправлению. Складывается впечатление, что громче всех об угрозе диктатуры в России кричат те, для кого идеальной ситуацией в стране является хаос и бессилие государственных институтов. Какое при этом в России государство – православная монархия, сталинская диктатура или «суверенная демократия» – для этих критиков имеет лишь второстепенное значение.

В заключение отметим следующее. Важнейшей предпосылкой для успешности воздействия на социальную память является дискредитация экспертного сообщества историков, якобы в принципе неспособных предложить обществу достоверную и адекватную картину прошлого, и постепенное распространение представления об истории как разновидности литературного творчества.

В высшей степени показательным, что в сочинениях «альтернативных» историков общим местом является негативное отношение к «официальной» науке, якобы препятствующей путем «догматических запретов» беспристрастному и объективному освещению прошлого. Эта идея неизменно присутствует в построениях «альтернативщиков», обещающих читателям раскрыть тайны истории, тщательно скрываемые официальной наукой, и обличающих ее мнимую неспособность предложить обществу сколько-нибудь правдивую версию национальной истории.

Претензии авторов псевдоисторических концепций к «официальной науке», поставленной якобы современным российским государством «на службу» патриотическому воспитанию, жалобы на невозможность свободного научного поиска в современных условиях являются составной частью любого такого «проекта». Логика понятна: без подрыва доверия к науке и ее представителям рассчитывать на успех внедрения в общественное сознание мифологизированных псевдонаучных представлений и навязать соответствующие идеологические предпочтения крайне трудно.

В свою очередь, отождествление истории с литературой снимает вопрос об истинности того или иного описания: каждый историк, публицист или писатель волен создавать свой образ прошлого, и нет смысла требовать от него какой-то объективности или правдивости. Однако следует осознать: принятие данной точки зрения означало бы выдачу своего рода индульгенции на постоянное переписывание истории, конструирование таких ее «прочтений», которые окажутся совершенно не связаны с исторической реальностью, а их содержание будет определяться исключительно задачами и потребностями текущего политического заказа.

Сопряжение достижений научной историографии с целями формирования общегражданской и национальной идентичности («политики памяти») не должно сегодня привести к релятивизму в отношении исторической науки. В решении этой проблемы видится важнейшая задача сообщества гуманитариев.

Библиографический список

1. Березовский Б.А. Письмо из Лондона. URL: http://www.ng.ru/politics/2001-12-04/1_mail.html (дата обращения: 3.05.2010).
2. Земсков В.Н. О масштабах политических репрессий в СССР // Мир и политика. 2009. № 6.
3. Миллер А. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3–4.
4. Саква Р. Путин: выбор России / Пер. с англ.; Вступ. ст. А. Чубарьяна. М., 2006.
5. Linz J., Stepan A. Toward Consolidated Democracies // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. April.

Х.Х. Казаков

Интеграция национально-культурных общественных объединений в региональную политическую систему (на примере Карачаево-Черкессии)

Рассматриваются социально-политические и организационные проблемы формирования национально-культурных общественных объединений и их интеграции в региональную политическую систему. На материалах Карачаево-Черкессии показываются факторы, способствующие политизации национально-культурных общественных объединений, повышению их значимости в региональном политическом процессе.

Ключевые слова: политическая система, политический процесс, национально-культурные общественные объединения, национально-культурная автономия, Карачаево-Черкессия.

Региональные политические системы в Российской Федерации отличаются большим своеобразием, которое для Северного Кавказа, например, во многом обусловлено многонациональным составом населения. Его существенные этнокультурные интересы выражают многочисленные национально-культурные общественные объединения. Они являются элементами гражданского общества и в структуре политической системы занимают место, соответствующее их общественной популярности, активности, способности адекватно выражать и эффективно защищать жизненно важные национальные интересы.

Организация, политизация и интеграция национально-культурных общественных объединений в нашей стране активно происходили с 1980-х гг. из-за того, что в то время политическое руководство оказалось беспомощным, не способным управлять страной в условиях лавинообразно нарастающего кризиса политической системы. Поэтому национальные общественные объединения, изначально провозглашавшие культурно-просветительские цели, в начале 1990-х гг. политизировались, стали активно участвовать в политике и даже занимать лидирующее положение в политической жизни регионов. На их основе в союзных республиках, например, создавались политические партии, возглавившие общественное движение за распад Советского Союза и ставшие основой политических систем государств, образовавшихся на основе бывших союзных республик СССР.

В Карачаево-Черкесской автономной области формирование и развитие национально-культурных общественных объединений обуславливалось многонациональным составом населения, в котором преобладали русские (42,4%), карачаевцы (31,2%), черкесы (9,8%), абазинцы (6,6%), ногайцы (3,1%), украинцы (1,5%), осетины (0,9%), греки (0,4%) [3]. Интересы соответствующих народов стали выражать абазинское общественное движение «Абаза», черкесское общественное движение «Адыге Хасэ», общественные организации «Конгресс карачаевского народа» и «Джамагъат», ногайское национальное движение «Бирлик», славянские общины, казачьи организации и другие. Некоторые из них вошли в соответствующие международные национальные общественные объединения: Международная Черкесская Ассоциация «Адыге Хасэ», Карачаево-Балкарское национальное общественное движение, Межрегиональная общественно-политическая организация «Алан», межрегиональная карачаевская демократическая общественная организация «Джамагъат», Межрегиональное общество ногайского народа «Бирлик» и другие.

Резонансный эффект нарастающего кризиса в конце 1980-х – начале 1990-х гг. вызвал массовый протест населения против советской политической системы, партийных и государственных органов. Национальные объединения придали стихийному протесту организованный характер борьбы за выход Карачаево-Черкесской автономной области из состава Ставропольского края и ее преобразование в республику. Для преодоления противодействия преобладающей по численности русской части населения по вопросам реорганизации Карачаево-Черкесии национальные общества временно объединились и совместными усилиями добились провозглашения в ноябре 1990 г. Карачаево-Черкесской Советской Социалистической Республики (КЧССР), ее выхода из состава Ставропольского края.

Но, как оказалось, государственно-статусные трансформации не избавили Карачаево-Черкесию от системного кризиса и борьба национальных объединений за создание самостоятельных абазинской, карачаевской, ногайской, русско-казачьей и черкесской республик продолжилась. Ее обостряло то, что ни одна нация не имеет в республике доминирующей численности, а компактные мононациональные поселения диффузно размещались в разных муниципальных образованиях. Невзирая на это, национальные общества добились провозглашения Карачаевской Республики (17 октября 1991 г.), Республики Черкесия (27 октября 1991 г.), Абазинской Республики (ноябрь 1991 г.), а также Баталпашинской Казачьей Республики и Зеленчукско-Урупской Казачьей Советской

Социалистической Республики, которые 30 ноября 1991 г. объединились в Верхне-Кубанскую Казачью Республику.

Однако самопровозглашенные республики не были признаны федеральными органами Российской Федерации, не получили соответствующего политико-правового статуса. Акции массового протеста, организованные национальными объединениями, привлекли внимание федеральных органов власти, и 5 февраля 1992 г. Президент России Б.Н. Ельцин внес в Верховный Совет РФ проект закона «О восстановлении Карачаевской автономной области и Черкесской автономной области в составе Российской Федерации», а специальная комиссия Верховного Совета РФ начала подготовку раздела Карачаево-Черкесии на Карачаевскую, Черкесскую и Баталпашинскую республики. Но 78,5% участников республиканского референдума, проведенного 28 марта 1992 г., высказалось против дробления Карачаево-Черкесии по национальному принципу, и она, сохранив целостность, с 9 декабря 1992 г. стала называться Карачаево-Черкесской Республикой (КЧР). Но и после этого идеи раздела республики поднимаются национальными общественными объединениями. Так, 11 февраля 1995 г. объединенный съезд черкесов и абазин принял решение о восстановлении Черкесской автономной области в составе Ставропольского края. На ее территории, помимо мест компактного проживания абазин и черкесов, оказывались населенные пункты с доминирующей численностью русских, ногайцев, карачаевцев и других национальностей. Поэтому федеральные органы государства признали такое решение противозаконным.

В связи с тем, что родственные народы, живущие на Северном Кавказе, разделены административными границами, но выражают желание воссоединиться, в региональных политических процессах участвуют международные и межрегиональные национальные объединения. Так, Международная Черкесская Ассоциация «Адыге Хасе» выступает за объединение родственных адыгейского, черкесского и кабардинского народов в единой Адыгейской Республике, которую предлагается создать на территории Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии; Карачаево-Балкарское национальное общественное движение призывает к воссоединению карачаевцев и балкарцев в Карачаево-Балкарской Республике на землях, выделенных из Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской республик; Межрегиональное общество ногайского народа «Бирлик», объединяющее ногайские организации Астраханской области, Дагестана, Карачаево-Черкесии, Ставропольского края и Чечни, выдвигает программы создания ногайской территориальной автономии [1]. Однако интересы представителей других народов инициаторы указанных

программ не учитывают, вследствие чего не получают поддержку государственных органов.

Факторами, также осложняющими политический процесс в Карачаево-Черкесии, стали демографические проблемы – снижение численности русского населения за счет низкой рождаемости в русскоязычных семьях и эмиграции русского населения из региона, из-за чего в структуре населения республики за последние 15 лет на 18 тыс. человек (12%) сократилось количество этнических славян (русских, украинцев, белорусов) при существенном росте численности горских народов. Это привело к уменьшению на 11,5% представительства русских в структуре населения, увеличению доли карачаевцев на 8,8%, черкесов – на 1,9%, абазин – на 0,8%, ногайцев – на 0,2% [3].

Конституция Карачаево-Черкесской Республики определила пять коренных народов в качестве «государствообразующих» субъектов – абазин, карачаевцев, ногайцев, русских, черкесов, перечислив их в алфавитном порядке. Наиболее многочисленными из них являются карачаевцы (38,5%), русские (33,6%), черкесы (11,3%), абазины (7,4%), ногайцы (3,4%), осетины (0,8%), украинцы (0,8%), греки (0,3%) [3]. Представители других наций и этносов не имеют обособленных поселений в республике.

Дополнительные политико-правовые предпосылки для проявления активности национальных общественных объединений создавались Концепцией государственной национальной политики, утвержденной Указом Президента России от 15 июня 1996 г. № 909 [2], и Федеральным законом от 22 июня 1996 г. «О национально-культурной автономии» [4]. Они предоставили возможности для трансформации национальных общественных объединений в национальные муниципальные образования – районы и поселения. В 2005–2006 гг. в Карачаево-Черкесии по инициативе национальных общественных объединений абазин и ногайцев проводились местные референдумы, на которых жители 5 населенных пунктов Прикубанского, Усть-Джегутинского и Хабезского районов приняли решение об образовании Абазинского района, а жители 5 сельских поселений Адыге-Хабльского района решили организовать Ногайский район. Таким образом, в структуре КЧР появились абазинский и ногайский муниципальные районы.

Вместе с тем, в составе населения г. Карачаевска, Карачаевского и Малокарачаевского районов доминируют карачаевцы, а в Адыге-Хабльском и Хабезском районах преобладают черкесы, вследствие чего указанные муниципальные образования могут также относиться к числу национальных.

При отсутствии необходимых условий для создания мононациональных муниципальных образований жители населенных пунктов с компактным проживанием представителей некоторых нетитульных наций образовали региональные и местные национально-культурные автономии адыгов, осетин и других наций и этносов. Такие автономии ведут культурно-просветительную работу, но практически не участвуют в политике.

Таким образом, национально-культурные объединения Карачаево-Черкесии заняли значительное место в региональной политической системе, стали активными акторами гражданского общества в условиях кризиса. По мере нарастания активности и общественной значимости политической деятельности национально-культурные общественные объединения трансформировались в национальные муниципальные образования и национально-культурные автономии, степень политической институционализации которых во многом определяется их реальными возможностями и способностями артикулировать, агрегировать и реализовывать реальные национальные интересы.

Для рационального использования созидательного потенциала национально-культурных общественных объединений представляется необходимым организовать постоянный мониторинг их общественно-политической деятельности, участия в местных, региональных, общероссийских и глобальных политических процессах. Такой мониторинг должен осуществляться на всех уровнях политической системы государственными органами и научными организациями, а его результаты могут использоваться при разработке и реализации национальной политики Российской Федерации, что значительно повышает политико-прикладную значимость политологических исследований деятельности национально-культурных общественных объединений в политической системе России.

Библиографический список

1. Виноградов В.Б. Средняя Кубань. Земляки и соседи. Ногайцы. URL: http://budetinteresno.info/kraeved/narod_vin_nogay.htm (дата обращения: 10.10.2010).
2. Концепция государственной национальной политики: Указ Президента Российской Федерации от 15 июня 1996 г. № 909. URL: <http://oficery.ru/eto-interesno/158-eto-interesno> (дата обращения: 10.04.2011).
3. Население Карачаево-Черкесии. URL: <http://www/etno-kavkaz.narod.ru/rnkchr.html> (дата обращения 5.05.2011).
4. Федеральный закон от 22 июня 1996 г. «О национально-культурной автономии» // Российская газета. 1996. 24 июня.

А.Г. Масалов

Правовые и социально-политические аспекты противодействия деятельности экстремистских организаций на Северном Кавказе

На материалах Северного Кавказа рассматриваются правовые и социально-политические аспекты противодействия российского государства и общества деятельности экстремистских организаций среди молодежи. Анализируются особенности молодежной социальной группы, экономические и социально-политические условия, используемые экстремистами для вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность. Предлагаются конкретные меры для более активного противодействия российского государства и общества экстремизму.

Ключевые слова: молодежь, экстремизм, терроризм, экстремистские организации, противодействие экстремизму.

Современные транзитивные процессы демократизации политической системы России и укрепления гражданского общества сопровождаются развитием общественных объединений, выражающих разнообразные интересы граждан. При этом конструктивно действующие общественные объединения получают всемерную поддержку государства, гарантированную ст. 30 Конституции РФ, а организации, осуществляющие деструктивную деятельность с использованием незаконных методов, встречают противодействие государственных органов и солидарных с ними общественных объединений. Такие общественные объединения получили наименование «экстремистских» (от лат. *extremus* – крайний). Но, несмотря на большое негативное влияние на общество деятельности экстремистских организаций, экстремизм не имел четкого законодательного определения в российском законодательстве до 2002 г., вследствие чего при проверке правомочности Указа Президента РФ от 28 октября 1992 г. «О мерах по защите конституционного строя Российской Федерации», Конституционный суд РФ постановил: «Признать не имеющим юридического значения содержащееся в данном пункте Указа понятие “экстремистские элементы”, поскольку оно не имеет определенного юридического содержания, что может при применении Указа привести к нарушению конституционных прав граждан» [2]. Таким постановлением Конституционный суд РФ пресек попытку политиков произвольно

трактовать термин «экстремизм». Это обстоятельство заставило российских законодателей активизировать разработку законопроекта об экстремизме. Но только в связи с подписанием и ратификацией 15 июня 2001 г. Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом в российском законодательстве понятие «экстремизм» получило статус юридического термина и стало правомерно использоваться в уголовно-правовой практике. Согласно Шанхайской конвенции, экстремизм определяется как «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них» [5].

Дальнейший шаг в развитии антиэкстремистского законодательства связан с принятием Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». В ст. 1 этого закона дано правовое определение «экстремистской организации», «экстремистской деятельности» и «экстремистских материалов». Так, термином «*экстремистская деятельность*» в законе обозначается:

1) деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; подрыв безопасности Российской Федерации; захват или присвоение властных полномочий; создание незаконных вооруженных формирований; осуществление террористической деятельности; возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию; унижение национального достоинства; осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы; пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;

2) пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

3) публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или совершению указанных действий;

4) финансирование указанной деятельности либо иное содействие ее осуществлению или совершению указанных действий, в том числе путем предоставления для осуществления указанной деятельности финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств.

Согласно закону, *экстремистской организацией* признается общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, а *экстремистскими материалами* – предназначенные для обнаружения документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей Национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы [4].

Приведенные в указанном Федеральном законе определения основных понятий, по мнению многих ученых – правоведов и практиков, являются низковалидными, дискуссионными [1]. Очевидно, до уточнения понятийного аппарата антиэкстремистского законодательства политико-правовое определение понятия «экстремизм» должно базироваться на исходном значении слова «экстремизм» и обозначать приверженность какого-то человека или социальной группы к взглядам и действиям, выходящим за пределы общепринятых и осуществляемым с использованием методов, непредусмотренных действующим законодательством.

Типология экстремистских организаций может строиться на основании различных признаков. Так, в связи с тем, что общественные объединения могут иметь организационно-правовые формы, соответствующие законодательным требованиям, но действовать незаконными методами, или иметь неразрешенные законодательством формы и методы деятельности, среди экстремистских организаций выделяются легальные

и нелегальные организации. Целевые идеологические установки программ экстремистских организаций позволяют выделять среди них националистические, конфессиональные и другие организации, отличающиеся идеологическими ориентациями. По методам реализации целей отличаются революционные и радикально-реформистские объединения. По масштабам (количеству участников) экстремистские организации разделяются на массовые и малочисленные. Преобладание молодежи среди участников организаций позволяет выделять тип молодежных объединений.

Особенности молодежных объединений обусловлены социально значимыми качествами молодежи, которая выделяется в обществе по различным критериям, с использованием разных методологических подходов.

Так, субкультурный подход позволяет определять молодежь как социокультурную группу со специфическим образом жизни, стилем поведения, доминирующими культурными ценностями. При этом к молодежи относятся люди, которые активно проходят социализацию, усваивают образовательные, профессиональные, правовые, политические, культурные и другие социальные ценности и функции. В зависимости от конкретных исторических условий, создания в обществе более или менее благоприятных условий социализации молодого поколения критерии молодежи определяются в широком возрастном диапазоне, как правило, от 14 до 30 лет.

В свою очередь, стратификационный подход, основанный на выделении в структуре общества страт (слоев) по социальному положению и выполняемым функциям, представляет молодежь демографической группой, переживающей период становления общественной и психофизиологической зрелости, адаптации к самостоятельному исполнению социальных ролей полноправных членов общества. В таком случае молодежь признается демографическая группа, имеющая возраст 21–30 лет, специфичные социальные позиции, статус и роли, являющаяся объектом и субъектом процесса смены поколений¹.

Российская статистика использовала семилетнюю периодизацию начальных этапов жизни человека, выделив детство (до 7 лет), отрочество (с 7 до 14 лет), юность (с 14 лет до 21 года), молодость (с 21 года до 28 лет). Последующий период – взрослость – начинался с 28 лет.

¹ Принятая в социологии усредненная периодизация поколений (25 лет) – средний возраст выполнения репродуктивных функций – рождения детей (нового поколения).

В 1960-х гг. ООН определила границы молодежного возраста в интервале 15–24 года. В этом возрастном периоде у большинства людей появляются необходимые *антропогенные* (завершение формирования скелета и органов, способность выполнять репродуктивную функцию), *экономические* (способность к самостоятельному обеспечению питанием, одеждой, жилищем), *социальные* (определяется место в структуре общества и социальные функции), *правовые* (наступает полная юридическая ответственность за личное поведение), *политические* (осваиваются гражданские функции) и другие признаки «взрослости».

При этом у молодежи проявляются качества, существенно отличающие ее от других возрастных групп населения. К таким качествам относятся высокая социальная мобильность, коммуникабельность и инновационность, которые приводят к выработке особой молодежной субкультуры, которая может успешно сочетаться с традиционной культурой общества, носителями и хранителями которой являются старшие поколения. При неблагоприятном развитии отношений между поколениями возникает конфликт молодежной и общей культур, вследствие чего молодежная субкультура принимает контркультурный характер. В таком случае проявляются и другие качественные признаки молодежи: протестность, нигилизм, радикализм, конфликтность. Возможные последствия конфликта культур поколений – перерождение субкультуры в контркультуру, провоцирующую «молодежные бунты»: хиппи, панки или другие протестные молодежные движения, которые неоднократно вызвали обеспокоенность всего общества.

С учетом особенностей Российской Федерации в Стратегии государственной молодежной политики в РФ выделены следующие возрастные группы: молодежь (14–25 лет) и молодые взрослые (25–30 лет), вследствие чего к молодежи относятся люди в возрасте от 14 до 30 лет. В 2006 г. в России к молодежи причислялось 39,4 млн человек (27% от общей численности населения). При сохранении демографических тенденций до 2015 г. в России прогнозировалось сокращение численности молодых людей в возрасте 15–25 лет с 29 до 18 млн человек [3].

Показатели доли молодежи среди всего населения существенно отличаются в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО) (табл. 1), на территории которого, занимающей 1,2 % территории РФ, проживает 6,1% населения РФ, вследствие чего средняя плотность населения в СКФО в 5 раз больше, чем в среднем по России.

Очевидно, наивысшие в СКФО показатели доли молодежи в структуре населения республик Ингушетия, Дагестан и Чечня в сочетании с наивысшими показателями безработицы в соответствующих республиках

касаются, прежде всего, молодежи, которая не имеет постоянных мест работы или учебы. Неопределившиеся в социальной структуре общества молодые люди – маргиналы представляют значительную базу для пополнения экстремистских организаций, которые используют методы агитации и пропаганды для усиления негативных настроений у молодых людей, пытаются направлять их высокий социальный потенциал на экстремистские действия.

Таблица 1

**Показатели представительства молодежи
в структуре населения субъектов Российской Федерации
Северо-Кавказского федерального округа (2008 г.)**

	Кабардино-Балкарская республика	Карачаево-Черкесская республика	Республика Ингушетия	Республика Дагестан	Республика Северная Осетия – Алания	Чеченская республика	Ставропольский край	По СКФО, всего
Площадь, тыс. кв. км	12,5	14,3	3,6	50,3	8	15,6	66,2	170,5
Население, тыс. чел.	891	429	493	2659	701	1183,7	2701	9057,7
Плотность населения, чел. на кв. км	71,5	30	136,8	52,9	87,8	75,9	40,8	56
Бюджет, млрд руб.	13,7	7,8	8,4	36	12,3	35,7	43,2	Консолидированный 272 млрд руб.
Дотации, %	67,4	67,2	89,2	78,8	60,2	84,2	31	
Безработица, %	12,4	13,2	45	18,7	11,2	36,8	11	
Количество молодежи, тыс. чел.	262,5	123,1	164,5	881,3	203,9	405,2	718,6	2758,9
Доля молодежи, %	27,1	28,5	31,8	32,2	29,1	32,7	26,5	30,3

Однако если ранее основные причины участия молодежи в деятельности экстремистских организаций связывались с социально-экономическими проблемами молодых людей, то в последние годы среди членов экстремистских организаций, участвующих в незаконных вооруженных формированиях, террористических группах, заметно выросла доля

выходцев из семей, имеющих высокий уровень доходов. Эта тенденция связывается с использованием новых коммуникативных технологий вербовщиками экстремистских организаций. В частности, в социальных интернет-сетях обнаружено применение аудиовизуальных технологий управления поведением людей, ориентированных на «благополучную» молодежь, участие которой в деятельности экстремистских организаций имеет большой общественный резонанс, необходимый экстремистам для повышения их социально-политической значимости.

Объектами особого внимания экстремистских организаций остаются молодые женщины-вдовы, оказавшиеся в трудных жизненных обстоятельствах. Технологии их рекрутирования используют богатый арсенал методов от заботливого покровительства новых мужей, как правило, являющихся активистами экстремистских группировок, до грубого психологического и физического насилия.

В технологиях работы с молодежью активно используется и «религиозный» фактор, учитывающий слабое знание молодыми людьми основ религии для внедрения в сознание молодежи псевдорелигиозных идеологических установок, построенных на использование религиозной терминологии, но далеких от истинных канонов веры.

Некоторый положительный опыт противодействия экстремистским организациям накоплен в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа. В Чеченской Республике, например, активно работает с молодежью Комитет Правительства ЧР по делам молодежи. В комитете 120 специалистов, осуществляющих молодежные программы в разных отраслях экономики и социальной сферы. При комитете действует молодежная телерадиокомпания, которая обеспечивает регулярные выпуски программ для молодежи. В работе с молодежью участвуют и традиционные институты гражданского общества – старейшины, главы тейпов. Совместными усилиями органов государственной власти и местного самоуправления, общественности за последние годы в Чечне удалось сократить число преступлений, квалифицируемых как экстремистские, совершаемых с участием молодежи.

Однако на территориях других республик Северного Кавказа количество преступлений экстремистской, террористической направленности сохраняется на высоком уровне. По оценкам председателя президиума Южного научного центра РАН академика РАН Г.Г. Матишова, за 2010 г. на территориях Северо-Кавказского и Южного федеральных округов совершено 974 террористических акта, что ниже уровня 2009 г. (1009 терактов), но выше уровня 2008 г. (898 терактов). По подсчетам экспертов ЮНЦ РАН, в 2010 г. на юге России ежедневно совершалось

в среднем 3 террористических акта. Проявляются тенденции перенесения террористической активности из Чечни и Ингушетии в Дагестан и Кабардино-Балкарию. Но, очевидно, постоянные террористические угрозы вызывают ответную активную реакцию общества по противодействию им. Это вселяет надежду на то, что в этих регионах произойдет снижение террористической активности.

Современный экстремизм и его радикальное направление – терроризм – стали для их организаторов высокодоходным бизнесом. Произошла своеобразная коммерциализация этих видов преступной деятельности. Поэтому общий уровень экстремизма и терроризма в регионе остается высоким. В этой связи прогнозируется перемещение центров экстремистской и террористической активности, изгоняемых из республик, где им научились эффективно противодействовать, в другие регионы, где угрозы экстремизма и терроризма проявляются в меньшей степени, а, следовательно, к противодействию им менее подготовлены правоохранительные и иные государственные органы, общественность. Такие прогнозы обязывают органы государственной власти и местного самоуправления, общественные объединения повсеместно принимать превентивные меры по противодействию экстремизму и терроризму.

Среди исполнителей террористических актов преобладают молодые люди. Это указывает на то, что в работе с молодежью официальные государственные структуры проигрывают экстремистским организациям. Очевидно, сложившаяся практика борьбы с экстремизмом ставит государственные органы в позицию «догоняющих», а экстремистов – в позицию «убегающих», которые вынуждены действовать изобретательнее, активнее и эффективнее, использовать недостатки государственной молодежной политики. Поэтому в обществе следует утверждать понимание того, что без поддержки широкой общественности правоохранительные органы не способны победить экстремизм, снизить его негативное влияние на общество.

В противодействии экстремизму значительная роль принадлежит научному сообществу, призванному не только адекватно осознавать и адекватно оценивать угрозы экстремизма для общества, но и формировать в общественном сознании жизненную позицию, направленную на активное противодействие экстремистским идеологиям и деятельности экстремистских организаций. Для этого предстоит продолжить работу по изучению феномена экстремизма и обсуждению актуальных проблем противодействия экстремизму на научных конференциях, организовать публикацию массовыми тиражами материалов научных исследований по антиэкстремистской тематике, разработать и ввести в образовательных

учреждениях курсы, разъясняющие молодежи характер экстремистских угроз и формирующие навыки противодействия им.

Представляется необходимым значительно усилить численно и качественно органы государственной власти и местного самоуправления, участвующие в разработке и реализации государственной молодежной политики, которая должна учитывать потребности общества в активном противодействии деятельности экстремистских организаций среди молодежи.

Борьба с экстремистами за молодежь должна включать политические, организационные, социокультурные, социально-экономические и информационные технологии, в разработке и реализации которых предстоит активно участвовать всему обществу.

Библиографический список

1. Верховский А. Неправомерное применение антиэкстремистского законодательства в России в 2009 году. URL: <http://xeno.sova-center.ru/29481C8/E8EC6EA> (дата обращения: 10.05.2011).
2. Постановление Конституционного суда РФ от 12 февраля 1993 г. № 3-П.
3. Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 18 декабря 2006 г. № 1760-р. URL: <http://youth.minstm/gov.ru/32/816.shtml> (дата обращения: 11.04.2011).
4. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. 2002. 30 июля. № 138–139.
5. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Бюллетень международных договоров. 2004. № 1. С. 29–36.

А.М. Сайдарханов

Участие местных сообществ в развитии межкультурных коммуникаций

В статье рассматриваются сущность местных сообществ, условия их формирования и функционирования в современных условиях.

Ключевые слова: местное сообщество, межкультурные коммуникации, органы местного самоуправления.

Необходимым условием демократических преобразований является развитие гражданского общества. Для этого в современной России принимаются меры для укрепления социально-политических институтов, способных максимально полно и точно артикулировать и реализовывать интересы различных социальных групп населения, а также для формирования системы активных и эффективных коммуникаций между ними. К социально-значимым институтам гражданского общества относятся местные сообщества. Они являются продуктом естественного развития человеческого общества, формой реализации социальной сущности человека.

Местные сообщества упорядочивают отношения людей, совместно проживающих в территориально ограниченной природной и социальной среде. Однако в политико-правовой литературе обнаруживается отсутствие единообразных определений сущности местных сообществ. Среди причин гносеологических затруднений выделяются естественные различия природно-климатических, социально-поселенческих, экономических, духовных и иных условий, вследствие которых все местные сообщества уникальны по структуре и методам деятельности. Поэтому некоторые авторы определяют «местное сообщество» как любое множество социальных отношений, осуществляемых людьми внутри некоторых границ поселений, или социальную сеть взаимодействующих индивидов, обычно концентрированных в рамках определенной территории, или наименьшую территориальную группу, которая может охватить все аспекты человеческой жизни [1; 4; 5]. Другие авторы предлагают термином «местное сообщество» обозначать устойчивую по составу социально-поселенческую группу людей, проживающих на определенной территории и объединенных общими интересами в решении вопросов использования ресурсов территории для обеспечения их жизнедеятельности, сформировавших публичные органы власти и управления [2; 6; 8].

В законодательстве РФ термин «местное сообщество» не упоминается, хотя п. 1 ст. 131 Конституции РФ предоставляет гражданам свободу выбора форм органов местного самоуправления [3], а в ст. 12 Федерального закона от 19.05.1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» дано определение органа общественной самодеятельности, которое соответствует реальным признакам местного сообщества: «Органом общественной самодеятельности является не имеющее членства общественное объединение, целью которого является совместное решение различных социальных проблем, возникающих у граждан по месту жительства, работы или учебы, направленных на удовлетворение потребностей неограниченного круга лиц, чьи интересы связаны с достижением уставных целей

и реализацией программ органа общественной самодеятельности. Органы общественной самодеятельности не имеют над собой вышестоящих органов или организаций...» [7]. В указанных правовых актах даны определения двойственного характера местных сообществ и как формы местного самоуправления, и как формы общественного объединения, что недопустимо для одного феномена и указывает на необходимость уточнения.

Для определения сущности местных сообществ, их места и роли в современном гражданском обществе России обратимся к их структурно-функциональному анализу, который обнаруживает у местных сообществ сходные по форме и функциям структурные элементы, однотипные связи-отношения между ними, а, следовательно, позволяет систематизировать их и определить закономерности их формирования и развития.

Так как основная часть жизни большинства граждан России проходит оседло в конкретных социально-поселенческих группах, в которых люди реализуют свои биогенные, социогенные и духовные потребности, то структура местных сообществ, характер отношений между его членами, взаимодействие с другими местными сообществами, иными формами общественных объединений и органами государственной власти имеют большое значение для людей. Каждое местное сообщество самостоятельно адаптирует, приспособливает для себя формы организации и методы деятельности, что превращает их в универсальный механизм выявления и реализации актуальных проблем населения.

В устойчивых социально-поселенческих группах неизбежно происходит артикуляция и агрегация, наложение, пересечение индивидуальных и групповых интересов, при анализе которых обнаруживаются различия профессиональных, этнических, гендерных, конфессиональных, образовательных, досуговых и иных интересов, ценностей. Благодаря их неповторимому сочетанию в местных сообществах выделяются разные императивы и соответствующие им механизмы реализации интересов. Односельчане вынуждены взаимодействовать, создавать и развивать межличностные, личностно-групповые, межгрупповые и иные связи-отношения, которые могут иметь разную социальную ориентацию и интенсивность. В зависимости от доминирующей политико-правовой культуры в местном сообществе формируются условия реализации прав и свобод граждан, из-за чего отношения членов сообщества варьируют в широком диапазоне от добрососедского взаимовыгодного сотрудничества до порабощения. Местные сообщества, заинтересованные в бесконфликтном развитии, формируют и поддерживают обстановку взаимопонимания различий, взаимного уважения и терпимого отношения друг к другу.

В структуре местных сообществ выделяются три вида (типа) компонентов: территориальные, социологические, культурные [9], имеющие территориальные, социальные, культурные, психологические и иные открытые и латентные внутригрупповые, лично-групповые связи-отношения, интенсивность и эффективность которых во многом зависит от степени общности интересов совместно проживающих граждан (сограждан).

Структурные элементы местных сообществ различаются по месту и роли в общественной жизни. Совокупности таких элементов в современных условиях редко бывают статичными, а тенденции их динамичных изменений обуславливаются доминантами, возникающими в зависимости от конкретных исторических условий, направлений планомерного организованного или спонтанного развития сообществ, природно-климатических и иных факторов.

Так, миграционные процессы, активизировавшиеся в России с 1990-х гг. (их природа, предпосылки и факторы заслуживают специального обсуждения), приводят к тому, что в некоторых поселениях наряду с коренным («старожилым») населением поселяются переселенцы («новопоселенцы»), имеющие этнические, экономические, культурные, конфессиональные и иные отличия. Замечено, что при небольшой численности и разобщенности «новопоселенцы» стремятся быстрее войти в местное сообщество, занять в нем равноправное положение с другими согражданами. При этом мигранты готовы проявлять высокий уровень толерантности, воспринимать культуру и социальные нормы местного сообщества, «нивелироваться» в нем.

В противных случаях, когда мигранты проявляют завышенные претензии на места и роли в местном сообществе, возникают конфликтные ситуации и «старожилое» население противодействует включению «новопоселенцев» в местное сообщество, мигранты «капсулируются», формируют свои закрытые сообщества, не развивают межкультурные коммуникации, а иногда проявляют агрессию для получения собственного высокого социального статуса в местном сообществе. Нарушаемое в таких случаях единство местного сообщества и возникающее конкурентное взаимодействие сограждан трансформируется в конфликты между «старожилами» и «новопоселенцами». Социальная опасность таких конфликтов неоднократно проявлялась в разных регионах России и зарубежных странах кровопролитными столкновениями.

Опыт показывает бесперспективность разрешения аналогичных конфликтов силовыми методами. Конфликтующие стороны неизбежно вступают в переговоры. Допускаемые при этом под предлогами проявления

толерантности уступки «новопоселенцам», сохраняющим существенные инокультурные отличия и не желающим воспринимать культуру коренного населения, приводят к радикальному изменению социокультурной среды в стране, вызывают у коренного населения дискомфорт и желание защитить свои исконные интересы. Поэтому члены местных сообществ, заботящиеся о формировании комфортной среды обитания, осознанно или интуитивно стремятся налаживать, укреплять и развивать межкультурные коммуникации между всеми жителями поселений. Такие межкультурные коммуникации способствуют формированию обстановки взаимного доверия и конструктивного сотрудничества сограждан, создают предпосылки для взаимопонимания, укрепления гражданского мира и общественного порядка.

Для полиэтничных и поликонфессиональных регионов, подобных Северному Кавказу, большое значение имеют вертикальные и горизонтальные коммуникации представителей разных этно-конфессиональных социальных групп, компактно проживающих на относительно небольшой территории региона с плотностью населения, в 5–6 раз превышающей среднестатистические показатели для европейской части России. Развитие межэтнического согласия и межконфессионального диалога обеспечивают межкультурные коммуникации, которые имеют разные направления, степени активности и интенсивности, характер. Межкультурные связи-отношения формируются на федеральном, региональном и местном уровнях, оказывают императивное влияние на все сферы общественной жизни.

Внимания заслуживает опыт решения местных проблем горскими народами Северного Кавказа. Он обусловлен особым типом горских поселений, жители которых имеют, как правило, устойчивые кровнородственные и дружеские связи. В отдаленных труднодоступных поселениях взаимопомощь родственников и соседей жизненно необходима. Поэтому у горцев гостеприимство, взаимопомощь считаются проявлением лучших человеческих качеств, благодатью и достоинством.

В местных сообществах северокавказского региона сохраняется высокий престиж старейшин и духовенства, мнение которых учитывается населением в жизненно важных ситуациях.

Важной функцией местных сообществ является экономическая и социальная поддержка земляков. Она проявляется в коллективном строительстве жилья для многодетных и молодых семей, их обустройстве, в помощи талантливым молодым людям, поддержке земляков в трудных жизненных обстоятельствах, одиноких стариков, вдов, детей-сирот и инвалидов. В Чеченской Республике, например, нет приютов

для стариков и сирот, т.к. все они находятся на попечении родственников и земляков.

Высокий социальный статус местных сообществ в общественной жизни народов Северного Кавказа подтверждается практикой обращения руководителей органов государственной власти и местного самоуправления, правоохранительных служб к лидерам местных сообществ для решения актуальных проблем и разрешения конфликтов. Во взаимодействии с местными сообществами государственными органам удалось добиться в Чеченской Республике значительного сокращения количества участников незаконных вооруженных формирований.

Таким образом, местные сообщества являются формой самоорганизации граждан, рационально созданной для реализации актуальных проблем населения. В местных сообществах реализуется витальная социальная потребность людей в упорядоченных отношениях. Эта потребность может реализовываться в местных сообществах при наличии необходимых экономических, правовых, организационно-политических условий, которые успешно создаются и реализуются правовым государством в условиях демократии при поддержке граждан, воспринимающих местные сообщества как естественную социальную среду совместного биосоциодуховного существования. Общественные потребности в активизации деятельности местных сообществ возрастают по мере транзитивных трансформаций государства и укрепления институтов гражданского общества.

При этом проявляется следующая закономерность: по мере объединения усилий для реализации общих интересов стремление членов местного сообщества к взаимовыгодному сотрудничеству возрастает, вследствие чего одновременно развиваются местные сообщества и индивиды, объединившиеся в них.

Организация устойчивых коммуникаций членов местных сообществ способствует формированию солидарности, взаимного доверия и конструктивного сотрудничества граждан России.

Жители поселений, проявляющие заботу о формировании комфортной среды своего обитания, осознанно или интуитивно стремятся укреплять и развивать местное сообщество посредством расширения социальных коммуникаций.

Местные сообщества поселений Северного Кавказа, как правило, имеющие многонациональный полиэтничный состав, накопили значительный опыт ведения межкультурных диалогов в разных исторических условиях. Изучение этого опыта и широкое распространение успешных методов межкультурных коммуникаций имеет большое значение

для повышения роли местных сообществ в решении актуальных проблем населения, обеспечения межэтнического согласия и межконфессионального диалога в северокавказском регионе и Российской Федерации в целом.

Библиографический список

1. Горяченко Е.Е. Территориальная общность в изменяющихся условиях // Социологические аспекты перехода к рыночной экономике: Материалы к XIII социологическому конгрессу. Ч. 1. Новосибирск, 1994.
2. Киселев К. Структурирование местных сообществ и группы интересов. URL: http://community.livejournal.com/ru_politics/33719599.html (дата обращения: 14.04.2011).
3. Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru> (дата обращения: 14.04.2011).
4. Лапин В. Местное сообщество и государство: состояние–98 и цели–99 // Наш современник. 1998. № 7. С. 199–211.
5. Пылин В.В. Местные сообщества как основа гражданского общества. URL: <http://politjournal.spb.ru/120115.html> (дата обращения: 14.04.2011).
6. Сивограков О.В. Институциональные основы устойчивого развития местных сообществ // Экологическая антропология: Ежегодник. Минск, 2007.
7. Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 82-ФЗ Об общественных объединениях. URL: www.constitution.ru (дата обращения: 24.04.2011).
8. Филиппов Ю., Гассий В. Развитие местных сообществ // Муниципальная власть. 2004. № 11–12. С. 64–72.
9. Чихладзе Л.Т. Историко-теоретические аспекты развития местного самоуправления и местного управления в государствах Европы // Политика и право. 2005. № 9. С. 24.

Л.В. Тарасов

События культурной революции 1968 г. во Франции как модель анимационного преобразования общества

В статье рассматриваются события культурной революции 1968 г. во Франции в культурно-историческом и философском аспектах. Восстановлена хронология событий, раскрывающая политическую направленность, выявлены философские течения, определившие культурную составляющую революции, проанализированы идеологемы, получившие отражение в многочисленных лозунгах во время этих событий. На основе проведенного анализа сформирована модель анимационного преобразования общества, которая отражает фазы изменения культурно-философского сознания общества.

Ключевые слова: анимация, социокультурная анимация, идеологема, культурная революция, модель анимационного преобразования общества.

Так называемая «культурная революция» во Франции 1968 г. стала одним из тех событий, которые помогают раскрыть суть социокультурной анимации, показать ее социальные и идеологические корни. Данное явление вызывает особый интерес, т.к. представляет собой концентрированный и очень яркий факт духовно-социальной активности целой нации. Следует сказать, что культурная революция 1968 г. получает самое разное толкование: можно отметить столкновение «политической» и «культурно-философской» позиций в трактовке событий.

Ряд современных публикаций говорит о леворадикальной направленности «Красного мая» 1968 г. [3]. Действительно, роль молодежных леворадикальных групп была очень велика, но полноценную поддержку от коммунистической партии Франции они так и не получили. Другие публикации говорят о заказном характере этих событий как предвестников современных «оранжевых» революций [4]. Третьи отмечают культурную составляющую – влияние современных философских течений на умы интеллигенции французского общества 1960-х гг., которые и послужили главной причиной рассматриваемых событий. Ведь именно в среде интеллигенции (особенно студенчества) начались возмущения, к которым потом присоединились все остальные слои населения. Так, Б.Ю. Кагарлицкий отмечает влияние Г. Маркузе на умы

западноевропейской молодежи 1960-х [4], И.С. Вдовина пишет о влиянии идей лидера персоналистов Э. Мунье [1], А.Н. Тарасов – о роли философии экзистенциализма Ж.П. Сартра [12].

Культурная революция готовилась долго: накапливалась неудовлетворенность повседневной жизнью, рождались новые философские позиции. Обострение произошло в форме политической активности, после чего общество перешло на новый качественный уровень, изменилось его сознание. Без сомнения, культурная составляющая этих событий имеет корни в ряде философских течений того времени, повлиявших на общественное сознание.

Спусковым механизмом революции во Франции 1968 г. стали «новые левые». Именно они организовывали наиболее яркие внешние события – манифестации, бои на баррикадах, столкновения с полицией. Движение «новых левых» представляло собой леволиберальное политическое течение с элементами энвайронментализма (защиты окружающей среды), противопоставлявшее себя традиционным компартиям и анархистам. Оно выражало протест против «общества бездуховности», обезличенности массовой культуры, унификации человеческой личности. В дальнейшем оно повлияло на возникновение «зеленых» партий и леворадикального терроризма в Европе, движений хиппи, феминизма, движений нетрадиционных сексуальных меньшинств.

В основе идеологии «новых левых» лежали идеологии марксизма, особенно та ее часть, которая критикует устройство капиталистического общества, троцкизма, утверждающего необходимость и обязательность революции во всем мире, маоизма, допускающего чистку государственного аппарата самими народными массами, сталинизма, допускавшего жесткое командно-административное управление страной и репрессии, анархизма, выступающего за разрушение государственной власти. Участники этих движений вдохновлялись в том числе русской революцией и трудами ее идеологов – П. Кропоткина, В. Ленина, Л. Троцкого. Отсюда и вытекает бурная политическая составляющая событий, острота и бескомпромиссность борьбы с правительством и полицией. Но определять события 1968 г. только с этой позиции было бы неправильно, тем более что большая часть граждан Франции относилась к леворадикальным молодежным группировкам с иронией.

Особое место среди леворадикальных группировок занимало движение «ситуационистов». Оно зародилось на стыке небольших художественно-политических течений – таких, как «Леттристский интернационал», «Международное движение за имажинистский Баухаус», «Лондонская психогеографическая ассоциация» – с элементами дадаизма, сюрреализма,

антигосударственного марксизма и флюксуса¹. Большое влияние на идеологию группы оказало восстание 1957 г. в Венгрии.

Ситуационизм как философское течение провоцирует возникновение определенных событий, которые направлены на преодоление порабощенности человека социокультурными эззацами. Причину этого его сторонники видят в особенностях капиталистического строя, который аккумулирует не только материальные ценности, но также культурные (образы, информацию) и делает их товаром. Данное явление не только оказывает влияние на предпочтение в выборе товаров, но фактически «заставляет» человека тратить свой досуг на дополнительное потребление. Капиталисты искусно манипулируют образами культуры для извлечения дополнительной прибыли, и это касается практически всех ее явлений (даже лозунги самого ситуационизма позднее были использованы в коммерческих целях). Именно это явление Ги Дебор назвал «спектаклем» [2].

Поглощение обществом потребления живого духовно-творческого производства человека ситуационисты назвали «рекуперацией» – усвоением, «перевариванием» революционных, анти-отчужденческих явлений ради извлечения прибыли. Однако им удалось придумать контрмеры: они брали различные бренды и путем многократного их повторения или искажения доводили до абсурда, тем самым разрушая создаваемый коммерческий ореол. Этот метод был назван ими «высвобождением» или анти-рекуперацией.

В идеологии ситуационизма, помимо революционного духа, присутствует стремление к чистоте и подлинности бытия, что отразилось в его лозунгах. «Запрещается запрещать!» – о свободе человека в современном обществе, где государство применяет массу манипулятивных механизмов для запрета подлинных свобод человека. «Будь реалистом – требуй невозможного!» (Че Гевара), «Под асфальтом – пляж!» – отражают стремление выйти за пределы существующих стереотипов, прорваться к подлинной, наполненной чувствами жизни. «Никогда не работай!» – презрение к существующей системе эксплуататорского труда, выжимающего из трудящегося все жизненные силы.

Огромное влияние на события культурной революции 1968 г. оказал экзистенциализм Ж.-П. Сартра. Размышления философа об отсутствии смысла жизни, божественного провидения, его тезис о принятии человеком абсолютной ответственности за свою жизнь характеризуют

¹ Европейское арт-движение второй половины XX в., которое отличается «размыканием» граней искусства, смешением различных его сфер – музыки, видео, театра, – перевод творчества в сферу коллективного, праздничного, спонтанного действия.

особенности его философского мировоззрения [10]. Эти идеи отразились и в революционных лозунгах, один из которых гласил: «Будущее станет таким, каким мы его сделаем сегодня!» Идеи экзистенциализма Ж.-П. Сартра проникли и в литературу, и кино, а именно эти средства культуры в XX в. наиболее сильно воздействовали на общественное сознание. Так, А.Н. Тарасов отмечает влияние художественных фильмов Ж.-Л. Годара, в которых представлена философия Сартра, на события 1968 г. [12]. Такие фильмы, как «На последнем дыхании» (1960), «Жить своей жизнью» (1962), «Альфавиль» (1965), закладывали у французской молодежи сомнения в осмысленности буржуазной жизни и правильности общественного устройства, предлагали ей революционные образцы поведения. Сам Ж.-Л. Годар активно погрузился в события 1968 г. и снимал пропагандистские документальные фильмы, например, «Фильм как фильм» (1968).

Другое значимое философское течение, питавшее эти события, – постмодернизм. Постмодернизм – не просто художественно-философское движение, это целое мировоззренческое пространство, которое более всего проявило себя в искусстве. И здесь особенно хорошо видно, как идея находит свое выражение в художественном образе, имеющем способность влиять на общественное сознание. Возникновение постмодернизма было связано с разочарованием в ценностных фетишах прошлого, в том числе науке и культуре. Сомнение в ценности современной культуры характеризует один из лозунгов событий 1968 г.: «Культура – это жизнь наоборот!». Постмодернизм характеризует высокая степень рефлексии, что ярко проявилось у Ж. Деррида в его «деконструкциях». Сомнение в рациональных основах науки и философии приводит постмодернистов к релятивизму, отрицанию устойчивых и надежных оснований для рационального мышления.

Среди французских философов-постмодернистов этого времени много блестящих имен, каждый из которых по-своему раскрывает безосновательность современной культуры. Так, Ж.-Ф. Лиотар утверждал самодостаточность индивидуального опыта человека на микроуровне и отрицал любые универсальные для человечества и народов тексты, определяющие их жизнь и мировоззрение. Ж. Бодрийяр ввел понятие «симулякр» – артефакт высшей степени абстрагирования от реальной жизни человека, т. е. то, что симулирует реальность (деньги, мода и др.). Симулякр – культурный знак, который приобретает огромное значение в сфере общественного сознания, но сам по себе не обладает никакой действительной ценностью, отчуждая человека, гонящегося за симулякрами, от реальной жизни.

Р. Барт, философ-постмодернист, писал о «мифе», который не просто является пережитком прошлого, но активно присутствует в повседневной жизни. Он не только формирует определенный образ действительности, но и скрывает подлинную сущность общественной жизни (ее позитивные и негативные стороны). Наконец, Ж. Дилез и Ф. Гваттари ввели понятие «ризомы» (грибница), которое уходило от стереотипного понимания устройства мира и общественной жизни, предлагало принципиально новый подход, который в XX в. получил название синергетического. Грибница не имеет верха и низа, начала и конца, она развивается в каждом своем узле, обладая максимальной автономией.

Постмодернизм в искусстве проявил себя как художественное течение, использующее уже созданные ранее произведения искусства, артефакты культуры, но преобразованные по-новому и с долей иронии. Постмодернистское искусство маргинально, оно использовало подручные материалы, не гнушаясь откровенным хламом. Без сомнения, постмодернизм через философские труды и произведения искусства оказал влияние на французскую интеллигенцию, которая была одним из основных катализаторов событий мая 1968 г.

Наконец, нельзя не сказать о влиянии философии персонализма. И.С. Вдовина, крупнейший отечественный исследователь философии персонализма, отмечает, что идеи этого философского течения, так как и идеи экзистенциализма, сыграли важную роль в событиях 1968 г. [1]. Персонализм акцентировал внимание на личности человека, где на первом месте – способность человека проявить свое призвание, духовную сущность и воплотить ее в жизни. Персонализм призывает к осмысленному, вовлеченному исполнению каждым человеком своей миссии на Земле. Персоналисты утверждали приоритет духовных ценностей над всеми остальными, а современные проблемы они рассматривали в связи с отчуждением человека в капиталистической системе производства и с духовной деградацией общества. И.С. Вдовина определяет персонализм как социальное христианство левой ориентации [1].

Таким образом, можно говорить о влиянии на события культурной революции 1968 года религиозно-философских идей персонализма. Э. Мунье писал: «Мы отбросили иллюзию революции, которая касалась бы только социальных структур, и говорим о личной революции в душе революционеров» [8]. Лозунги о морально-духовной революции, об интеграции революционной борьбы и художественной деятельности, о личном межличностном общении были вынесены в мае 1968 г. на улицы. Один из таких лозунгов – «Возродить Возрождение!» – также являлся идеологемой культурной революции 1968 г.

Очень многое позволяют понять и другие лозунги, с которыми демонстранты выходили на улицы во время культурной революции во Франции в 1968 г. Во-первых, в них четко виден протест против сытой и духовно примитивной жизни: «Мы не хотим жить в мире, где за уверенность в том, что не помрешь с голоду, платят риском помереть со скуки»; «С 1936 года я боролся за повышение зарплаты. Раньше за это же боролся мой отец. Теперь у меня есть телевизор, холодильник и “фольксваген”, и все же я прожил жизнь, как козел. Не торгуйтесь с боссами! Упраздните их!»; «Скука контрреволюционна» [5].

Другие лозунги ставили под сомнение труд как важнейшую ценность в жизни человека: «Живи, не тратя время (на работу), радуйся без препятствий!»; «Пролетарии всех стран, развлекайтесь!». С начала XX в. трудящиеся потратили так много сил, чтобы добиться нормальных условий труда, что само сомнение в ценности трудовой деятельности было неожиданной и революционной идеей. В капиталистическом обществе трудовая деятельность позволяет наемному работнику обеспечивать материальные средства существования ровно настолько, чтобы поддерживать биологическое существование, при этом отчуждает от духовной составляющей жизни, т. к. забирает все время и силы на производство товаров и услуг. Досуг же открывает человеку возможность обратиться к самому себе, чтобы понять свое предназначение, заняться тем, к чему влечет сердце, в конечном итоге – проживать жизнь более полноценно. К этому выводу пришел и Ж. Дюмазедье: он писал, что досуг имеет большую ценность для человека, чем труд.

Анализ философских течений, питавших культурную революцию 1968 г. во Франции, позволяет сделать ряд выводов.

Главной движущей силой культурной революции во Франции была интеллигенция, а наиболее активной ее составляющей, инициатором, – студенческая молодежь. Причиной событий стали не столько социально-экономические трудности населения, сколько ухудшение его морально-психологического самочувствия на волне бурного экономического развития страны и капиталистических отношений. Детонатором революции стала маргинальная молодежь, выходцы из нижних страт общества, учащиеся «кирпичных» университетов (демократического типа), зараженные леворадикальными идеями троцкизма, сталинизма, маоизма, ситуационизма, анархизма.

Наибольшее влияние на общественное сознание в эпоху «культурной революции» во Франции в 1968 г. оказали идеи марксизма, ситуационизма, постмодернизма, экзистенциализма и персонализма. Часть лозунгов, которые появились в то время на плакатах, основывались на

философской мысли и могут восприниматься как идеологемы анимации. Специфика «культурной революции» 1968 г. заключается в том, что недовольство населения образом и ценностями современной жизни вылилось не только в столкновения с полицией на баррикадах, но и в борьбу с социокультурными эрзацами «общества потребления».

Современные философские направления помогли французам осмыслить социальные и духовные противоречия, а художественно-философские течения в искусстве – в образной форме их отразить. «Культурная революция» произошла не столько на баррикадах, сколько в сознании миллионов французов благодаря культурным артефактам, в которых были отражены важнейшие для жизни человека философские идеи. Следствиями событий мая 1968 г. стали активное развитие различных видов и форм общественной самодеятельности населения, переосмысление и углубление многими французами ценностей повседневной жизни. Анимационной составляющей этих событий можно считать влияние на сознание людей передовых философских идей в художественно-образной форме и мотивацию населения к деятельностному проявлению своего подлинного «Я»; направленность на преобразование не столько социальных отношений в обществе, сколько собственного сознания и контекста индивидуальной жизни.

Таким образом, события культурной революции 1968 г. представляют собой следующую модель анимационного преобразования общества.

Первая фаза: накопление у населения морально-психологической неудовлетворенности характером развития капиталистических отношений в обществе.

Вторая фаза: развитие философских течений, вскрывающих духовные противоречия человека с «обществом потребления», в среде интеллигенции.

Третья фаза: распространение философских идей в среде интеллигенции, в том числе студенчества, развитие общественных движений – носителей нового мировоззрения.

Четвертая фаза: создание артефактов культуры (в театре, кино, литературе, живописи и т.д.), в которых отражены философские идеи, направленные против бездуховности «общества потребления».

Пятая фаза: популяризация анти-отчужденческих философских идей и артефактов культуры в широкой общественной среде.

Шестая фаза: накопление идеологических и культурных противоречий в обществе.

Седьмая фаза: взрыв социокультурных и социально-экономических противоречий в обществе в виде революционной общественно-политической деятельности.

Восьмая фаза: перегрев революционной общественно-политической активности – разрушение политической ангажированности общественных движений.

Девятая фаза: переход в сферу эволюционного социокультурного преобразования общественного сознания в рамках деятельности неформальных объединений и общественных организаций.

Библиографический список

1. Вдовина И. С. Французский персонализм: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1992.
2. Ги Дебор Э. Общество спектакля. М., 1999.
3. Дойл К. Подробный анализ событий Красного мая 1968 года во Франции. URL: <http://www.socialism.ru/revolution/france/1968> (дата обращения: 1.03.11).
4. Кагарлицкий Б. Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М., 2005.
5. Майские события во Франции 1968. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 1.03.11).
6. Мерль Р. За стеклом. М., 1972.
7. Миронин С. Кто стоял за бунтом во Франции – 1968? // Интернет против телеэкрана: Информационно-аналитическое издание. URL: <http://www.contr-tv.ru/print/2709/> (дата обращения: 1.03.11).
8. Мунье Э. Манифест персонализма. М., 1999.
9. Рамбо П. 1968. М., 2007.
10. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. М., 2000.
11. Смит Р. Май – июнь 68-го. URL: <http://revkom.com> (дата обращения: 1.03.11).
12. Тарасов А.Н. In memoriam anno 1968. URL: http://scepstis.ru/library/id_550.html (дата обращения: 1.03.11).
13. Шварц П. 1968: Всеобщая забастовка и восстание студентов во Франции. URL: <http://wsws.org> (дата обращения: 1.03.11).

Добровольский Владимир Викторович – заместитель начальника – начальник учебного отдела Центра профессиональной подготовки ГУВД по Ставропольскому краю, полковник милиции. E-mail: cpps@yandex.ru.

Дождиков Антон Валентинович – кандидат политических наук; заместитель директора Департамента организации научных исследований, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: antondnn@yandex.ru.

Затравкина Татьяна Юрьевна – аспирант МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: tu.zatravkina@gmail.com.

Казаков Хамит Хаирбекович – соискатель Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии; военнослужащий. E-mail: u.ip@mail.ru.

Калмыков Виталий Сергеевич – кандидат исторических наук; доцент кафедры всеобщей истории и теологии, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: newlofty@mail.ru.

Масалов Александр Григорьевич – доктор политических наук; профессор, МГГУ им. М.А. Шолохова (Ставропольский филиал). E-mail: masalovag@inbox.ru.

Никифоров Юрий Александрович – кандидат исторических наук; доцент кафедры отечественной истории, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: 9035038012@mail.ru.

Орлов Александр Анатольевич – доктор исторических наук; доцент кафедры отечественной истории, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: arkgolkina@yandex.ru

Сайдарханов Аюб Магомедович – аспирант Северо-Кавказской государственной технологической академии; начальник отдела по г. Гудермесу и Гудермесскому району Комитета Правительства Чеченской Республики по делам молодежи. E-mail: aub_kpdm@mail.ru.

Тарасов Леонид Викторович – кандидат педагогических наук, докторант Московского государственного университета культуры и искусства; доцент кафедры семейной, гендерной политики и ювенологии

Российского государственного социального университета. E-mail: leotar@rambler.ru.

Шмелева Ольга Ивановна – кандидат исторических наук; доцент кафедры отечественной истории МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: o.shmelyova@rambler.ru.

V. Dobrovolsky

The activity of Cossack units in public order protection and regional safety in the Northern Caucasus

Conditions and factors of forming and development of Cossack units in Southern Russia, their participation in public order protection and regional safety in the environment of the Northern Caucasus are considered in the article.

Key words: Cossacks, Cossack society, Terskoe Cossacks, Terskoe Cossack army, The Caucasian Linear Cossack army, public order, regional safety, Northern Caucasus.

T. Zatravkina

Dislocation of 890 aviation regiment of long range at the flying and research airfield in Stakhano

In the article the author tells about the military destiny of the 890 aviation regiment of long range during 1942–1944 while it was located at the flying and research airfield in Stakhano (present day Zhukovsky).

Key words: long range aviation, 890 aviation regiment of long range, flying and research institute.

V. Kalmykov

The battle near Adrianopol in 378: consistent defeat of the Roman Army or the Emperor Valent's mistake?

The article is dedicated to the defeat of the Roman Army in the battle near Adrianopol. It describes the condition of the Roman Army in the fourth century, its tactics and armament. The article also points out the causes and consequences of the defeat and the consideration of the whole impact on the development of the Roman Army.

Key words: visigoths, Valent, Adrianopol, horse cavalry, infantry.

A. Orlov

The influence of the economic factors
upon the relationships of Russia and Great Britain
in 1830–1840

The focus of the article is how the economic relationships of Russia and Great Britain had the influence over the political relationship between the two countries in 1830–1840. In 1830 the British merchant class was highly engaged in the preservation of the Russian market. Nevertheless there was a serious difficulty in British trade with Russia – the protectionism of the Russian entrance system. The creator of the financial system was count E.F. Kankrin. After the retirement of the Minister of Finance in 1844, the emperor Nikolai I was engaged in the company of the overcoming of hardships in their inner engagement for the prevention of the shock that could do unrecoverable harm to Congress of Vienna.

Key words: the economics of Russia and Great Britain in 1830–1840, the Russian-British relationships, Congress of Vienna, count E.F. Kankrin, count K.V. Nesselrode, prime-minister R. Peel, Minister of Foreign Affairs John Hamilton Gordon lord of Aberdeen.

O. Shmelyova

The Revolt in Bosnia and Herzegovina 1875–1876:
the beginning of the Eastern crisis
in the 70-th of XIX century

The article is devoted to the problem of the revolt in Bosnia and Herzegovina's influence of national-liberation movements of Balkan's people against Ottoman Empire. This revolt was the beginning of the Eastern crisis in the 70-th of XIX century.

Key words: The Balkans, the Balkan crisis, national-liberation movement, political neutrality, revolt, military-political contract, status quo.

A. Dozhdikov

Political and social activity
of middle class people
in Russia as the main criterion
of their identification

The article proposes innovative approaches to the identification of the middle class in Russia. Traditionally, this social group is determined

by quantitative economic indicators, subjective indicators of social well-being, the so-called “self-identification” of the respondents to the middle class, their educational and cultural level. The approach of political science based on the following hypotheses is proposed as the basis, and opposed to the traditional econometric approach. First assumption, associated with the civilization approach: the middle class is unique for each society advanced social strata, with certain sources of historically conditioned development, in other words “the generators of the middle class.” The following assumption: the middle class is the most politically and socially active, prone to innovate. All other factors create opportunities for this activity. The «key object» to be investigated is not a person’s status, but their own, independent public or social and political activity. The parameters of this activity can be described by using quantitative methods.

Key words: middle class, social solidarity, political and social activity, upward social mobility, modernization.

Yu. Nikiforov

History as technology of social design

The paper addresses the problem of the interdependence of professional historians and politicians. The nature, form of existence of stories in the public mind (ideas, images, myths) is an objective precondition for the use of history for social engineering (design). Conjugation of scientific historiography with the objectives of the formation of general civil and national identity (“politics of memory”) should not lead nowadays to relativism in regard to history as a science.

Key words: social memory, historical policy, “the politics of memory”.

H. Kazakov

Integration of national cultural associations in the regional political system (on the example of Karachaevo-Circassia).

The article gives attention to the socio-political and organizational problems of formation of national cultural associations and their integration into the regional political system. On the materials of Karachaevo-Circassia factors contributing to the politicization of ethnic cultural associations and raising their profile in regional political process are shown.

Key words: political system, political process, national cultural associations, national cultural autonomy, Karachaevo-Circassia.

A. Masalov

Legal and sociopolitical aspects of counteractions to the activity of the extremist organization in the Northern Caucasus

Legal and sociopolitical aspects of counteraction of the Russian government and society to the activity of extremist organizations among youth on the materials of the Northern Caucasus are considered in the article. Features of youth social groups, the economic and sociopolitical conditions used by extremists for involving of youth in extremist activity are analyzed. Specific measures for more active counteraction of the Russian government and society to extremism are suggested.

Key words: youth, extremism, terrorism, extremist organizations, counteraction to extremism.

A. Saidarkhanov

Participation of local communities in the development of intercultural communication

The essence of local communities, the conditions for their formation and functioning nowadays are considered in the article. The author pays attention to the traditions of local community in the Northern Caucasus.

Key words: local community, intercultural communications, local self-government bodies, local community of the Northern Caucasus.

L. Tarasov

The events of the cultural revolution of 1968 in France as a model of animated transformation of the society

In the article the events of the cultural revolution of 1968 in France in cultural, historical and philosophical aspects are considered. The article depicts the chronology of the events that reveal political orientation, the philosophical issues which have defined the cultural component of the revolution, as well as the analysis of ideologemas that received reflection in numerous slogans during these events. On the basis of the conducted analysis the author presents the model of animated transformation of the society which reflects phases of change of cultural-philosophical consciousness of the society.

Key words: animation, sociocultural animation, ideologema, cultural revolution, the model of the animated transforming of society.

Памятка автору статьи, представленной для публикации
в ВЕСТНИКЕ МГГУ им. М.А. Шолохова

Статья принимается одним файлом, названным фамилией автора (соавторов) в формате Word.

К статье прилагается анкета автора: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень, звание (если имеются); должность; место работы/учебы или соискательства (полное название в именительном падеже); почтовый адрес (место проживания); телефон; E-mail.

Затем следует заглавие, аннотация статьи (8–10 строк) и ключевые слова (не более 10).

Резюме на английском языке должно включать: название статьи; фамилию, инициалы автора(ов); аннотацию, ключевые слова.

Объем статей не должен превышать 30 000 знаков, включая пробелы (т.е. 16 типовых машинописных страниц), а рецензии или отзывы на книгу – 3 страниц. Помимо бумажного, необходимо представить электронный вариант:

- редактор Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman;
- формат А4, кегль 14 обычный – без уплотнения;
- чертежи, графики, диаграммы, схемы должны быть выполнены с учетом возможностей черно-белой печати (четко, без мелких деталей, недопустимо использование фона, полутонов, цветных элементов);
- текст без переносов;
- межстрочный интервал – полуторный (компьютерный);
- выравнивание – по ширине;
- поля – верхнее, нижнее, правое, левое – не менее 2,5 см;
- номера страниц – внизу посередине, на первой странице номер не указывать;
- абзацный отступ – 1,25 см;
- ссылки на литературу приводятся непосредственно после фрагмента, требующего ссылки на источник, в квадратных скобках;

– библиографический список располагается в конце текста (входит в общий объем статьи и формируется по алфавиту, сначала идет литература на русском языке, затем – на иностранном).

К предлагаемым для публикации статьям прилагается отзыв научного руководителя и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Редакционная коллегия проводит независимое рецензирование.

Автор гарантирует соответствие содержания файла на электронном носителе бумажному варианту.

Контактная информация

Редакция расположена по адресу:

109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16–18, комн. 223.

Тел.: (495) 647-4477, доб. 11-351 – директор РИЦ Наумова Татьяна Николаевна, главный редактор Алексеева Алла Александровна.

E-mail: izdat_mgoru@mail.ru.

Издание
подготовили
к печати
сотрудники
редакционно-
издательского
центра
Редактор –
А. А. Козаренко
Корректор –
А. А. Алексеева
Обложка, макет,
компьютерная
верстка
М. В. Кантакузен

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. ШОЛОХОВА

Серия «История и политология»
2011.2

Электронная версия журнала: www.mgoru.ru

Сдано в набор 05.06.2011 г.
Подписано в печать 25.06.2011 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 7,5 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № _____
Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ФГНУ «Росинформагротех»,
141261, Московская обл., пос. Правдинский, ул. Лесная, д. 60.